

ББК
УДК

Бродовский (Петросян) В. Д.

По следу зверя: Повесть/ В. Бродовский. - издательство..., 2023. - ;
ISBN

В основу новой повести Валерия Бродовского легли события лета и осени 1944 года, когда советские войска, перейдя в контрнаступление, отогнали фашистских захватчиков к западным границам страны. Но на освобождаемых территориях остаются многочисленные группы сбежавших в леса полицаев, украинских националистов и «лесных братьев» из прибалтийских республик, представляющие большую опасность для советских граждан.

Осознавая, что Германию под руководством Гитлера неминуемо ожидает поражение в войне, часть высших офицеров Абвера вступают в тайные переговоры с Великобританией и США, вынашивающими планы уничтожения Советского Союза, ослабленного многолетней войной. Уцелевшие разрозненные бандформирования фашисты рассчитывают использовать в дальнейшей борьбе с большевиками. С этой целью в Литву направляется специальный агент. Получив об этом информацию, советские контрразведчики формируют для его нейтрализации особый отряд...

ISBN

[©](#) В. Бродовский
[©](#) Л. Чемсо-Петросян

ПО СЛЕДУ ЗВЕРЯ

Повесть

Часть первая

Встретимся на старом месте

«Доколе, Владыка святой и
истинный, не судишь и не мстишь
живущим на земле за кровь нашу?»
Откровение святого Иоанна Богослова 6,10.

1

Серебристый диск ночного светила, выкатившись из-за тучи, залил верхушки деревьев зловещим призрачным светом. Двигаясь в темноте леса, Коля Цвирко, по прозвищу Сверчок, поднял глаза к небу и – провалился в пустоту, не заметив вымытый дождями овражек. Вскочив с земли, юноша подхватил выпущенный из рук обрез, тревожно прислушался. Выросший в семье охотника, он с детства сроднился с лесом и читал его, как книгу. Но лишь ветер, пробегая по кронам деревьев, порывисто шумел листвой. Потерев ушибленное колено, Коля взошел на косогор, осмотрелся. Усталость валила с ног, хотелось передохнуть, но юноша упорно продолжал искать следы полицаев.

Немецких прихвостней Сверчок упустил накануне, во время наступления партизан на расквартированный в городке вражеский гарнизон. Атака захватила гитлеровцев врасплох. Вслед за ними спешно бежали и полицаи из шуцманшафта, или шумы, как называли в народе вспомогательные охранные батальоны, набранные из местных жителей. Воспользовавшись общей паникой, уходил с двумя своими подручными и вицефельдфебель Кондрат Матюшин. Сверчок был почти уверен: полицаи направляются в сторону Литвы.

Он заметил их на исходе ночи, когда в предрассветной дымке стали просматриваться очертания кустов и деревьев. С облегчением вздохнув, что не ошибся в выбранном направлении, молодой партизан сначала решил с ходу атаковать противника. В ожидании скорой развязки даже взмок. Но в последний момент передумал. Торопливость – не лучший советчик на войне.

Командир их особого отряда, Федор Иванович Чепраков, требовал от бойцов трезво оценивать собственные возможности. К тому же одного из троих полицаев Сверчок надеялся взять живым.

К Кондрату Матюшину он испытывал такое же чувство страха, какое однажды в детстве ощущал, стоя с выжлятником у края медвежьей берлоги. И все же ничто уже не могло остановить его от схватки с ненавистным врагом, повинным в гибели многих людей.

О том, что Матюшин собирается уйти на Север, Коля догадался, вспомнив разговор полицаев в управлении, куда его привезли после ареста.

Не добившись от юного партизана нужных сведений, немецкий офицер покинул камеру, велев вицефельдфебелю Матюшину продолжить допрашивать. К порученному делу командир взвода шумы приступил с особым рвением. Несколькими увесистыми ударами кулака отправив арестованного на каменный пол, Кондрат, будучи уверенным в том, что партизан лишился чувств, повел доверительный разговор со своим помощником. Говорили о том, что обещанная гитлеровцами победоносная война близится к полному поражению Германии, и пора было подумать о своем спасении. Тогда-то и прозвучало слово «Литва»...

Сквозь кроны деревьев засквозили первые лучи солнца. Увидев, что полицаи повернули к опушке, Сверчок, стараясь оставаться незамеченным в густоте июньской зелени, поспешил обойти их сбоку. Остановившись у старой кряжистой сосны на расстоянии выстрела, вдохнул полной грудью утренний росистый воздух. Почувствовал, как от голода и недосыпа закружилась голова.

Силы, вероятно, оставляли и неприятеля. Коля это понял по тому, как тяжело троика двигалась, часто спотыкаясь о кочки. Дотянув до опушки, густо поросшей по краю рябинником, полицаи повалились на землю.

Опершись спиной о куст старого чубушника, Кондрат покосился на присевшего неподалеку товарища:

– Слышь, Семён, подкрепиться бы надо!

Кивнув в знак согласия, тот сорвал со спины ранец, покопавшись в нем, достал три консервных банки и потянулся за висевшим на поясе ножом. Но воспользоваться им он не успел. Раскатистый выстрел из обрез разорвал утреннюю тишину. Обмякнув всем телом, Семён повалился на бок.

Издав вопль отчаяния, испуганный Власенко вскочил на ноги и бросился к ближайшему ельнику. Проявив завидную прыть, следом кинулся и Кондрат.

Выстрелить второй раз Сверчку не удалось. Подвел затвор старого оружия, заклинив патрон. Досадливо мотнув головой, юноша поспешил к убитому. Забрав винтовку и две запасные обоймы к ней, не забыл и личные документы полицая. «Советские граждане, – не раз говаривал замполит отряда Афанасий Петрович Строжевский, – должны знать имена предателей, даже если те мертвы».

Вспомнив их последнюю встречу, Сверчок приуныл. Он все пытался понять, что побудило политрука заподозрить его в измене.

2

Коле было шестнадцать, когда попал в партизанский отряд Федора Ивановича Чепракова. Но и до этого он не оставался безучастным, глядя на то, как нагло вели себя фашисты и их приспешники. Собрав вокруг себя нескольких школьных товарищей, он решил действовать.

Первое, на что решились подростки – угнали у полицая телегу. В ту же ночь подпилили опоры обветшавшего моста, по которому утром гитлеровские прислужники должны были провезти обоз с пшеницей. Уже на следующий день их действия вызвали ответные меры: в село из райцентра нагрянули гестаповцы.

Собрав на центральной площади жителей, фашисты вывели из толпы троих стариков и заперли в амбаре, сообщив, что выпустят лишь после того, как селяне восполнят все потери. Стараясь вызвать к себе расположение местного населения, даже пообещали никого не наказывать.

В тот раз, действительно, все обошлось. Лошадь с телегой нашлись. Крестьяне достали из реки мешки с зерном и просушили его.

Неудача не остановила юных борцов. Однажды Коле с товарищами повезло. Им удалось выкрасть у пьяного полицая винтовку. Неописуемая радость охватила подростков. С настоящим-то боевым оружием куда как сподручнее воевать! Да и статус в собственных глазах заметно повышался. Это же не стекла из рогатки бить в доме старосты. А другого ничего у них не было. Еще в самом начале войны гитлеровцы изыали у населения все имеющееся у него охотничье оружие. Если и сохранилась у кого из стариков берданка с древних времен, так кто же признается.

Но недолго радовались молодые мстители. На этот раз из города в помощь местным полицаям нагрянули жандармы. Арестовав пятерых человек, фашисты пригрозили всех расстрелять, если к утру оружие не будет возвращено. Пришлось Коле, рискуя жизнью, подбросить ночью винтовку во двор бывшего сельсовета, в котором разместилось новое руководство. От смерти арестованных это спасло, но от публичной порки шомполами – нет. В тот день ребята пожалели, что своими неумелыми действиями довели почтенных людей до позора.

Тем же вечером в доме Цвирко появился бывший директор местной школы, Павел Игнатьевич Тихонович. О чем-то недолго пошептавшись с хозяйкой, старый учитель истории ушел. Сгораемый любопытством, Коля подступил к матери:

– Чего приходил? Может, от отца вести какие принес?

О судьбе Колиного родителя, ушедшего на фронт в самом начале войны, семья ничего не знала.

– Передай своим, чтобы прекратили всякую самодеятельность, иначе снова невинные люди пострадают! – проворчала Акулина Борисовна, бросив на сына недовольный взгляд. – Война – не детские игрушки! Вас позовут, если будете нужны, – многообещающе заверила она.

Коля был в растерянности: «Откуда старик узнал, что это наших рук дело?» Словно прочитав его мысли, мать продолжала:

– Кое у кого из твоих дружков слишком длинный язык! Странно, что полицаи еще не добрались до вас. Смотри, Николай, доиграешься! – пригрозила она пальцем. – Вот вернется отец, все ему расскажу.

Почувствовав себя пристыженным, Коля вернулся к широкому подоконнику, заменявшему ему письменный стол. Подперев рукой подбородок, он долго смотрел в окно, вспоминая отца. Как же давно они не виделись! Жив ли?..

Стало ясно, что бороться с фашистами нужно другими способами, но как, они с товарищами не знали. Визит Тихоновича и слова, оброненные матерью, поначалу вселили робкую надежду на связь с партизанами. Но время шло, мать молчала, а старый учитель в их доме больше не объявлялся. Коля взволновался: «Так и война может закончиться без их участия!»

Неделю спустя в дом Цвирко ворвались полицаи. Осмотрев все уголки и сарай, они забрали непечатую трехлитровую бутылку самогона и... увели мать. Перепуганные, Коля с плачущей десятилетней сестрой Аней остались одни. Скоро в дверях появился Павел Игнатьевич. Вел себя старик весьма странно. Так же, как и полицаи, облазил все закутки, спустился в погреб. Долго что-то искал в сарае, проверяя вилами землю, после чего велел Николаю отправить сестру к соседям, а когда тот вернулся, сообщил, что немцы подозревают их мать в пособничестве партизанам.

Это известие шокировало подростка. Ничего такого за матерью он не замечал. Знал, что всем, кто помогает «лесным бандитам», как называли гитлеровцы партизан, грозила смерть. Вместе со страхом за ее жизнь, Коля одновременно испытывал и невероятную гордость. У кого еще из его друзей близкие сотрудничали с партизанами?

Позже выяснилось: немцам на Акулину Цвирко донес один из местных полицаев, сообщивший, что супруг ее служит в Красной армии, а сама она помогает партизанам медикаментами, которые привозит из города.

Женщину и еще несколько человек, обвиненных в разных преступлениях перед германскими властями, поместили в большой старый амбар, расположенный на центральной площади, где раньше проводились ярмарки. Здесь же, прямо во дворе, их на следующий день и стали допрашивать прибывшие из райцентра офицеры политического управления.

Площадь перед амбаром была огорожена высоким дощатым забором, служившим загоном для крупного рогатого скота, который немцы регулярно пригоняли из окрестных деревень и хуторков, чтобы затем переправить в райцентр, на станцию. Там животных грузили в вагоны и отправляли в Германию.

Через щелку в заборе Коля видел, как, развалившись в кресле, офицер, сутулостью напоминавший сохатого, допрашивал арестованных. Первым из амбара вывели пожилого мужчину. Николай не сразу признал в нем приятеля отца, дядю Степана, с которым не раз бывал на рыбалке. Супруги Савины жили в небольшом домике на окраине села. Единственная их дочь, проживавшая в Гродно, погибла в первый же месяц войны, угодив вместе с семьей под бомбежку. Обрушившееся горе сломало еще недавно крепкого и жизнерадостного пятидесятилетнего мужчину, и сейчас перед офицером стоял дряхлый старик. Савина схватили в тот момент, когда он собирался подсыпать в топливный бак армейского грузовика некий порошок. Отпираться он не стал, и после короткого допроса его вернули в сарай.

Следующей переводчик вызвал Акулину Цвирко. Увидев мать – простоволосую, в кофте с изорванным воротом и оцарапанным лицом, – Коля в бессильной ярости вцепился в доску в заборе, словно намеревался вырвать ее.

На вопросы Сохатого женщина отвечать не стала, демонстративно отвернувшись в сторону. Расценив такое ее поведение как вызов, гауптман что-то шепнул сидевшему рядом лейтенанту-переводчику, что вызвало у обоих гомерический хохот, после чего последний ткнул пальцем в стоявших в оцеплении полицаев, выкрикнув фамилии – Матюшин, Власенко. Отделившись

от остальных, два здоровяка подошли к хрупкой женщине и угрожающе нависли над ней.

Акулина продолжала молчать, только в глазах прибавилось страху. Один из них схватил ее сзади за плечи, чтобы не могла увернуться, а другой с силой, наотмашь, ударил раскрытой ладонью по лицу. Из разбитых губ по подбородку потекла алая струйка. Акулина не издала ни звука. Страх в ее глазах больше не было, лишь ненависть к бывшим согражданам.

Ухмылка сошла с лица гауптмана. Взмахом руки он потребовал продолжения.

Скривив рот, полицай размахнулся и с силой нанес женщине удар кулаком в живот. Охнув, несчастная переломилась пополам. Повалив на землю, верзила принялся избивать ее ногами. До Коли долетели слова: «Кровью захлебнешься, сучка, а все гауптману расскажешь!» Страх за жизнь матери заставил его зажмуриться. В голове стали рождаться самые фантастические планы мести. Почувствовав, как кто-то больно схватил за локоть, он открыл глаза.

Это был Павел Игнатьевич. Желая уберечь подростка от необдуманных действий, старый учитель попытался уговорить его вернуться домой, но тот решительно воспротивился.

Гитлеровцам не удалось узнать, у кого в городе Акулина получала медикаменты. В полубессознательном состоянии женщину оттащили обратно в амбар и бросили на земляной пол. Сама передвигаться она не могла.

Коля не помнил, как прибежал домой. В голове стучала единственная мысль: выволить! Любым способом выволить мать!

Сняв со стены в чулане старый отцовский сидор, с которым тот ходил в лес, он сложил в него нехитрую снедь: несколько отварных бульб, головку лука, небольшой шматок сала и литровую бутылку воды. Подумав, положил еще свежее полотенце и чистую кофту.

Скрип отворяемой калитки заставил его вздрогнуть и выглянуть в распахнутое окно. Во двор, едва волоча ноги, входил историк Тихонович. Проковыляв к крыльцу, Павел Игнатьевич тяжело опустился на ступеньку.

– Однако горазд ты бегать! – выдохнул старик, с трудом переводя дыхание. Заметив в руках паренька вещмешок, он, догадываясь, куда тот собрался, отрицательно замотал головой: – Не ходи, Коленька, не надо! Не сейчас!

– Да я... здесь поесть немного... – начал, было, дрожащим голосом Николай.

– Потом! Потом вместе отнесем. А пока делом займемся. Надобно тщательно дом с сараем осмотреть. Будем искать лекарства. Не дай бог немцы придут...

– Какие лекарства? Полицаи все уже осмотрели и ничего не нашли.

– То – полицаи, а то – фрицы! – упорствовал Павел Игнатьевич. – Если найдут медикаменты, твоей мамке точно не поздоровится. Тогда Акулине не избежать... кхм... В общем, ищи!

– Сами ищите, я скоро! – крикнул младший Цвирко и пустился бегом по улице...

Приближаясь к центральной площади, он увидел, как несколько полицаев разбирали часть забора, складывая потемневшие доски в штабеля. У запертого амбара, в котором держали арестованных, лениво прохаживался взад-вперед небольшого росточка паренек, немногим старше него. Набравшись решимости, Коля подошел к караульному.

– Мамка у меня тут... э... Мне бы увидеться с ней! – начал он сбивчиво.

Полицай нахмурился:

– С арестованными не велено разговаривать! Иди отсель!

– Передать-то можно? – попросил Николай, вытягивая далеко вперед руку с котомкой. – Я ей тут поесть принес.

– Поесть? Это можно, – неожиданно быстро согласился караульный, принимая вещмешок. – Разве ж я не понимаю!

Обрадовавшись изменчивости его настроения, Коля повторил попытку:

– Мне бы увидеть мать, поговорить...

– Я же сказал: не велено! – снова сдвинул брови караульный.

– Слушай, ты можешь передать офицеру, что она ни в чем не виновата? Нет у нас дома никаких лекарств. Ей богу! Я везде смотрел. Кто-то наговорил на нее.

Неопределенно мотнув головой, паренек заглянул в котомку.

– Здесь ничего запрещенного нет? А то, может, оружие надумал передать? – ухмыльнулся он.

– Да какое оружие! – отмахнулся Николай. – Бульбы немного да сала! Хочешь, я и тебе принесу? – Пытаясь спасти мать, он хватался за этого паренька, как за соломинку. – Ты скажи, мне не жалко! Только передай офицеру, пожалуйста?

Полицай отвернул лицо в сторону:

– Ладно. Ты, это, ты иди! Тут посторонним околачиваться нельзя. Если увидят – обоих накажут.

Горячо поблагодарив его, Коля вернулся за забор. Приникнув к узкой щелке между досками, он остался ждать, когда часовой отправится в расположенный напротив штаб, чтобы замолвить словечко о его матери.

Однако полицай и не собирался этого делать. Подозвав одного из тех, кто разбирал забор, он предложил разделить с ним содержимое передачи, сквозь смех отпуская скабрезные шутки в адрес «доверчивого дурачка».

Горькая обида клещами сдавливала горло Николаю, когда он, поднимая сандалиями пыль, бежал обратно к отчему дому. В голове вновь рисовались картины мести. Одна страшнее другой. Только теперь в них присутствовали полицайи, которых он сейчас ненавидел даже больше, чем гитлеровцев.

Павел Игнатьевич по-прежнему сидел на крылечке, дожидаясь его возвращения. Услышав рассказ заплаканного паренька, старик велел ему немедленно забрать у соседей сестру, после чего отвел обоих в свой дом. Оставив ребят на попечение супруги, Всеславы Валентиновны, Тихонович тут же скрылся в неизвестном направлении.

К вечеру по селу поползли слухи: завтра фашисты собираются казнить всех задержанных. От страха Коля впал в ступор. Он не знал, что делать. Друзья не

оставили его наедине с бедой. Дождавшись темноты, они огородами пробрались на задний двор стариков Тихоновичей. Собравшись в глубине сада под старой развесистой яблоней, подростки, со свойственной их возрасту горячностью, мешая друг другу, стали наперебой излагать различные варианты для спасения обреченных на гибель людей.

Ближе к полуночи вернулся Павел Игнатьевич. По сосредоточенным лицам ребят он догадался, о чем шел разговор. Отругав за неосторожность – местным запрещалось появляться на улицах в столь поздний час, – старик велел всем расходиться по домам, строго-настрого наказав самим ничего не предпринимать.

3

В эту ночь Павел Игнатьевич не спал. Еще не успели первые петухи оповестить жителей села о начале нового дня, как он проводил жену до леса. На краю луговой поймы супруги расстались. Прощание было недолгим. Согнувшись под тяжестью взваленного на плечи пузатого мешка с продуктами и самыми необходимыми вещами, дородная Всеслава Валентиновна скупобронила: «Павлуша, береги себя!» и, взяв за руку младшую сестричку Николая, Аню, не оборачиваясь, скрылась в чащобе.

Вернувшись в дом, Тихонович не стал будить вздрагивавшего во сне паренька. Дождавшись, когда взошедшее солнце полностью оторвется от земли и пойдет гулять по небосводу, он, наконец, подошел к кровати.

– Вставай, Коленька, пора! – произнес Павел Игнатьевич, с исполненным мрачной решимости лицом. – Надо идти!

Вскочив на ноги, Николай протер спросонья глаза и стал быстро одеваться.

– Куда, к партизанам?

– Каким еще партизанам?! Слышали бы тебя фрицы! – проворчал хозяин дома, кладя на стол краюху ржаного хлеба и большую очищенную картофелину. – Съешь по дороге!..

Виселица на центральной площади села, воздвигнутая из столбов и досок, стянутых с забора, бросилась им в глаза еще издали. Сердце Коли заколотилось

в предчувствии чего-то неотвратимого и ужасного. С побледневшим лицом он повернулся к старику:

– Пал Игнатьич, что это? Это для кого?

Тихонович ускорил шаг.

Как и накануне, гитлеровцы вновь согнали всех жителей на площадь, окружив ее живой цепью из полицаев и прибывшего ночью отделения эсэсовцев. Не сумев вовремя укрыться, Коля с Павлом Игнатьевичем оказались в самом центре толпы. Долго ожидать появления гауптмана с переводчиком не пришлось. Покинув в сопровождении автоматчиков здание бывшего колхозного правления, расположенного на другой стороне площади, оба офицера с важным видом вершителей судеб прошествовали к столу, установленному напротив виселицы. Из амбара вывели всех пятерых арестованных.

Бросив взгляд на людей, толпившихся у забора, Акулина сразу заметила сына. В светлой курточке из тонкой парусины, Коля выделялся среди темной массы. Сердце матери забилося в тревоге: «Почему не скрылся? Зачем пришел? Где Анечка?..» Опасаясь привлечь к нему внимание фашистов, она отвела глаза в сторону.

Толпа на площади застыла в безмолвии. Согнанные в загон, словно скот, люди испуганно взирали на происходящее. Какое-то время не слышен был даже детский плач. Но вот кто-то из женщин первым всхлипнул. Тут же над головами прокатилась робкая волна недовольства, и вскоре вся площадь загудела. Народ требовал отпустить ни в чем не повинных односельчан.

Коля тщетно пытался перехватить взгляд матери. До боли сжав челюсти, он нащупал в кармане складной перочинный ножик, готовый в любое мгновение броситься на ненавистного врага.

Почувствовав, как напрягся подросток, Павел Игнатьевич положил руку на его плечо и властно сжал, прошептав на ухо:

– Ты, Коленька, от меня не отходи! И давай без глупостей!

Старый учитель понимал, какая буря творилась сейчас в душе мальчишки. Страх за родного человека, густо замешанный на злости, мог довести до срыва, что неотвратимо бы привело к катастрофическим последствиям. И матери бы не помог, и себя погубил.

Участь арестованных была предрешена. Всех их ожидала смерть. Гитлеровцам был необходим показательный суд, чтобы донести до населения: мы здесь навсегда.

Сохатый приказал помощникам подвести к столу одного из арестованных. Перед ними, с какой-то виновато-растерянной улыбкой на лице, с растрепанной головой и всклокоченной седой бородкой, предстал старик лет семидесяти. Жалкий вид человека, одетого в мятую рубаху навыпуск, в заплатанных штанах и древних, истоптанных башмаках, рассмешил гитлеровцев. Повернувшись к переводчику, гауптман что-то лениво обронил и, махнув рукой, отправил старика обратно.

Услышав фамилию Цwirko, стоявший позади Акулины полицай, грубо толкнув прикладом в спину, подвел ее к немцам. Переводчик задал женщине те же вопросы, что и днем ранее.

— Назовите имена людей в городе, кто снабжал вас лекарствами, — потребовал он. — Назовите, и мы сохраним вам жизнь!

Акулина продолжала упорно молчать. Сохатый никак не мог понять, почему эта привлекательная белорусская женщина, которой еще жить да жить, добровольно выбирает смерть. Это было так не похоже на поведение француженок и румынок, с кем ему доводилось встречаться раньше. Поведя плечами, словно сожалея об участи, которая ожидает несговорчивую женщину, офицер отослал ее к остальным арестованным.

Акулина встала рядом с едва державшимся на ногах мужчиной, чье лицо представляло собой сплошную кровавую массу. Лишь по одежде Коля с трудом узнал в нем Савина, приятеля отца.

— Он же во всем признался! Зачем было избивать? — недоумевал подросток.

– Очень может стать, что это наши вурдалаки-полицаи проявили собственную инициативу, – тяжело вздохнув, предположил Павел Игнатьевич. – Сволочные натуры! Прислужники сатаны!

Гитлеровцы торопились. Задерживаться в далеком от райцентра селе было небезопасно. Сохатый вышел из-за стола, взглядом, полным самодовольства, окинул собравшихся на площади и начал через переводчика зачитывать приговор: «...Действуя по законам Великого Рейха, дарованным германскому народу самим Богом, спасая от большевистской заразы всех, кто принимает наши порядки, мы и впредь будем сурово наказывать тех, кто помогает лесным бандитам...»

От предчувствия неотвратимости беды Коле хотелось крикнуть. В какой-то момент их взгляды с матерью пересеклись. Акулина ободряюще улыбнулась сыну.

Закончив речь, Сохатый победно вскинул голову и остался стоять, ожидая, когда полицаи подведут осужденных к виселице. Народ на площади зашевелился, загудел. Завыли в голос бабы. Засопели старики, выдавливая из груди проклятия. Глядя, как полицаи набрасывают на шеи несчастных веревки, женщины стали прикрывать перепуганным детям глаза.

Самообладание окончательно покинуло Колю. Выхватив из кармана нож, он рванулся вперед. Блеснув в лучах солнца, стальное лезвие напугало оказавшуюся на его пути молодую женщину с младенцем на руках. Коротко вскрикнув, она отшатнулась в сторону. К счастью, ее голос потонул в общем гуле.

Павел Игнатьевич успел перехватить руку подростка и до боли сжал ее чуть выше локтя. Несмотря на солидный возраст, он все еще обладал достаточной физической силой.

– О сестре бы подумал, дурень! – возмутился Тихонович, безуспешно пытаясь отобрать нож.

Заплакав, Коля прижался лицом к груди старика. В этот момент гауптман поднял руку, собираясь дать отмашку. Толпа снова замерла. Тихонович отвел

взгляд от виселицы. Смотреть, как лишают жизни людей, которых знал долгие годы, он не хотел, поэтому не увидел, как пуля, выпущенная партизанским снайпером, снесла гауптману полчереп. Следующий выстрел заставил и переводчика уткнуться головой в стол. Мгновение спустя все вокруг загрохотало и пришло в движение...

Доклад от связных о готовящейся казни сельских активистов, помогавших партизанам, командир отряда Федор Чепраков получил далеко за полночь. Выдвигались спешно. Времени на подготовку не оставалось. Решили действовать по обстановке.

Первыми, как всегда, в бой вступили снайперы. И пока они прицельно расстреливали неприятеля, стараясь не задеть заматавшихся в испуге по площади людей, автоматчики отрезали фашистам пути отступления.

«Слава Богу, успели! – вздохнул облегченно Павел Игнатьевич. – Еще минута и было бы непоправимо поздно». Привлекая внимание напуганных стрельбой селян, старик высоко поднял руки и стал громко призывать всех лечь на землю. Падая сам, он увлек за собой женщину с младенцем. В панике немногие слышали его.

Едва раздались первые выстрелы, Коля вырвался из цепких рук старика и подбежал к виселице. О собственной безопасности он в этот момент не думал. Опасался, как бы полицаи не успели выбить табурет из-под ног матери. Сама бы она избавиться от петли не сумела. Фашисты предусмотрительно связали арестованным руки за спиной.

Освободив мать, Коля бросился к остальным. Только одного человека не удалось ему снять с петли живым. Пуля оборвала жизнь Степана Савина раньше, чем лезвие ножа коснулось веревки.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Избежать заслуженной кары никому из врагов не удалось

Дождавшись, когда бой стих, Коля вернулся к матери. Крепко прижав сына, Акулина не сдержала слез. Немного погодя, спросила с волнением в голосе:

– Где Аня?

Николай поспешил успокоить:

– Не волнуйся! Мы с Павлом Игнатьевичем отправили ее в лес.

Вспомнив о старом учителе, мать и сын Цwirко бросились искать его.

Тихоновича они нашли недалеко. Старик лежал на земле, а на груди, по выцветшему полю посеревшей от времени сорочки, расплывалось большое алое пятно. Рядом, судорожно прижимая к груди младенца, громко причитала та самая молодая женщина, которую Коля несколькими минутами раньше напугал своим ножом.

– ...Нас спасал, а сам, вот, погиб! – всхлипывая, рассказывала она сидевшему на корточках мужчине.

Одетый в офицерские брюки-галифе и гражданский пиджак поверх гимнастерки, незнакомец, чей возраст трудно было угадать из-за густой с проседью бороды, придерживал обеими руками голову старика.

– Что же ты его раньше времени хоронишь?! – возмутился он. – Жив Пал Игнатьич, жив! Рано ему еще на тот свет. Верно, отец?

Едва заметная улыбка тронула бескровное лицо Тихоновича:

– Ты все-таки успел, Федор Иваныч! А я уж и надежду...

Тяжелый кашель не дал ему договорить.

Обернувшись на копавшегося в брезентовой сумке бойца, бородач поторопил:

– Кудымов, скорее! Истечет ведь!

– Куды ж скорее, таваш командир? – проворчал партизан, выуживая на свет пакетик с бинтом. – Я када еще говорил, что перевязывать нечем?

– Давай, боец, давай! Потом будешь жаловаться.

Стоявший рядом с ними черноусый автоматчик, цепким взглядом замечавший все, что происходило вокруг, потянул из внутреннего кармана пиджака два мятых пакетика:

– Держи, Кудыма! У фрица «одолжил» в последнем бою. Ему уже не понадобится.

Увидев перед собой Акулину с сыном, Тихонович попытался приподняться, но боль в груди сковала движение.

– Слава Богу, живы! – прошептал он.

Глядя, как жизнь с каждой секундой вытекает из него, Акулина, до боли прикусив губу и с трудом сдерживая слезы, опустилась рядом на колени.

– Может, телегу подогнать? Я мигом! – предложил Коля, чувствуя, как от волнения противно дрожат колени.

Нетвердой рукой Павел Игнатьевич придержал подростка за штанину.

– Не спеши! Мне уж она без надобности. – Схватив бородатого мужчину за руку, старик из последних сил прошептал: – Иваныч, возьми паренька к себе! Это я о нем тебе рассказывал. Возьми. Горяч больно, пропадет...

Тело погибшего учителя аккуратно уложили на подъехавшую телегу. Приказав собрать всех жителей, командир особого партизанского отряда Федор Чепраков выступил перед ними с краткой речью:

– Товарищи, мы еще вернемся сюда, потом, когда окончательно изгоним врага с советской земли! Вернемся и воздадим должное всем нашим погибшим. А пока что, товарищи, надо нам вот что сделать...

Офицер был уверен: не дождавшись возвращения в город своих людей, гитлеровцы направят в село карателей. За каждого убитого офицера или солдата фашисты жестоко мстили. Желая отвести подозрение от сельчан, он решил симитировать столкновение гитлеровцев с партизанами далеко от этого места. Однажды такое уже сработало. Отдавая распоряжение как можно скорее предать тела погибших земле, капитан Чепраков предупредил: никто не должен знать о том, что немцы были здесь.

Получив задание, несколько молодых партизан принялись в спешном порядке разбирать виселицу и восстанавливать забор, приводя площадь в первоначальное состояние. Остальные стали грузить тела поверженных врагов в повозки, предоставленные жителями. К работе подключили и мальчишек. Им было поручено собрать все гильзы, чтобы позже рассыпать на новом месте. Немецкую технику: грузовик, несколько мотоциклов, бронетранспортер и

легковой «Мерседес» – также следовало перегнать в лес, после чего уничтожить гранатами для достоверности боя.

Заметив подростка, за которого перед смертью просил Тихонович, Чепраков призывно махнул ему рукой.

– Значит, это ты сколотил отряд мстителей? Собирались с фашистами воевать?

Надеясь услышать похвалу, Николай с гордостью ответил:

– И воевали!

Лицо Федора Ивановича посуровело:

– Воевать нужно с головой! Могли невинных людей почему зря погубить.

Коля смутился:

– Я не думал, что так получится.

– Значит, хочешь воевать? – Голос Чепракова потеплел. – Тогда иди к нам. Я, вообще-то, не беру в свой отряд юнцов, но за тебя сам Петр Игнатьевич словечко замолвил. Да и Акулина, мать твоя, тоже просила. Между прочим, она у тебя настоящий герой! Помогает партизанам в очень важном деле.

Предложение прозвучало столь неожиданно, что привело подростка в замешательство. Обернувшись, он ухватил взглядом ожидавшую в сторонке мать. Только сейчас обратил внимание, как осунулось и посерело за эти дни ее лицо. Волна нежности к родному человеку охватила грудь.

Подойдя, Акулина легонько потрепала сына за светлые вихры:

– Иди! Тебя все равно дома не удержать, а так хоть под присмотром старших будешь.

Коля решительно отстранился. Это разве дело?! Человека в партизаны приглашают, а она с ним – как с мальчишкой! Что подумает Федор Иванович? Он хотел сказать, что уже взрослый, что не надо с ним так-то, но, заметив, какой печалью наполнились глаза матери, промолчал.

– Ну, так что, Николай, пойдешь к нам? – повторил Чепраков. – Парочка смелых птенцов нам в отряде не помешает. Годков-то тебе сколько? От радости Коле хотелось закричать, но сравнение с птенцом покорило.

– Вообще-то, мне семнадцатый пошел! – нахохлившись, выпалил он на одном дыхании и, немного подумав, добавил для солидности: – И я хорошо стреляю!

– Ну-у! – Брови Федора Ивановича взлетели. – Тогда сам бог войны велит тебе идти в мою дружину! – улыбнулся офицер. – Добро пожаловать в ряды партизан, боец Цwirко! Посмотрим, на что ты годишься.

Сердце Николая радостно колотилось, когда пожимал крепкую, шершавую ладонь капитана.

Оставив село под захлебистый лай собак, отряд вышел к подлеску. Здесь было решено разделить на две группы. Основная часть возвращалась с командиром в лагерь. С ним уходили и Акулина с сыном. Второй группе, возглавляемой старшим лейтенантом Виктором Вовком, предстояло завершить задуманное.

– Надо спешить! – торопил капитан. – Дождь собирается. Нам это на руку. Смывает следы колес. Самим бы только не завязнуть!

– Успеем, Федор Иванович! – заверил Вовк.

Остановившись за бровкой дороги, офицеры наблюдали, как мимо, скрипя и покачиваясь на ухабах, тянулись телеги с телами убитых фашистов. Неожиданно сбоку вынырнул новоявленный боец Цwirко и, как заправский военный взяв под козырек, обратился:

– Товарищ командир, разрешите доложить?

Федор Иванович приветливо кивнул:

– Разрешаю!

– Здесь не все полицаи. Двоих нет, как минимум.

Улыбка сползла с лица Чепракова.

– Ты уверен?

– Точно говорю! Нет тех, кто мамку вчера бил. Фамилию одного я хорошо запомнил – Матюшин. Второго узнал бы в лицо.

Капитан повернулся к Вовку:

– Что скажешь, Виктор? Плохо зачистили?

Офицер недоуменно пожал плечами:

– Уйти никто не мог. Мы все тщательно осмотрели. В живых остался только один полицейский из местных. Жители собирались над ним самосуд учинить, но я не допустил. Сказал, чтобы все было по закону.

– По закону – это правильно, – проговорил, задумавшись, Федор Иванович.

– Все же надо было по всем дворам пройтись. Может, кто спрятался? Ты представляешь, что будет с жителями, если хоть один фашист остался в живых? Завтра же немцы все село сожгут! – Капитан стал привычно пощипывать короткую бородку. Он так делал всегда, когда нервничал или крепко о чем-то задумывался. – Придется людей с собой уводить!

Вывод мирных жителей из села мог надолго связать руки партизанам. Их разговор слышал медленно проезжавший мимо возница. Спрыгнув с телеги, мужчина рассказал, что видел, как ночью из села выезжал грузовик с несколькими полицейскими.

– Очень надеюсь, что эти двое были среди них, – облегченно вздохнул Чепраков.

Отпустив возницу, Федор Иванович одобрительно похлопал нового бойца по плечу:

– Ну, Николай, считай, что проверку на внимательность ты прошел на «отлично»! Остальному тебя подучит... – Оглядевшись по сторонам, командир окликнул старика с окладистой бородой: – Захар Петрович! Ты, кажется, просил подобрать тебе помощника? Вот, рекомендую – Коля Цвирко, наш новый боец!

Подойдя ближе, старик приосанился, скептически оглядел невысокого худощавого паренька.

– Жидковат будет, Иваныч! Недокормыш какой-то! Сдюжит ли? Сам знаешь, на наших-то партизанских харчах растущее тело не засалится, лицо не замаслится.

По усталому лицу Чепракова пробежала едва заметная улыбка.

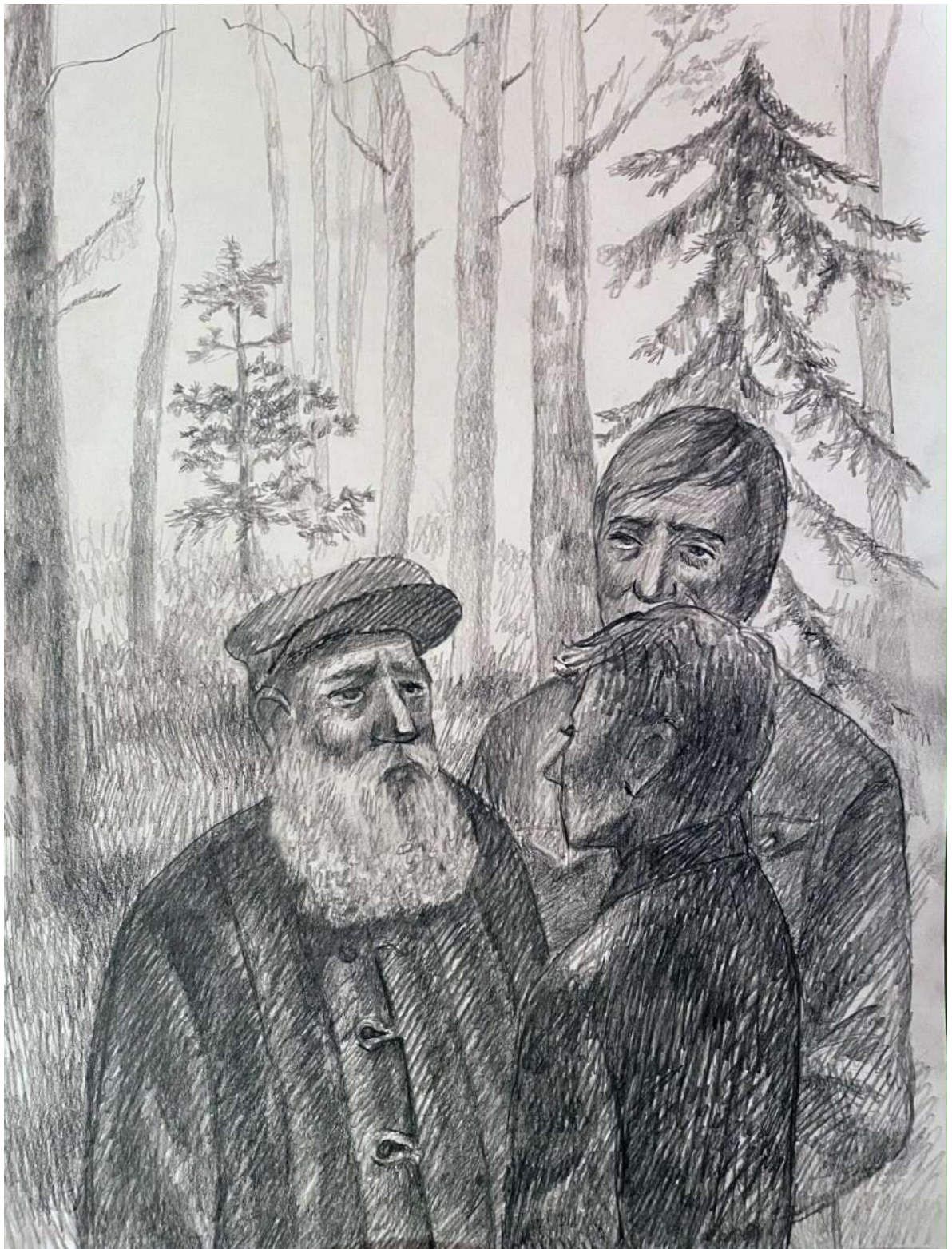
– Сдюжит, сдюжит! Чувствую, паренек с характером. А жирок... Жирок – дело наживное.

– И то верно. – Старик указал подростку место подле себя. – Ходи сюда! Буду учить, как хозяйством управляться.

– Каким еще хозяйством? – воспротивился вдруг Николай. – Не согласен я становиться на хозяйство! Я воевать хочу!

– Воюваты? – Пряча в густых усах улыбку, Захар Петрович укоризненно покачал головой: – Хм! Сперва горшки за ранеными поноси, а тоди и повоюешь, а то враз в шею вытолкаю!

Говорил старик на смеси русских и украинских слов, что делало его язык трудно воспринимаемым для слуха. Но тон, каким было сказано, заставил Колю согласиться.

– Ну, горшки так горшки, – опустил он голову. – Только воевать я все равно буду!

– А як же! Без тэбэ мы Гитлера братъ нэ будэмо! – то ли в шутку, то ли всерьез, кивнул Захар Петрович. – Значит, кажешь, што полицаи твою мамку забижали? – спросил он после короткой паузы. – Ну, подлецов мы найдем, не сомневайся. Найдем и спросим по всей строгости военного времени. Так я розумию, Федор Иваныч?

Стоявшие рядом партизаны, с любопытством прислушивавшиеся к их разговору, одобрительно загалдели:

– Верно говоришь, дед Захар! Еще как спросим!

– По-другому не будет, – утвердительно кивнул и командир. – Никого не забудем.

В тот момент Коля еще не знал, что пройдут долгие два года, прежде чем он снова повстречает Матюшина. А в тот памятный для него день началась их крепкая дружба со старым кубанским казаком, Захаром Петровичем Степаненко, с чьей легкой руки вскоре к нему прикрепились русские прозвища «Сверчок». Так переводилась на язык Пушкина его белорусская фамилия.

Вечером, уже в лагере, партизаны провели скорый суд над задержанным полицаем, чье участие в расстрелах мирных граждан было доказано очевидцами. Как выяснилось, этот же человек выдал немцам и Акулину Цвирко.

Съевшись, как зажаренный на сковороде гриб-сморчок, полицай искал сочувствия у окружающих.

– Видит Бог, не хотел я служить немцам! – скулил он. – Испугался! Гитлеровцы сказали, что всю семью расстреляют, если не пойду в полицейские...

Коля с раннего детства знал этого человека. Часто с его сыном оставался в школе поиграть в футбол. В какой-то момент жалкий вид односельчанина вызвал у подростка сочувствие, но вспомнив, что из-за него сегодня могла погибнуть его мать, брезгливо отвернулся.

– Да врет он все! – раздалось из толпы. – Жить хорошо хотел, вот и пошел к фашистам. Добровольно! Денег хотел. Гитлеровцы неплохо платят своим прихлебателям...

В тот день Коля Цвирко принял для себя важное решение: он постарается прожить свою жизнь так, чтобы никогда не пришлось иметь столь жалкий вид.

Трибунал отряда постановил полицака казнить. Затягивать не стали. Назначенные привести приговор в исполнение отвели осужденного подальше в лес. Остальные желания присутствовать при этом не выказали. Люди устали от смертей. Остался в лагере и Коля Цвирко. Увиденного сегодня ему хватило.

Ближе к полуночи, попрощавшись с матерью и сестрой, по настоянию Чепракова отправлявшихся в соседний отряд, Коля лег под навесом. Рядом, беспокойно ворочаясь, похрапывали его новые товарищи.

Спать не хотелось. Лежа на краю широких нар, изготовленных из тонкоствольных осин и покрытых свежим сеном, он воскрешал в памяти события минувшего дня. Вспомнилось лицо дяди Степана Савина. Вспомнил Коля и Всеславу Валентиновну, супругу Павла Игнатьевича. Печальное известие о гибели мужа пожилая женщина приняла стоически, словно была готова к этому. Лишь на мгновение дрогнуло морщинистое лицо да в нитку вытянулись губы, прошептав:

– Отмучился, стало быть, Павлуша. Вон оно, как в жизни бывает. Рожден был учительствовать, а погиб, как солдат. – Несколькоми минутами позже, возвращая Акулине дочь Аню, Всеслава Валентиновна решительно засобиралась: – Пойду. Негоже Павлу Игнатьевичу чужими людьми быть погребенным. Сама схороню.

Акулина пыталась отговорить. Уверяла, что тело ее супруга еще днем было предано земле. Не хотела, чтобы женщина в столь тяжелое для нее время оставалась одна в пустом доме.

Всеслава Валентиновна была непреклонна.

– Пойду. Помолюсь над могилкой. Отмолю у Господа грехи мужа. Пусть примет хорошо, позаботится. Хотя какие у Павлика грехи?! Светлый был человек...

Не удалось уговорить ее и командиру отряда. Пришлось Федору Ивановичу выделить двух бойцов, чтобы сопровождали вдову Тихоновича до самого дома.

Уже засыпая, вспомнил Коля лицо еще одного человека – полицая Матюшина.

4

До войны Кондрат проживал в Могилеве, где работал директором колхозного рынка. Денежное место и авантюрный склад характера, помноженные на желание жить на широкую ногу, рано или поздно должны были привести его на скамью подсудимых. Пойманный на взятке, по решению суда он был отправлен в долгую «командировку» в места, где душу греет редкая весточка с воли. Молодая и привлекательная супруга, привыкшая к роскошной жизни и дорогим нарядам, мужа дожидаться не стала. Познакомившись с известным артистом из минского театра, гастролировавшего в их городе, она уехала с ним в столицу. На переезд женщину вдохновило наличие у недавно овдовевшего пожилого мужчины большой квартиры и немалой суммы на счетах.

Несколько лет суровой лагерной жизни приучили Кондрата никому не доверять и рассчитывать только на свои силы. Отсидев полный срок, он вернулся в родной город и скоро понял, что человеку с запятнанной репутацией, как у него, приличную работу здесь найти не удастся. Пришлось податься к дальним родственникам в Лиду. К этому времени город уже два года как был присоединен к Белорусской ССР. Здесь и застала Кондрата война.

В услужение к гитлеровцам, обещавшим счастливое будущее всем, кто будет верой и правдой служить Великому Рейху, Матюшин подался не сразу. Некоторое время присматривался. Отмечал, как быстро продвигается мощная военная машина немцев на Восток. Решился, уверовав в какой-то момент, что гитлеровцы пришли сюда навсегда.

При новой власти он надеялся широко развернуться. После войны планировал заняться сельским хозяйством. Мечтал купить участок земли под ферму. «Жрать люди всегда будут хотеть! – рассуждал Кондрат. – Позже можно и пивную открыть. Поговаривают, колбасники очень даже уважают этот напиток...»

Служить Матюшин пошел во вспомогательный батальон. Сюда местные шли по разным причинам. Одни были обижены на советскую власть. Другие – чтобы избежать отправки в Германию на принудительные работы. Не последнюю роль играло и неплохое денежное довольствие.

В полицейские немцы не брали бывших уголовников. Узнав об этом, Кондрат умолчал о прошлой судимости, надеясь, что его документы затерялись где-то в архивах Могилева. Так бывший директор рынка стал полицейским. Предателей, служивших в этих отрядах, местное население называло полицаями.

Вскоре на мало пьющего, исполнительного Матюшина, быстро завоевавшего среди своих авторитет, обратил внимание молодой офицер полевой полиции Клаус Хойер. И когда его назначили руководить районным отделением, он решил взять с собою Кондрата, сразу предложив возглавить взвод вместо предшественника, убитого в стычке с партизанами.

Во вверенном подразделении полицейские дисциплинированностью не отличались. Но Матюшину достаточно быстро удалось навести порядок. Помог опыт, полученный в советских лагерях. Отобрав среди полицаяв несколько крепких парней, готовых за небольшие поблажки по службе беспрекословно подчиняться воле нового командира, он с их помощью пресекал любые попытки неповиновения во взводе.

Поначалу, в часто возникающих ссорах, обычно происходивших между белорусами и украинцами, служившими под его началом, Кондрату и самому не раз приходилось отстаивать свой авторитет кулаками. Но после того, как несколько человек лишились передних зубов, больше во взводе не нашлось желающих спорить с новым командиром. Офицер Хойер был доволен.

В обязанности местных полицейских, которых гитлеровцы презрительно называли «аскари» – туземцы, входило патрулирование дорог, улиц, рынков, охрана складов, проверка у населения пропусков, разрешающих передвижение из одного населенного пункта в другой. Одной из задач было выявление среди мирного населения сочувствующих партизанам, арест бывших партийных и советских работников, евреев, цыган, членов семей офицеров Красной армии. Участвовали полиция и в карательных операциях против партизан. Отдельным направлением в их работе была отправка молодежи на принудительные работы в Германию.

Матюшин служил старательно. Для выполнения поставленной задачи не гнушался никакими приемами и средствами. Часто лично принимал участие в допросах и расстреле партизан, рассчитывая этим заработать большой авторитет у новой власти.

Не раз партизаны пытались схватить его, чтобы предать публичному суду, но хитрому и изворотливому полицаяу каким-то образом удавалось избежать ловушки.

На новой должности Кондрат не забыл о своей мечте – встретить старость хозяином фермы или пивного ресторанчика. Правда, откладывать деньги с зарплаты полицая не получалось. И тогда он придумал способ, как накопить достаточную сумму для будущих свершений. Кондрат понимал: задуманное могло стоить ему жизни. Необходимо было найти среди немецких офицеров человека, кто бы заинтересовался его предложением и взял на себя определенные риски. Тщательно все обдумав, Кондрат остановил выбор на своем же непосредственном начальнике, Клаусе Хойере. Подобрал подходящий момент, он преподнес в дар его супруге, о которой гитлеровец несколько раз обмолвился, большой золотой перстень с изумрудом, чудом сохранившийся у него с довоенной поры. По замыслу Матюшина эта драгоценная безделица должна была послужить фундаментом их особых отношений. Офицеру подарок понравился. Он даже намекнул, что был бы не против получить еще что-нибудь подобное. Убедившись в алчности гитлеровца, Кондрат сделал предложение, от

которого тот не смог отказаться. Взамен попросил покровительство на время войны и потом, когда она закончится. Вскоре между ними сложились достаточно доверительные отношения. Клаус Хойер расторопным помощником был доволен и даже пообещал сделать его управляющим своего будущего имения в новых землях рейха, в Белоруссии.

Не об этом мечтал Кондрат Матюшин, но до поры открываться офицеру не собирался...

5

Земля под ногами стала мягче. Супесь сменялась суглинком, в котором вязли сапоги. Предположив, что впереди начинаются болота, Сверчок заторопился. Необходимо было догнать неприятеля до того, как он заберется в непролазные места. «Или полицаи хорошо знают дорогу, или сбились с пути», – рассуждал он, двигаясь по краю сырого луга, поросшего сочной болотной травой.

Заметив, как впереди качнулась ветка ясеня, юноша перескочил к группе старых сосен, стоявших особняком, и замер за одной из них. Полицаяев видно не было, но он чувствовал их присутствие. В воздухе висел знакомый сызмальства запах сырого леса. От голода сводило живот. Пожалев, что впопыхах не захватил ранец с продуктами убитого полицая, Сверчок достал из кармана кусочек содранной по дороге бересты и жадно зажевал. Так он мог ненадолго обмануть организм, приглушив чувство голода. Этому приему его научил дед Захар. Вспомнив старика, юноша насупился: «Досталось, наверное, деду от Строжевского за мое бегство!»

Уже долгое время он был в пути. Усталость все больше пригибала неимоверной тяжестью к земле. От слабости подкашивались ноги. Присев на струхлевший пенек,

стоявший под толстым слоем мха, Сверчок прикрыл веки и почти сразу погрузился в сон. Перед глазами вновь всплыл образ деда Захара. Сведя в одну линию мохнатые брови, старый казак недобро сверкал полными тревоги очами. Усы беззвучно шевелились, точно он хотел что-то сказать, о чем-то предупредить.

С трудом разлепив налитые свинцом веки, Коля стряхнул с себя сон, невольно задев рукой ветку над головой. И тут же два выстрела прозвучали почти одновременно, сообщая о присутствии в этом заповедном уголке природы вооруженных людей. Лес испуганно затих. Страх холодной змейкой скользнул по спине юноши, окончательно рассеяв остатки дремы. Но стрелявшие явно поторопились: пули просвистели мимо.

Догадавшись, что их преследует всего один человек, Кондрат велел Власенко оставаться на месте, время от времени отвлекая внимание на себя. Сам же, решив обойти противника с тыла, лег в росистую прохладу трав и энергично заработал локтями и коленями. Движение замедлял болтавшийся на спине тяжелый ранец, но оставлять его полицейай не хотел.

Выполняя указание Матюшина, Власенко выстрелил в сторону противника. Пуля ударила в дерево, за которым скрывался партизан. Следующая прилетела сбоку, отколов от ствола крупную щепу.

«В капкан берут», – догадался Сверчок. Заметив движение в районе валежника, он припал щекой к прикладу карабина и стал выжидать. Лишь на мгновение показалась среди замшелых веток голова Власенко, но этого оказалось достаточно, чтобы на белорусской земле на одного предателя стало меньше. Не теряя времени на перезарядку, юноша схватил с земли уже взведенный обрез, перекатился через спину к ранее замеченной неглубокой ямке. С этого места Матюшин был виден как на ладони. Сверчок колебался. Он мог в любую секунду нажать на курок, но быстрая смерть вицефельдфебеля казалась ему слишком легкой и несправедливой.

Дав предупредительный выстрел над его головой, юноша громко выкрикнул:

– Сдавайся, Матюшин!

Кондрат узнал голос человека, которого совсем недавно допрашивал:

– Жив, сученя? – Достав из кобуры пистолет, он засунул его для удобства за пояс. Другой, изъятый у Хойера, остался лежать в кармане брюк. – Надо было тебя еще в подвале удавить!

Распластавшись на дне неглубокой вымоины, вызванной дождями, он окликнул Власенко. Ответа не последовало.

– Бросай оружие и выходи! – снова предложил партизан.

Но сдаваться Кондрат не собирался. Вставив в приемник винтовки последнюю обойму, он прокричал:

– Можешь не стараться, щеня! Мне все одно расстрел светит! Я ведь ваших людишек мно-о-го положил!

От напряжения глаза Сверчка заволокло влагой. Пришлось протереть их грязным рукавом куртки.

– Сдавайся! Другого выхода все равно нет! Фрицам в Германии ты не нужен будешь, а здесь, может, еще поживешь...

Как же жалел сейчас Кондрат, что впопыхах не захватил гранаты. Одной бы хватило, чтобы избавиться от этого назойливого преследователя.

– А что мне фрицы с их Германией?! Мне они теперь без надобности. И жить я там не собирался. Здесь хотел, на своей земле. Владеть ею, как предки мои владели, пока большевики свои колхозы не придумали. Все отняли: землю, скотину...

– Немцы, конечно, обещали все вернуть, да? – Сверчок не скрывал иронии. Он помнил беседы политрука, рассказывавшего о капиталистах-мироедах, эксплуатирующих по всему миру бесправных трудящихся. – Поверил в гитлеровскую пропаганду? Небось, батраков мечтал завести? Из своих, из белорусов? Немцы-то в наймиты вряд ли пошли.

– А чем большевистская пропаганда лучше? – Кондрат осторожно выглянул из укрытия. – Нет в моих планах больше места ни немцам, ни большевикам. Скоро сюда другие придут. Эти половчее гансов будут.

Уловив в словах полицаи нечто важное, юноша подался вперед:

– Это кто еще собирается к нам сунуться?

– Тебе про то знать незачем! Ты, считай, уже труп.

– Нет у тебя никаких планов, кроме одного, как шкуру свою спасти. Слыхал, небось, Красная армия по всему фронту продвинулась? К границам Европы идет. Теперь даже в соседнюю Литву не попадешь. Кордоны везде выставлены. Посты армейские.

Слова партизана заставили вицефельдфебеля насторожиться:

– Какие еще посты? Нет там ничего. Не должно быть. Там немцы хозяйничают.

– Были допрежь. Нынче отовсюду побежали. Домой торопятся. К своим фрау-муттер. Говорю же – наши везде!

Николай блефовал. Что в действительности происходило в соседних республиках, он знать не мог. В нем сейчас говорил разведчик, желавший получить как можно больше информации о том, куда точно и зачем направлялись полицаи.

– Ничего, это ненадолго! – В голосе Матюшина уже не слышалась былая уверенность. – Скоро все изменится. Скоро мы вас всех окончательно зароем. И это будут не немцы, а анг...

Сплюнув с досады, что едва не сболтнул лишнее, Кондрат послал в партизана несколько пуль и рванул с места.

Увидев, как полицаи запетлял между деревьями, юноша брезгливо поморщился: «Побежал, крыса фашистская! А говорил: зароем всех, зароем...»

Осматривая в поисках документов карманы убитого Власенко, Сверчок в одном из них обнаружил ржавый сухарик. Огрызок лишь раздражил аппетит. Пришлось снова обманывать желудок берестой и молочными корешками молодого камыша. В пути ему не раз попадались ягодные полянки, манящие спелостью земляники и малины. Но, следуя совету, некогда полученному от деда Захара, он их мало ел. «Изголодавшемуся организму толку от тех ягод

немного, – говаривал старик. – Только аппетит дразнить да жажду вызывать».

6

Покинуть несколько лет назад родные степи и переехать в другую республику, кубанского казака Захара Степаненко побудили особые обстоятельства. Новым соседям и знакомым виновник многочисленных слухов, которые обычно водятся вокруг всякого приезжего, рассказывал о смене климата, который ему рекомендовали врачи в силу слабости легких. Не мог бывший есаул открыться людям, что на родине у него возникли нелады с новой властью.

Встретив Первую мировую войну в звании подхорунжего, Захар Степаненко некоторое время служил в особом, пластунском отряде кубанцев. Пластуны в казачьих войсках отличались специальной подготовкой, и их охотно привлекали к различным операциям. В Карпатах, совершая рейды по тылам противника, казаки подхорунжего объединились с сотней есаула Андрея Шкуро. В скором времени имя атамана, создавшего особый отряд, названный им «волчьей стаей», станет известно всей армии. Своими жестокими набегами, грабя и уничтожая все на пути, «стая» наводила ужас на врагов. Во время Гражданской войны, к тому времени поднявшись в чинах до звания генерал-лейтенанта, Андрей Григорьевич Шкуро стал одной из ключевых фигур Белого движения. Но, несмотря на героизм, проявляемый его казаками, генерал-атаман уважения среди офицерства не имел. Удба еще раз свела Захара Петровича с бывшим предводителем «волчьей сотни» в восемнадцатом году, в Ставрополе. Сюда, теперь уже есаул Степаненко, прибыл из Малороссии со своими казаками, чтобы служить под началом барона Врангеля. Встреча состоялась в станице Темнолесской, где, сменяя друг друга, короткое время располагались штабы генералов Шкуро, Покровского и Боровского.

Петр Николаевич Врангель не любил генерала Шкуро и партизанщину его не признавал. Считал разбойником, позорящим честь русского офицерства. Однажды, после очередной жалобы жителей из примыкавших к Ставрополю

станец на мародерствующих казаков Шкуро, даже отправил для его ареста отряд. Руководил им есаул Степаненко. Арестовать строптивного генерала, под началом которого к этому времени находилось десять тысяч сабель, не получилось. Не позволил генерал Деникин, руководивший объединенными силами Добровольческой армии, чей главный штаб находился в Ставрополе. В общей борьбе против большевиков Антон Иванович готов был собрать под свои знамена всех, кто представлял хоть какую-то силу. Шкуро такой силой обладал.

После победы Красной армии большинство из тех, кто боролся против советской власти, бежали за границу. Одни ушли на Восток и далее в Китай, другие в Европу. Покинули отечество и высшие офицеры Добровольческой армии.

Сразу после окончания Гражданской войны сотрудники ВЧК стали отслеживать всех, кто участвовал в Белом движении. Попал в особые списки и есаул Степаненко. Однако покидать родину Захар Петрович не пожелал. Жизни за ее пределами он себе не представлял. Решив затеряться на просторах новой, созданной большевиками страны, вместе со своими домочадцами он сначала перебрался в Грузию. Прожив три года на берегу Черного моря, семья затем переехала в Белоруссию, где и поселилась в одном из дальних районов. Здесь Захар Петрович устроился работать в лесное хозяйство.

Чета Степаненко вела тихий, замкнутый образ жизни, избегая ненужных разговоров и чужих глаз. Когда оба сына подросли, глава отправил их на родину, на Кубань, учиться выбранным профессиям. Там они и остались жить.

С началом германской агрессии, схоронив давно и тяжело болевшую супругу, Захар Петрович подался в леса, намереваясь прибиться к тем, кто с оружием в руках сопротивлялся врагу. Здесь и свели пути-дорожки старого казака с Федором Ивановичем Чепраковым.

Командир особой группы, заброшенной осенью сорок первого года из Москвы в Белоруссию для создания мобильного партизанского отряда, тогда только набирал людей. Он лично беседовал с каждым новым желающим

попасть в его команду. Отбирал молодых и выносливых мужчин, способных безропотно переносить большие физические нагрузки. Предпочтение отдавал выходявшим из окружения бойцам Красной армии. Но и тут решал, кого принять, а кого отправить в другие отряды, с которыми наладил надежную связь. В этой жесткой системе отбора старик Степаненко оказался единственным исключением. Захар Петрович удивил опытного офицера тем, что однажды ночью с легкостью обошел все посты и неожиданно появился возле его командирской землянки. Старый казак обещал показать слабые стороны охраны лагеря, если его возьмут в отряд. Отказать такому человеку, полному решимости даже в одиночку бороться с врагом, Чепраков не мог.

Для отряда Захар Петрович оказался настоящим кладом знаний. Огромный военный и житейский опыт сделали его незаменимым во всем, что касалось партизанского хозяйства. Организовать быт, заготовить впрок провиант – все мог казак. Даже хвори некоторые умел врачевать, изготавливая снадобья из известных ему трав и корений, благо местная флора изобиловала лекарственным сырьем.

Умения Степаненко особенно пригодились в первые месяцы деятельности отряда. С помощью «адских машин», выпуск которых Захар Петрович наладил из немецких авиабомб, обнаруженных партизанами возле взорванного железнодорожного моста, не один вражеский объект был уничтожен. Это потом Москва станет регулярно присылать по воздуху взрывчатку, а пока приходилось самим разбирать детонаторы, выплавлять тол, собирать мины.

Для своей «лаборатории» деду Захару много места не требовалось. Достаточно было соорудить небольшой навес над головой. Мастерскую партизаны тут же прозвали «чертовой кухней». «Блюда» свои старый казак готовил, как заправский повар, начиняя всякими «специями». Даже командир, прошедший перед этой войной финскую кампанию, многое черпал для себя из общения с ним.

Была у Захара Петровича еще с Первой мировой заветная мечта – дойти до Берлина. Очень уж хотелось казаку пройтись победителем по германской земле, как предки его по французской хаживали.

– Можя, возьмешь с собой, а, Иваныч? – осмелившись, попросил он как-то командира.

– Почему бы и нет? – пообещал Федор Иванович, дружески обняв за плечи, чего никогда не позволял себе с другими. – Пусть Европа увидит своего победителя! Вот только бороду придется сбрить да усы проредить, – сделав серьезное лицо, сказал Чепраков.

– Пошто так? – сощурил глаза Захар Петрович, трогая свое лицо.

– Ну, чтоб не думали в Европе, что в нашей армии молодых не осталось! – улыбнулся Федор Иванович.

– А, это можно! – согласился старик. – Я даже усы ваксой пидкрашу, чтобы зачернели.

– Ваксой можно! – засмеялся Чепраков, глядя с нежностью на удивительного старика, как любящий сын смотрит на отца.

Среди новых боевых товарищей, молодых и крепких, Захар Петрович не чувствовал свой возраст. Партизанская жизнь, полная опасностей и лишенная элементарных удобств, словно возвращала его в прошлое, в тяжелые годы потрясений и бед, выпавших на его молодость. В отряде он снова задышал свободно, не опасаясь быть арестованным сотрудниками НКВД.

Особое удовольствие бывший пластун испытывал, обучая молодых партизан методам выживания в одиночку. В памятные ему времена в пластуны отбирали особо подготовленных казаков, которых с детства растили будущими воинами. Из них готовили разведчиков и диверсантов. Каждый должен был уметь ходить по следу, плавать с завязанными за спиной руками и лазать по горам, владеть холодным оружием и навыками рукопашного боя, изучать саперное и артиллерийское дело. Весь богатый опыт, все, чему в свое время был обучен сам, Захар Петрович без остатка передавал партизанам.

Лучшим своим учеником старик считал Колю Цвирко. Этот небольшого роста, худенький с виду, но довольно крепкий паренек приглянулся ему своей отчаянной храбростью, порою граничащей с безрассудством. Ко всему, чтобы ни поручали, он подходил ответственно и исполнял беспрекословно. Сыграли роль и приемы французской борьбы, которые Николай самостоятельно изучил по подаренной отцом книжке, и умение метко стрелять. В отряде мало кто из бойцов мог посостязаться с ним в этом. Разве что прошедшие особый курс подготовки разведчики Чепракова во главе с Виктором Вовком. Этим ребятам дед Захар особо симпатизировал.

Однажды, в минуты откровения, старик впервые за многие годы решил обмолвиться в партизанском кругу о своих царских наградах, благоразумно умолчав, что одну из последних ему лично вручал генерал Деникин за успешное проведение «особо важной для Белого движения миссии».

Об этой операции, проведенной в Армавире, коей служба контрразведки Добровольческой армии придавала особую секретность, Захар Петрович никому никогда не рассказывал. Даже умирающей супруге не открылся. Тогда на Юге России столкнулись, с одной стороны, интересы молодой страны Советов и ее набиравшей силу Чрезвычайной комиссии, а с другой – контрразведка генерала Деникина.

Царских наград у Захара Петровича было много, но особо гордился он двумя Георгиевскими крестами. И вот, пребывая в наилучшем расположении духа, сидя с молодыми партизанами возле костра, повел он сказ о былых годах. Расписывал свою молодость дед Захар знатно! Где мог, умело привирал. Вспомнил, как однажды без единого выстрела, лишь засапожным ножом, пленил вооруженных немцев. Сверчок был единственным, кому и раньше доводилось неоднократно слышать эту историю, всегда удивляясь количеству плененных врагов, число которых неизменно росло от рассказа к рассказу. Но он благосклонно прощал словоохотливому старику эти неточности. Уж очень складно получалось у деда Захара внушать ему мысль, что германцев бояться не стоит.

«Вояки воны так соби! – неторопливо скручивая «козью ножку», скупоронял Захар Петрович слова, готовясь к долгому повествованию. Несмотря на то, что в этой республике прожил уже достаточно много лет, он по-прежнему оставался верен южно-казацкому говору, густо замешанному на украинской мове. – Воюють, покуда свитло. А як тильки ничь шинелькою землицу покрое, так караул высталяють, ружья в пирамидку складуть и хучь ты трэсни, а баталиям кінець! – уверял он, выпуская из широких ноздрей тугие струйки дыма сквозь седые, с характерной желто-коричневой дорожкой усы. – Больше всего прочаго воны любять на губной гармонике играть! Нам, разведчикам, то дуже на руку було, тому як на звук ентот шукать супротивника легче. М-да. Гармоника нимчуре навроде как настроение поднимает, чи што! И вот забачили мы, што на сухое горло воны долго на той бандуре играти нэ можут. Як словно горло сохне, чи што! Тянет их шнапсу накушаться. – Рассказывая, старик стряхивал пепел деликатным постукиванием костяшкой указательного пальца по сигарке. – Я того шнапсу добре наився! Не горилка, конешна, напрямки скажу, но за неимением чого другого пойдет. Искушает нимчура того шнапсу да снова за гармонику берётся, слюнями брызжет. Не знаю, як в нонешнее время, а вперёд так у них и було заведено. Думаю, што и зараз таке случается. Нимчура без шнапсу да гармоникі – як казак без самогону да баяна. Праздник какой ихний случится – тут же напьются энтовой дряни, от которой нутро казака тоской по бабам изводится, а посля шиколодом закусывают. Это конхвэта у них така була. Полагаю, што нимцы ею свои слабые желудки от остроты успокаивали, – растолковывал он. – Ну, а от такого шнапсо-шиколадного баловства их тоди быстро в сон окуняло. Вот туточки и хватай его, супостата, пока тэплэнький! – Ведя рассказ, дед Захар по-стариковски причмокивал губами, периодически замолкал на полуфразе, чтобы после короткой паузы продолжить. При этом его длинные густые брови, закрученные в неровные кольца, заламывались в дугу, что придавало лицу, подсвеченному багрянцем костра, схожесть с ликами древних сказителей, запечатленных на лубочных картинках. – А колысь сподручнее и обождать, когда хтось из них по

нужде в лесок засобирается, – продолжал старик так же неожиданно, как и замолкал, привычно пряча в кулаке огонек сигарки. – Тока нужно поймать момент, када исподнее скинет. Германец – человек культурный, можно сказать – аккуратный! Ему с голой задницей скакать перед неприятелем совестно. А ну, как обос... той, обделается! Покамест не прикроется, за ружьишко не схватится. Ну, а там, браток, ежели ты не лопушок, то и до Георгиевского Святого креста рукой подать», – так, издалека, приближался хитрый казак к своим памятным наградам.

Однажды рассказ деда Захара услышал их новый замполит, Афанасий Строжевский. Тем же часом он посоветовал старику меньше распространяться о своих царских наградах. Негоже, дескать, советскому человеку бахвалиться монаршими крестами. Прозвучавший как приказ, совет этот Захар Петрович счел для себя оскорбительным. Приняв величественную позу, достойную, по его разумению, самого атамана Войска Донского, старик осмелился напомнить замполиту, что казачье сословие служило не только царю, но, в первую очередь, отечеству и вере. Последний аргумент у политрука-атеиста вызвал вполне ожидаемую реакцию. Выслушав короткую речь о вреде религии и попах-мироедах, дед Захар, не унимаясь, перешел к последнему, как он посчитал, самому важному аргументу. Стал он перечислять имена известных полководцев – Жукова, Буденного, Малиновского, Рокоссовского, кто так же служили в царской армии и были награждены Георгиевскими крестами. И снова это было ошибкой. Фамилия последнего, до войны осужденного и отпущенного на свободу по личному распоряжению Сталина, вызвала в глазах Строжевского опасные огоньки. Рот его распялился в зловещей ухмылке, явно готовясь разразиться очередной нравоучительной тирадой.

Понимая, что поступил неосмотрительно, старый казак махнул в сердцах рукой и, опустив голову, немедленно зашагал прочь, бросая в воздух неумело скрываемые кашлем короткие ругательства. Несмотря на природную храбрость, проводника партии дед Захар побаивался. Слишком еще свежи были

воспоминания о годах, когда многие его знакомые и боевые друзья исчезали бесследно.

Мудрого человека жизнь до глубокой старости учит осторожности. После того памятного разговора обычно улыбчивый и словоохотливый Захар Петрович при виде Строжевского замыкался. Больше он не распространялся о своих царских наградах. Прекратил и молодежь вокруг себя собирать, опасаясь навлечь на ее головы лишние подозрения. Не любил замполит, когда бойцы в группы собирались. Подозрительным становился. «А ну, как командиров обсуждают! А может, и того хуже – планы какие вынашивают?..» Только одному человеку продолжал бывший есаул рассказывать о службе в царской армии, юному Коле Цвирко.

7

Полуденное солнце лениво катилось по небосклону. Легкий ветерок разгонял сырой лесной воздух, наполненный одновременно запахом медоносных трав и прелой прошлогодней листвы. Причудливой формы кучевые облака, наплывавшие с севера на синее покрывало неба, обещали к ночи дождь. Зашептали обласканные пробежавшим ветерком повислые ветки тонкоствольных берез. Засквозили пронизанные солнечными лучами густые кроны широкоплечих кленов. Земля взбугрилась, пошла проплешинами. Взойдя на один из бугорков, Сверчок вскарабкался на еловый выворотень и... изумился увиденному. Прямо перед ним чудесным образом разворачивалась необыкновенной красоты картина. Внизу открывался широкий плоский распадок, живописно покрытый травами и полевыми цветами, напоминавший своими красками убористый деревенский коврик, сотканный умелой рукой мастерицы.

Впереди, высоко поднимая колени и нелепо раскачиваясь из стороны в сторону, точно цыганский болванчик на резинке, торопко двигался Матюшин, упорно продвигаясь на Север.

– И откуда только силы берет? – вырвалось вслух у Сверчка.

Спрыгнув с выворотня, он подошел к старой сосне, одиноко стоявшей посреди высоких трав. В нос ударил резкий запах живицы, крупной янтарной слезой выкатившейся из пораненного ствола. Припав к толстой солнечной капле ртом, юноша стал отдирать ее вместе с корой, не забывая следить за полицаем. Смола оказалась твердой, как раз такой, какую любил в детстве жевать. Детство! Как давно оно было. Кажется, в какой-то другой, далекой и светлой жизни. Там остались дорогие его сердцу люди. Здесь же только он и Матюшин, а между ними – смерть.

Коля опустился коленями на толстый ковер из порыжелых от времени сосновых иголок и зажмурился. Бегать за полицаем он устал и сейчас думал, как поступить. Проще всего было бы пристрелить Матюшина. Только поможет ли это снять с него подозрение в измене? Ничего не решат и документы убитых полицаев. Мало ли где он их раздобыл.

Сверчок до боли прикусил кулак: «Не поверили! Мне не поверили! Он все не мог понять, почему командир ничего не сказал своим помощникам, Строжевскому и Вовку, о задании? Забыл? Может, я чего-то недопонял? Только бы дождаться встречи с командиром!»

Тем временем Матюшин пересек залитую солнцем полянку. Над местом, где он скрылся, громко заверещав, взметнулась стайка птиц. Сверчок рывком вскочил с земли, пристально взгляделся вдаль. Недолго покружив над верхушками деревьев, пернатые снова спрятались в кронах. Очередной порыв ветра донес до слуха едва уловимое журчание ручья. «К воде идет!» – догадался юноша, с трудом отрывая ноги от земли. Короткий привал сил не прибавил. Лишь немного отпустила стеснявшая грудь обида на замполита.

Бесшумному охотничьему шагу его еще в детстве обучил отец. Чтобы ни одна ветка не «вскрикнула» под ногами, не спугнула птицу или зверя. «В лесу иначе ходить нельзя», – говаривал старший Цвирко. Многому еще мог бы научить отец, да не успел, ушел на войну. Вспомнив родителя, Коля сглотнул вязкую от живицы слюну.

В отряде отца ему заменил дед Захар, обучивший всему, что могло пригодиться для выживания в лесу. Как разжечь бездымный костер, содрав с сухостоя кору и мох; из каких лесных трав приготовить ароматный чай, предварительно очистив болотную воду с помощью золы, песка и глины, как ставить ловушки на птиц и мелкого зверья – всему научился он у Степаненко. И сейчас мог бы легко обеспечить себя едой, если бы не пришлось гоняться за противником.

Представив, как стянет с себя просоленную от пота рубаху и с удовольствием освежится в холодном роднике, Коля невольно коснулся кожаной ладанки с вшитой в нее молитвой «Живый в помощи Вышняго Бога...». Ее обязала носить мать. Воровито оглядевшись по сторонам, точно опасался, что кто-то может подсмотреть, он быстро приложил ладанку к губам и трижды коротко перекрестился. Вспомнил, что последний раз осенял себя крестом перед тем, как вступил в комсомол.

Случилось это прошлой осенью. Принимали их с Сашкой Довгунцом в торжественной обстановке, перед всем строем. Замполит Строжевский лично вручал выполненные из сложенного вдвое куска картона временные комсомольские билеты с настоящей печатью. Теперь всякий раз навещая мать, кашеварившую в партизанском отряде командира Кручени, он обязательно вешал на шею вырезанный из дубового сучка крестик и кожаный мешочек. Знал: мать проверит. В душе новоявленный комсомолец посмеивался над ее дремучестью, но огорчать не хотел. Со временем страх перед смертью подвинул атеизм в сторону, уступив место вере в Господа.

Услышав хруст, будто кто-то неосторожно наступил на сухую ветку, юноша инстинктивно отпрыгнул за небольшой валун, вскинул оружие и «выстрелил на хруст», как учил дед Захар. Сердце заколотилось, когда вслед за выстрелом он услышал глухой стон. Неужели попал? Плохо, если насмерть. Лучше бы подранил, чтобы полицай мог самостоятельно передвигаться. Чертыхнувшись с досады – не переть же теперь труп на себе! – Коля замер в ожидании. От хитрого Матюшина всего можно было ожидать.

Время шло, а со стороны невидимого врага не доносилось ни звука. Выроненная им винтовка сиротливо валялась на виду. Подобрал небольшую деревяшку, высушенную до стеклянной звонкости, Сверчок стал маячить ею над головой, привлекая внимание. Реакции со стороны противника не последовало. Осмелев, Коля осторожно приподнялся над камнем, и в ту же секунду раздался выстрел...

8

После целого ряда побед Красной армии стало очевидно, что задуманная Гитлером победоносная война захлебывается. Забуксовала «непобедимая» немецкая военная машина. Временами гитлеровцы еще одерживали незначительные победы на отдельных участках широкого фронта, но к лету сорок четвертого года советские войска стали все решительнее теснить их к западным границам СССР.

Отступая, враг не оставлял после себя ничего, что могло бы способствовать быстрому продвижению Красной армии, разрушая инфраструктуры аэродромов, уничтожая вокзалы, взрывая мосты. К этому фашисты активно привлекали и местных полицейских. Одной из задач, поставленных Москвой перед партизанскими соединениями, было всячески препятствовать этому. Разрозненные отряды собирались единым кулаком ударить по фашистам, чтобы на разных участках подготовить коридоры для наступающих регулярных частей. Отряду Федора Чепракова предписывалось захватить и удерживать важный в стратегическом плане железнодорожный узел на западе городка. Действовали совместно с местным подпольем.

Получив задание командира, Коля со своим боевым другом Сашей Довгунцом отправились к условленному месту на встречу с представителями городского подполья. Местные антифашисты хорошо знали все подступы к станции, и партизанам необходимо было уточнить некоторые детали. Встреча была назначена на окраине города у старой мельницы, разрушенной в начале войны во время вражеского авианалета. О том, что с ними на связь выйдет сам руководитель подполья, друзья не знали.

Еще подростком Вадим Скобцев сломал по неосторожности ногу, которая неправильно срослась. С тех пор он сильно прихрамывал, из-за чего не был призван в армию. Не взяли его и на фронт, когда началась война. Покидать родной город молодой патриот не захотел, решив бороться с врагом на месте. Довольно быстро ему удалось собрать почти два десятка человек, готовых пожертвовать своими жизнями во имя освобождения родной земли от фашистских захватчиков.

Вначале их группа не имела возможности активно противодействовать врагу. Не хватало ни сил, ни средств. Но и за ту помощь, которую подпольщики оказывали местному населению, укрывая и переправляя в леса уцелевших пожилых коммунистов, евреев, семьи местных партийных работников, которых коллаборационисты не успели сдать немцам, руководители партизанского движения были им благодарны.

Первыми на связь с группой Скобцева вышли партизаны Чепракова. Важнейшей задачей была добыча сведений о перемещении немецких частей по проходящей через город железной дороге. Позже, вместе с партизанами, подпольщики не раз принимали участие в операциях по уничтожению вражеских составов, перевозивших орудия и боеприпасы.

Собираясь на встречу, Вадим не знал, что за несколько дней до этого немцам удалось раскрыть подполье. Получив от завербованного агента имена активистов, гитлеровцы не стали торопиться с их арестом. Извещенные о тесных контактах группы Скобцева с партизанами, они надеялись через них выйти на неуловимого Федора Чепракова. Этот красный командир, руководивший небольшим, но весьма маневренным отрядом, больше остальных доставлял им хлопот.

Стемнело, когда Вадим и два его товарища вышли к небольшому пятачку перед входом в полуразрушенное здание мельницы. В этот момент он и заметил слежку. Времени, чтобы предупредить ожидаемых с минуты на минуту партизан, уже не было. Единственное, что оставалось – открыть огонь по врагу. Вадим первым выстрелил в мелькнувшую в лунном свете тень.

В этот самый момент Сверчок, только что покинувший лес, выходил к мельнице с тыла. Застигнутый врасплох, юноша был немедленно обезоружен сидевшими в засаде полицейскими. Следовавший позади него Саша Довгунец еще мог скрыться, но делать этого не захотел, поспешив товарищу на выручку. Успев застрелить двоих бежавших в его сторону полицейских, он упал, сраженный несколькими пулями.

Едва короткий бой закончился, связанного по рукам и ногам Николая бросили в кузов подъехавшего грузовика и доставили в старинный купеческий особняк, расположенный в центре города, в котором размещалось районное полицейское управление.

Это двухэтажное приземистое здание с нелепыми широкими пилястрами, хмурыми окнами и глубокими подвалами давно имело у местного населения дурную славу. Еще со времени окончания Первой мировой войны в нем, сменяя друг друга, располагались различные структуры армий тех государств, которые посягали на местные земли. Литовцы, поляки – кто только не мечтал завладеть богатыми территориями, пока по специальному соглашению они не перешли Польше, оставаясь в ее владении до тридцать девятого года. С началом Второй мировой и захватом Польши Германией, земли эти отошли молодой Белорусской республике, к тому времени уже находившейся в составе СССР.

Под камеры в полицейском управлении был отведен большой подвальный этаж. Николая заперли в крохотном помещении без окна, освещенном единственной лампочкой, висевшей под потолком за пыльным плафоном, защищенным металлической оплеткой, чтобы арестованные не могли умертвить себя током. Воздух в камеру проникал из коридора через узкую щель между железной дверью и каменным полом.

Встречи с гестаповскими дознавателями Сверчок боялся. Слышал, к каким изощренным пыткам те прибегают во время допроса. Чтобы не думать об этом, заставил себя переключиться на воспоминания о Лиде.

К этой девушке Коля с недавних пор испытывал самые светлые чувства, на которые способен влюбленный юноша. В отряде о молодой подпольщице знали немногие. Связь с группой Скобцева Федор Иванович доверял лишь немногим бойцам. Впервые Коля повстречался с Лидой этой весной. К тому времени девушка уже не первый месяц работала в немецкой столовой. Место, куда ее устроили кухрабочей, оказалось подходящим для сбора полезной информации. Столовая состояла из двух блоков. В большом, где начинала работать, питались солдаты. Затем ее перевели в другой. Здесь столовались офицеры. По форме и шевронам гитлеровцев Лида быстро научилась определять, какие немецкие части передвигались к фронту через их район.

Первое общение молодых людей едва не закончилось ссорой. Приняв невысокого худощавого паренька с белесыми непокорными вихрами и застенчивой улыбкой за подростка, девушка возмутилась:

– Повзрослее никого не нашлось?

Она не решалась доверить новому связному ценную информацию.

– Сама-то давно оторвалась от мамкиной титьки? – придав голосу низов, буркнул обиженно Коля, и глядя, как недовольство на ее лице сменяется удивлением, совсем по-взрослому добавил: – Выкладывай поживее, чё надо нашим передать! Некогда мне тут лясы точить с малолетками!

«Малолетке» на тот момент шел семнадцатый год. Поначалу Лида вызвала в нем отторжение, показавшись высокомерной. Юноша не сразу понял, что это обычная защитная реакция девушки на молодых людей. Скоро события на фронте и усилившаяся деятельность партизан вызвала необходимость в их частых встречах.

– Так это тебя Сверчком кличут? – расплываясь в улыбке, поинтересовалась Лида при их очередном деловом свидании. – Я думала, что ты еще совсем мальчишка, а ты, оказывается, храбрец!

– Мальчишка? Хм. Между прочим, я на целый год старше тебя! – негромко возмутился Сверчок, с трудом отрывая взгляд от ее красиво очерченных губ. К этому времени он уже понял, что увлечен девушкой.

– Ой, никак интересовался, сколько мне лет? – захлопала ресницами Лида, кокетливо наклонив голову набок. – Зачем?

Русоволосая, стройная, с печальными глазами, она стояла перед ним во всей своей природной красе. Ее мягкий грудной голос обволакивал юношу, уносил в заоблачные дали, а белоснежная улыбка кружила голову. Чувствуя, как предательски заалели уши, Сверчок мысленно одернул себя: «Эко тебя понесло! И ничего-то в ней нет особенного. Девка как девка...»

– Очень надо было интересоваться, – стараясь не смотреть в глаза, чтобы ненароком не выдать своих чувств, промолвил он.

Девушка, напротив, открыто рассматривала его.

– А ты и в самом деле похож на сверчка!

Ожидая подвоха, Коля скривил губы:

– В каком смысле?

– Шустрый больно! Бегаешь быстро. Скачешь, словно сверчок. Видела однажды, как ты через забор сигал. – Лида вдруг залилась коротким смехом: – А ты умеешь петь?

– Чего? – Все больше распаляясь, Коля нахмурился. – Я те чё, артист какой, чтобы петь?

– Жаль! Сверчки красиво поют. – Девушка протянула сидор, наполненный чем-то тяжелым. – На, держи! Тут немецкая сгущенка для раненых. Будь осторожен! – предупредила она. – В мешок вшита записка для вашего командира!

– Не впервой, – процедил сквозь зубы молодой партизан.

Пора было расставаться. Потоптавшись на месте, Лида нерешительно поинтересовалась:

– Все хотела спросить тебя: какой он, Федор Иванович? В городе о нем легенды складывают. Женщины рассказывают: молодой, красивый!

Коле с трудом удалось скрыть свое разочарование. Острой иглой вонзилась в сердце ревность. «Ишь ты, командира ей подавай!»

– Ага, красивый! – только и оставалось ему согласиться. – На белом коне по облакам скачет! Увидишь – влюбишься! В него даже старушки влюбляются.

Улыбка сошла с пунцового лица девушки.

– Вот дурак! Ладно, иди! Мне возвращаться пора.

На закрайке леса его поджидали.

– Ну што, встречался со своей синеглазкой? – вырос неожиданно перед ним дед Захар.

От неожиданности Сверчок резко отпрянул в сторону. В следующую секунду в его руке блеснул короткоствольный наган. С таким малозаметным оружием ходить в город было сподручнее. Старик одобряюще похлопал ученика по плечу:

– Добре, молодца!

– Чё добре, деда?! А ну как пристрелил бы тебя! – дрогнувшим голосом проворчал юноша.

– Це вряд ли. Я ишо не так погано двигаюсь, як ты розумиєшь. – Задрав широченный рукав рубахи, поверх которой зимой и летом носил потертую от старости цигейковую безрукавку, Захар Петрович продемонстрировал пятизарядный обрез. – Шмальнуть да враз застелиться на траву ишо сумею, не сумневайся. Ну, так як там твоя востроглазая поживає? – напомнил он.

– Нормально, наверное, я не спрашивал. Только не моя она! – воскликнул юноша, невольно окрасив последние слова нотками тоски. Спрятав револьвер обратно за пояс, он показал на котомку за спиной. – Вот, сгущенка раненым...

Обмениваясь короткими фразами, словно перекидываясь картами, Захар Петрович не забывал поводить глазами по сторонам: не привел ли молодец хвост за собой.

– А я гляжу: идешь, мурлычешь себе под нос. Ну, думаю, ранила девка парнишку в самое незащищенное место, в сердце.

– Еще чего. Не то время. Война идет.

– И што? – Кучерявившиеся брови деда Захара приподнялись. – Война, хм! Эка невидаль. Война – дело проходящее, а любовь вечна. Так и в Библии сказано. Правда, зараз и не вспомню, у каком месте, но то и неважно.

– Не знаю, не читал.

– Ну, давай, откройся по дружбе! Так, мол, и так, Захар Петрович, влюбился, дескать, и вся недолга. Дай людям порадоваться чужому счастью!

– Да не влюбился я!

– Ну и дурак! Мал, значит, ишо. А может, не доверяешь мне свой душевный секрет? – Старик опустил глаза, делая вид, что удручен таким обстоятельством.

– Что ж, бывает. Я-то к тебе со всей своей откровенностью, а ты вона как ко мне? Не доверяешь.

«Что за день сегодня? Второй раз за час дураком называют!» – нахмурился Сверчок, но заметив, как старик неумело изображал обидчивость, невольно засмеялся:

– Ладно, есть немного! Только давай сменим тему.

– Што, взаправду влюбился? Вот славно! – обрадовался дед Захар, успев подумать: «Будет о чем сегодня с мужиками погутарить, а то как-то скучно живем! Все хоронимся от немца да его же и бьем. А тут – лю-бо-вь! Понимать надо».

– Только ей наш Федор Иваныч нравится, – обронил Сверчок. – Говорит: в городе о нем легенды складывают.

– Легенды? Легенды – это хорошо! Значит, правильно бьем фашистов. А про то, что командир наш нравится... так это в ней женская сущность заговорила. Бабы героев любят. Вот моя жинка, к примеру...

Сверчок оборвал его:

– Не герой я, чего уж?! Ладно, что в отряде?

– В отряде все нормально. Тишь да гладь, как утречком на Кубани-реке. Я тебе про другое скажу, а ты послухай. – Они торопливо шли по старой проселочной дороге, тянущейся вдоль чащи, спеша как можно дальше уйти от города. – Любовь для нас, мужиков, ежели подумать, хуже всякой хвори будет...

Юноше слушать старика не хотелось, но делать было нечего. Дорога в отряд им предстояла долгая.

– Пристанет, ничем не отдерешь. Лидка хоть и годочками покамест мала, да есть в ней женские чары. Трохи подождать – и распустится жар-птица. Туточки твоя погибель и настанет окончательно, верно говорю. – Захар Петрович вдруг неожиданно остановился, погрозил кулаком: – Тока смотри у меня, Николай! Ежели шуры-муры какие надумал, вмиг нагайкою отстегаю! Я скотства не потерплю!

– Какие еще шуры-муры? – отмахнулся юноша. – Сказано же: командир ей нравится.

Сорвав с его спины ношу, Захар Петрович вынул из кармана небольшой перочинный ножик и ловко вскрыл им днище старого, в многочисленных заплатках вещмешка. Достав на свет небольшой листочек вощенной бумаги с процарапанным текстом, тотчас спрятал его в карман штанов.

– Так-то лучше будет, – заметил он и, словно не останавливался, продолжил:
– По правде сказать, ваши бульбашки – девки справные, не спорю. Только с нашими казачками ни в какое сравнение не идут. Нет, не идут. Помню, шагаешь по станице, а навстречу красавишна! Ка-ак поведет бровью, да ка-ак колыхнет тяжелой грудью, что ты! Враз душа из тела выскакивает. Я так полагаю, что породистости наших казачек степь была помощницей. В ваших лесах да болотах таких сдобных фигур не встретишь.

Коле льстило, что старик разговаривал с ним на взрослые темы. Только что ему до кубанских казачек? Он их и в глаза-то не видел, знать не знает, как выглядят. Завел тут разговоры про черные брови да «убивающий наповал» взгляд, понимаешь. Для него, Николая Цwirко, краше девушки, чем русоволосая Лида, нет.

Сегодня она была особенно хороша в своем стареньком ситцевом платъице с туго стянутыми в толстую косу волосами. Коля больше не сердился на девушку за строптивый характер. Оправдывал: «С нами, мужиками, иначе нельзя». Корил себя за грубый тон. Чувствовал, как где-то в глубине души, к зарождающемуся волнительному чувству влюбленности присоседилась липкая, как болотная грязь, ревность. «Героев им подавай! Вот женщины!..»

Заметив, что Сверчок не слушает его, старик прервал набежавшие воспоминания о старой, давно забытой холостяцкой жизни, в которой было много самогона, случайных женщин и кровавых драк. Годы своей молодости Захар Петрович в шутку называл «кое-как пробежавшими».

Цепким взглядом окинув в последний раз проселочную дорогу, старик увлек юношу в чащу...

При очередной встрече, случившейся вскоре, Коля решил не показывать девушке, что увлечен ею. Даже взял на вооружение слова деда Захара: «Мужчине следует быть твердым, как лесной орех, а не киснуть простоквашей при виде юбки». Впрочем, это не удержало его от капитуляции, стоило девушке лишь разок улыбнуться.

Он пытался ухаживать. Неловко, несмело, по-юношески трогательно. То достанет из кармана увядший тощий букетик скромных полевых цветов, собранных по пути. То мятую открытку подарит из прошлой, довоенной жизни, подобранную на заброшенном хуторке, где иногда приходилось отсиживаться перед тем, как пробраться в город.

Поначалу девушка не принимала ухаживаний, отмахивалась: «Вот еще придумал! Баловство это». Коля не отступал. Упорства ему было не занимать. В какой-то момент Лида сдалась, стала брать подарки, смущенно опуская глаза: «Придумал же, будто я барышня какая...»

Теперь всякий раз, когда прощались, строго наставляла, словно старшая сестра, отправляя несмышленного братца в школу:

– Смотри, по дороге ни с кем не задирайся! Ходи сторонкою, чтобы на немцев не напороться. Любите вы, мальчишки, отважничать, героев из себя строить.

Коля усмехался, ворча для порядка:

– Хм, мальчишку нашла!..

Он-то давно себя взрослым считал. Тому и подтверждение имел на руках – боевое оружие, доверенное старшими товарищами. Недорослю кто бы дал?! Радовало Колю, что Лида ни разу больше не упомянула имя его командира.

10

Гулко цокая металлическими набойками по каменному полу, двое полицаев вели Николая по узкому длинному коридору. С каждым шагом волнение все больше охватывало его. Он не сомневался: ведут на допрос, где будут бить. Не знал, сможет ли выстоять. Кроме перелома руки в раннем детстве, другой боли никогда не испытывал. Ему везло. За все время участия в боевых действиях даже легко ранен не был.

Николая втолкнули в большое прокуренное помещение, где так же, как и в камере, не было окна. Воздух поступал из коридора через открытую настежь дверь и небольшую вентиляционную решетку в стене под потолком. У дальней от входа стены, за старым конторским столом, покрытым истрепанным

зеленым сукном, сидели светловолосый молодой офицер в форме капитана полевой полиции и мужчина лет шестидесяти, одетый в гражданское платье. За спиной капитана у самой стены стоял плотного телосложения унтер-офицер.

– Меня зовут Томас Рюйтель, – представился мужчина в гражданском, поправляя на носу очки с круглыми стеклами. – Я буду вашим переводчиком. Сейчас капитан Хойер задаст вам несколько вопросов. Советую отвечать на них честно.

Коля обратил внимание на его акцент. Подобный был у одного эстонца, по каким-то надобностям приехавшего к ним в село до войны.

Арестованному предложили сесть на табурет, наглухо привинченный к полу в двух метрах от стола. Немецкий офицер с любопытством разглядывал щуплого паренька, принимая его за подростка.

Рюйтель коснулся носовым платком вспотевшего лица:

– Готовы?

Придав лицу озабоченный вид, Сверчок кивнул:

– Да, конечно! Я буду отвечать честно.

Хойер расплылся в улыбке:

– На гут! Ошен карашо!

За время пребывания на Восточном фронте капитан успел немного изучить язык противника. Он решил прибегнуть к своей излюбленной манере ведения допроса. Играя роль доброго самаритянина, начал с посула, обещая «карошему киндеру Николаусу», заблудшему и обманутому «ужасный марксист унд коммюнист Сталин», всяческие блага, ожидающие его, если расскажет, где находится их партизанский отряд, руководимый Чепраковым.

Услышав фамилию командира, Сверчок насторожился. Сам он ее не называл. Откуда же немцы могли знать, под чьим началом он служит?

Не дождавшись ответа, переводчик напомнил:

– Советую отвечать на вопросы!

Представившись простачком – не зря же участвовал в школьной самодеятельности, – юноша растянул губы в улыбке:

– Если вы про партизан спрашиваете, господин главный офицер, так про то всем известно: в лесу они прячутся! Только я к ним никакого отношения не имею, – развел он руками. – И фамилию, какую вы назвали, прежде никогда не слышал. Как там его? Чапарков, Чепурков? Нет, не знаю такого.

Глаза капитана сузились.

– Как же ты оказался у мельницы? – перевел очередной вопрос Рюитель.

– Случайно.

Офицер обратил его внимание на стол, на котором лежали ППШ и наган, найденные при нем во время задержания.

– А, это! – Коля старался казаться спокойным. – Это я в лесу нашел, когда по ягоды ходил, – как можно убедительнее произнес он. – Могу и место показать.

– А домой зачем нёс? Хотел в германских солдат стрелять?

– Что вы, боже упаси! Закон же есть такой, господин главный офицер! Я знаю, я читал! Кто оружие найдет – обязан сдать его властям. За это и вознаграждение полагается. Разве нет? Вот я и подумал: отнесу в город, в комендатуру. Мне денег дадут. Да только патруль сам на меня вышел. Денег-то дадите? – напомнил он. – Я тут штаны себе решил новые справить. Старые совсем прохудились.

– Любишь деньги?

– Кто же их не уважает?! – ухмыльнулся юноша. – Деньги – это сила! С ними че хошь можно купить.

– А ты по какому адресу проживаешь?

Только сейчас Сверчок понял, какую допустил ошибку, затеяв игру с опытным противником. В этом городе он даже родственников не имел. Впрочем, будь они у него, вряд ли стал подвергать смертельной опасности.

Заметив замешательство на его лице, капитан Хойер осклабился, откинувшись на спинку кресла.

– Нам известно, кто ты и как зовут твоего командира. Отпираться бесполезно, – заметил Рюитель, отложив в сторону шляпу, которую теребил

тонкими, как у музыканта, пальцами. – Итак, где находится ваш отряд? Где Федор Чепраков?

Стало ясно: их кто-то предал. Отпираться дальше, действительно, не было смысла. Оставалось только тянуть как можно дольше время. Сверчок опустил голову:

– В лесу, где же ему еще быть.

Из коридора донеслись шаги, и в помещение тяжелой поступью вошли два человека. Один из них остался стоять у входа. Второй прошел за спину Хойера и встал рядом с унтер-офицером. В табачном дыму Сверчок не сразу разглядел в нем того самого человека, который два года назад избивал ногами его мать. Сердце юноши сжалось: «Матюшин!» Как же долго он искал с ним встречи. Но не о такой мечтал.

По знаку капитана унтер-офицер убрал со стола оружие и разложил полевую карту. Арестованному велели подойти ближе.

– Где в лесу? Сможешь показать место?

«Кароший югенд Николаус» качнул отрицательно головой:

– Нет, не смогу. Не обучен картам. Да и смысла в этом нет никакого. Партизаны – что ветер! Поди, узнай, где они нынче скрываются.

Зная манеру Хойера долго изображать из себя доброго дядюшку, Матюшин не стал ожидать, когда закончится этот спектакль. В последних боях с партизанами его взвод сильно поредел и вицефельдфебель жаждал мщения.

– Герр капитан, дозвоьте мне самому поговорить с этим недоноском! – подступил он. – Дозвоьте! Мне эта большевистская сволочь все расскажет.

В душе Кондрат посмеивался над слизняками из полевой жандармерии, не способными грамотно вести допрос. Другое дело – сотрудники гестапо. Он несколько раз сталкивался с работой дознавателей из политической полиции рейха, когда доставлял к ним в Гродно особо важных арестантов. Гестаповские офицеры действовали ничуть не хуже большевистских следователей. Бывший директор рынка еще помнил, какими методами те выбивали из него показания, прежде чем упечь за решетку.

Взглянув на циферблат подаренных супругой в день их свадьбы наручных часов, капитан нерешительно махнул рукой.

– Я, Матюшин, битте! – Выйдя из-за стола, офицер бросил осуждающий взгляд на юного партизана и покачал головой: – Ду ист нихт гуд киндер! Мм... Ты ест никароший малчик!

Дождавшись, когда немцы с переводчиком покинут помещение, Кондрат снял китель, аккуратно повесил его на спинку кресла и велел стоявшему у входа второму полицаяу прикрыть дверь. Оглянувшись, Сверчок узнал Власенко. Это он помогал Матюшину допрашивать мать. Им тогда обоим посчастливилось избежать наказания.

Подвернув рукава рубашки, Кондрат приблизился. Встретив звериный взгляд полицая, юноша невольно вжался в табурет. Матюшин бить не стал. Велев – к немалому удивлению Сверчка – открыть рот, он для чего-то сначала заглянул в него и только после этого спросил с нескрываемым раздражением:

– Так что, расскажешь, где твой отряд?

– Я уже говорил офицеру, что не знаю, где сейчас может нахо...

Не дослушав, полицай громко хекнул и резко опустил тяжелый кулак на голову юноши. Клацнув зубами, тот обмяк и повалился на пол. Последовавший удар ногой отбросил его к стене.

Страшно было только первые минуты. Позже, когда тело почти перестало реагировать на боль, куда-то исчез и страх. Всякий раз, когда Коля падал с табурета, крепкие руки Власенко подхватывали его и водружали на место. Задыхаясь, юноша хватал наполненным кровью ртом воздух, отчего начинал мучительно кашлять. В висках громко застучали молотки. Почти теряя сознание, Сверчок вспомнил родной дом, где тепло и уютно, и никто там не причинит ему боль...

Кондрат ошибался, полагая, что руководитель районной полиции слизняк. Клаус Хойер хорошо знал свое дело. Но если в начале военной карьеры, слепо следуя инструкциям, был всего лишь дисциплинированным исполнителем

спускаемых сверху директив, то в последнее время по-иному воспринимал свою роль в этой чертовой войне. Этому способствовала складывавшаяся не лучшим образом для Германии обстановка на фронтах. Армии Вермахта стремительно отступали. Стало приходить понимание, что рано или поздно война будет проиграна. Масло в огонь подливали и письма из дома, в которых супруга сообщала, что жить стало тяжелее. Германия еще сохраняла силы, а немецкий народ надежду на перелом, но упорство, с каким русские продвигались к границам Европы, не оставляло шансов на лучший исход. Многие в их офицерской среде рассчитывали хотя бы на почетную капитуляцию.

Клауса больше не прельщали идеи вождя нации о Тысячелетнем рейхе. Идеологи национал-социализма ошибались, утверждая, что нищий и оболваненный большевиками советский народ с радостью сдастся просвещенной Германии. Капитан видел обратное – русские дрались ожесточенно, и все чаще задумывался над тем, как остаться в живых в этой мясорубке. Уволиться с военной службы в условиях войны он не мог. Лучшим выходом было бы попытаться перевестись в Германию, ближе к своей любимой Адалинде. Впрочем, это могло ее сильно разочаровать.

Выросшая в небогатой семье, его «благородная змея» не терпела бедности. Провожая на войну, женщина мечтала увидеть супруга преуспевающим в чинах и финансово обеспеченным. Очень уж ей хотелось стать видной фрау.

Не меньшего ожидал от сына и старший Хойер. Владелец небольшой фермы, Зигфрид поначалу не помышлял о военной карьере для своих сыновей, полагая, что растит себе смену. Приход к власти лидера национал-социалистической рабочей партии Адольфа Гитлера внес радикальные поправки в жизнь их семьи. Поддавшись пропаганде о новой арийской эре для германского народа, Зигфрид, как и многие их знакомые, посчитал, что армия в данный момент – это именно то место, которое способно проложить обоим его сыновьям широкую дорогу в будущее. Старший Хойер стал готовить отпрысков к военной службе.

Пройдя проверку на благонадежность по линии гестапо, Клаус сдал экзамен по физической подготовке и попал в молодежную организацию «Юнгфольд». Затем юный поклонник фюрера окончил курсы «Гитлерюгенда», после чего поступил в военное училище. Обучение было многоэтапное. Каждые шесть месяцев будущих офицеров отправляли в боевые части, где они на себе должны были испытать все тяготы солдатской жизни, а заодно набраться командирского опыта. Так что, к моменту получения лейтенантских погон Клаус уже успел надышаться порохом. И не где-нибудь в тире, а на переднем крае. На восточный фронт он попал, прослужив некоторое время в тихой и спокойной Европе, почти без сопротивления легшей под немецкий сапог.

За время службы Клаус сумел подняться по служебной лестнице до звания капитана. Его карьера росла, обещая дальнейший взлет. Но к лету сорок четвертого года он решил, что с него хватит. Фронтовые вши достаточно испили его арийской крови. Пусть теперь другие воюют, кто поглупее. А он лучше продолжит хоть и небольшое семейное дело, но останется в живых, чем в погоне за жирным куском получит девять граммов русского свинца и бесплатно несколько кубометров чужой земли.

Кроме перевода в Германию, задумывался Клаус и о другом сценарии, навеянном недавними разговорами со знакомыми офицерами из штаба округа. Многие опасались, что в случае поражения им не останется места в будущей Германии, где их непременно осудят как военных преступников. Один из армейских товарищей шепнул Клаусу на ухо, что уже сейчас необходимо озаботиться о новых документах. «С другим именем ты всегда сможешь скрыться, например, в Латинской Америке, – посоветовал он. – Говорят, там можно арендовать или прикупить участок земли и построить домик...»

Клаус решил внять совету. В конце концов, какая разница, где выращивать бычков? «Главное, чтобы рядом была моя ненаглядная Адалинда» – мечтал он.

Но пока что служба продолжалась и капитан был обязан выполнять функции начальника районной полиции.

Донесения о диверсиях партизан Хойер получал регулярно. Иногда по горячим следам им удавалось настигнуть ту или иную группу. За время службы на белорусской земле его подразделение, совместно с частями СС, уничтожило не один десяток отрядов. Несколько раз выходили и на группу Чепракова, но ликвидировать ее все никак не удавалось. Осуществив очередную диверсию, партизаны, словно лесные духи, тут же исчезали в неизвестном направлении. Не помогла в борьбе с ними и авиация, несколько раз поднятая в воздух с местного аэродрома. Сброшенные бомбы падали на ложные базы, устроенные на болотах.

До определенного времени партизанами занималось гестапо. Однако в последние месяцы политическая полиция отдала часть полномочий полевой жандармерии, разрешив самостоятельно проводить расследования их деятельности. Клаус верил: удача не может постоянно сопутствовать неприятелю. Однажды ему должно повезти. И фортуна не подвела, улыбнулась самым неожиданным образом.

Несколькими днями раньше охраной железнодорожного узла был задержан человек, пытавшийся пронести взрывчатку в мастерские, где ремонтировались локомотивы и разбитые вагоны. Установить его имя не составило труда, а стоило лишь припугнуть расстрелом, и к своему немалому удивлению, уже во время первого же допроса задержанный сознался, что является активистом хорошо замаскированного местного подполья. Для капитана Хойера это был поистине кайзеровский подарок, ведь о существовании в городе законспирированной организации советских борцов никто не догадывался. Следующим сюрпризом оказались полученные сведения о связях подпольщиков с партизанами, и в частности, с Чепраковым. Хойер воспрянул духом, полагая, что у него наконец-то появился реальный шанс добраться до неуловимого командира. Он не сомневался – это принесет ему заслуженные награды и, что более важно, даст шанс перевестись в Берлин. А уж там он и документы сделает и много чего другого сможет.

Однако Хойер был расстроен, когда узнал, что новый информатор понятия не имеет, где базируется отряд Чепракова. Немного успокоился, когда подпольщик рассказал о готовящейся очередной встрече их руководства с партизанами.

– Хорошо бы свести самих руководителей, – потребовал Клаус.

– За Чепракова не ручаюсь, – честно признался задержанный. – Нам диктовать условия партизанам не приходится. А вот Скобцева, думаю, сумею убедить, – пообещал он, уверяя, что имеет некоторое влияние на своего руководителя.

Чтобы не вызвать подозрений в долгом отсутствии, подпольщика отпустили, предупредив, что отныне за его близкими будет установлено круглосуточное наблюдение.

– Это на случай, если решите сбежать из города, – предупредил капитан.

Новому агенту Шпале – такое оперативное прозвище ему было дано – разрешили пронести и установить в мастерских взрывчатку. Правда, перед этим взрывотехники из особого отдела поработали с ней, так что большой опасности она уже не представляла. Легкий взрыв не причинил бы особого вреда.

Шпала заранее известил Хойера о месте встречи Скобцева с партизанами. Капитан не надеялся на присутствие на ней самого Чепракова, поэтому решил проследить обратный путь партизанских связных до их лагеря. Для этой цели Клаус даже вызвал опытных солдат из полковой разведки. Однако все пошло не так, как было запланировано. Заметив слежку, подпольщики открыли огонь. В ответ полицейские также применили оружие, нарушив приказ в случае неудачи брать всех живыми.

Захватить удалось лишь одного. Арестованного незаметно показали Шпале, и тот признал в нем бойца Чепракова по прозвищу Сверчок, которого видел пару раз с их подпольщицей, работавшей в немецкой столовой.

Хойер был удручен. Срывалось все, о чем мечтал. Красный командир по-прежнему скрывался в лесу, наверняка готовя очередную диверсию. Руководитель подполья убит. Опасаясь, что, узнав о гибели Скобцева,

подпольщики разбегутся, капитан отдал приказ задержать всех, чьи адреса были известны Шпале. К утру камеры в следственном изоляторе были заполнены. Несколько человек немцы задерживать не стали. Это было сделано с целью не засветить информатора.

Допрос подпольщиков ничего не дал. Вадим Скобцев умело оберегал своих товарищей от излишней информации. Никто из них не знал, где базируются партизаны. Но Хойер не собирался отступать. Еще оставалась надежда сломить сопротивление попавшего в плен молодого партизана, чья стойкость удивляла и в некоторой степени восхищала его. Вызвав в кабинет Матюшина, капитан приказал:

– Времени у нас мало. Делайте что хотите, но расколите этого безумца. Если будет упорствовать – повесьте на его глазах кого-нибудь из людей Скобцева для устрашения. Нам они все равно больше не нужны. Если и после этого будет молчать – повесим и его.

Хойеру подпольщики без руководителя, действительно, были не нужны. Доказать их причастность к сопротивлению он не смог бы даже с помощью Шпалы. В штабе могли решить, что капитан, желая выдвинуться в звании или получить награду, решил выдать обычных граждан за борцов с новой властью. Подобное уже случилось в одном из соседних районов. Клаус помнил, чем закончилось то дело для участников подлога. Офицеров разжаловали до рядовых и отправили на передовую в штрафные батальоны, где вскоре все они погибли. Рисковать капитан не хотел.

12

С трудом разлепив веки, Николай обнаружил себя в той же сырой, с заплесневелыми стенами полутемной камере, куда его в беспамятстве вернули после допроса. Сколько времени пролежал так, он не знал. Взгляд остановился на зарешеченном плафоне, испускавшем скудный свет. Вспомнились мать с сестрой, отец. «Что будет с ними, если меня не станет?.. Жив ли батька?»

Пронзительный женский крик, донесшийся откуда-то издалека, заставил его вздрогнуть: «Лида?» Коля с трудом присел, поджав под себя ноги. Тело ныло,

словно по нему телега прокатилась. Слышно было, как по коридору зацокали каблуки и протяжно заскрипел тяжелый дверной замок. В это миг Коля остро почувствовал, что хочет жить. Жить, чтобы снова увидеть родных, Лиду...

Его опять вели по знакомому длинному коридору, по левой стороне которого тянулись железные двери. Оттуда доносились приглушенные голоса и стоны мужчин и женщин. Как бы он хотел знать, здесь ли Лида, но спросить конвоира – значит, выдать девушку.

Вдруг что-то вспомнив, Коля спросил:

– А который теперь час?

– Тебе-то на кой? – удивился один из полицейей. – Здесь, под землей, что день, что ночь – все едино. – Толкнув арестанта в спину, чтобы поторопился, он все же ответил: – Скоро полдень!

«Пора! – решил Сверчок. – Потом будет поздно. Только бы все получилось!...»

В допросной в нос ударил тяжелый запах пота, крови, гуталина. Под потолком густым облаком висел табачный дым, едва заметно плывя к воздушной вьюшке. Молодой полицей размашистыми движениями водил сырой шваброй по полу, пытаясь смыть свежие пятна крови. Почувствовав тошнотворный ком в горле, Сверчок с трудом подавил в себе приступ рвоты. Гитлеровцев в помещении не было. За столом деловито восседал Матюшин. Чуть поодаль – Власенко.

– Ну что, комсомолец-доброволец, говорить будем? – Вицефельдфебель вставил в угол рта сигарету, чиркнул немецкой зажигалкой. – Или ты не комсомолец?

– Комсомолец, – с трудом ворочая отекившим языком, ответил юноша.

– Идеальный или как?

– Не задумывался.

Кондрат взглянул на Власенко, подмигнул:

– Что, Василий, нечем дышать? На воздух хочешь? Вот, если товарищ комсомолец согласится рассказать нам все, то переберемся наверх, в кабинет

капитана. Там и воздуху побольше, и солнца вдоволь. А мы с тобой его за это накормим, напоим. – Он повернулся к партизану: – Есть-то хочешь? Сала с бульбой, капустки квашеной? Можем и самогончиком угостить!

Почувствовав, как заныло под ложечкой, Сверчок незаметно сглотнул слюну:

– Спасибо, не употребляю! Да и не голоден я.

Нахмурившись, Матюшин вновь обратил взор на своего товарища:

– Видишь, не хочет юноша с нами выпить! Брезгует! Так что готовь, Василь, свой винтарь. Нынче твоя очередь дырку сверлить в партизанской башке.

Громко зевнув, Власенко с силой потер ладонями лицо, разгоняя дрему, затем разгладил на выпирающем животе форменную сорочку, царапнув ногтем засохшую на ней каплю крови.

– Моя винтовка всегда готова. Одной смертью меньше, одной больше – разницы нет.

Коля понимал, что его пугают, но легче на душе от этого не становилось.

– А может, хочешь напоследок с Лидкой свидеться? – неожиданно спросил Матюшин. – Скажи, мы все устроим! Ты ведь знаком с ней?

Сверчку стоило большого усилия не выдать себя. «Выходит, и она здесь?» – подумал, но вслух сказал, пожав плечами:

– А кто это? Что-то не припомню никого с таким именем.

– Разве ты не встречался с ней?

– Говорю же: не помню такую.

– А вот она тебя хорошо запомнила. Ладно, раз не хочешь, то мы сами с ней, это самое, управимся, – скривил рот в усмешке Кондрат. Встав из-за стола, полицай обошел его и остановился напротив партизана. – Похоже, сегодня твой последний день. У меня приказ шлепнуть тебя, если будешь упрямиться.

«Матерому зверю в глаза не смотрят! Это приводит его в бешенство», – когда-то учил Сверчка дед Захар, заставляя при этом долго смотреть в зрачки только что пойманной им волчицы. Ее потом отпустили, но с тех пор Сверчок твердо знал, что сможет выдержать взгляд любого зверя или человека. Как

утверждал бывший пластун, в ближнем бою тот, кто не отворачивается, имеет моральное преимущество над противником. В этот раз Коля упражняться не стал, первым опустил глаза, покорно выдавив, точно совесть выплюнул:

– Хорошо, я все скажу, только больше не бейте.

От неожиданности глаза полицая округлились:

– О как! Чего вдруг? Жить захотелось?

– Кто же не хочет?!

– А когда господин капитан допрашивал, чего молчал?

– Боялся! С немцами боязно говорить. Другое дело – с вами. Они нам чужие, а вы – свой.

– Я тебе, сучонок, не свой! – замахнувшись, рывкнул Кондрат над его ухом, но бить не стал. Николай испуганно втянул голову в плечи. Он, и в самом деле, боялся. Боялся, что не поверят в его искренность. – Твои землю удобряют, понял? – Довольный произведенным эффектом, Матюшин вернулся к столу. – Будь моя воля, я бы всех вас к стенке поставил.

Отправив молодого помощника, закончившего смывать кровь с пола, за капитаном, Кондрат сел в кресло дожидаться.

Выстраиваемые им долгое время отношения с Хойером в последнее время заметно ухудшились. Он не сразу понял, что могло послужить тому причиной. Свою часть договора Кондрат по-прежнему исправно выполнял. Разве что не всегда так, как хотелось немцу, но все же. Однако офицер все чаще пребывал в дурном настроении. И раньше равнодушный к алкоголю, он стал больше выпивать, срывать на подчиненных. Доставалось и Кондрату. Скоро стало ясно: причиной перемены в настроении капитана явилось предчувствие неминуемого краха. Хойер не один был в этом уверен. Депрессия охватывала многих гитлеровцев, как офицеров, так и солдат.

– Так где, говоришь, находится твой отряд? – очнувшись от размышлений, снова спросил Кондрат:

Сверчок развел руками:

– Этого я, действительно, не знаю. У нас так поставлено: если кто-то не вернулся с задания и возникло подозрение в его предательстве, то лагерь сворачивается. Как раз мой случай. Я могу отвести вас к старому месту, но толку от этого?

Николай говорил правду. Капитан Чепраков всегда имел в запасе базу, куда в случае необходимости мог перевести отряд. Их устройством и консервацией занимался Захар Петрович Степаненко. Иногда старик неожиданно исчезал из лагеря. Вместе с ним еще несколько человек. Любопытствовать, куда и зачем, в отряде было не принято. Не говорил дед Захар об этом даже своему любимчику. Сверчок понимал: значит, так надо.

Матюшину слова партизана показались правдивыми.

– Хитер Чепраков, ничего не скажешь! Тогда о чем можешь поведать капитану?

– Я знаю, как найти Чепракова! Вам ведь он нужен?

Кондрат подался вперед всем корпусом:

– С этого и нужно было начинать. Ну, говори!

– Скажу, если пообещаете сохранить мне жизнь.

– Торгуешься? Условия ставишь?

Сверчок сглотнул слюну:

– А что делать?!

– Ты и так все расскажешь.

– Это вряд ли.

Памятуя, как стойко он повел себя во время предыдущего допроса, Кондрат мысленно матюгнулся: «А ведь и вправду не скажет, черт».

Заметив в дверях Хойера с унтер-офицером и переводчиком, Матюшин поднялся навстречу:

– Герр капитан, ваше приказание выполнено! Я же говорил: у меня всякий заговорит!

– Я? – Офицер недоверчиво глянул на Николая.

– Я-я! – засуетился Кондрат, услужливо придвигая кресло. – Есть выход на Чепракова.

– Гуд! Зер гуд! – Немец отвел от носа платок, которым спасался от зловонного запаха. – Ошен карашо!

– Конечно, гуд! – Прошив партизана полным ненависти взглядом, Матюшин прошипел: – Ну, сучий потрох, соврешь – удавлю!

Сжав кулаки, он сотряс ими воздух, показывая, как будет душить.

– На гут, Матюшин! Югенд Николаус будет сказать нам правда! – Сев в кресло, офицер обратился к юноше через Рюителя:

– Где находится ваш командир?

Смахнув рукавом выступивший от волнения пот на лице, Сверчок быстро произнес:

– Мне проще показать, господин офицер! Готов отвести на место. Если поторопитесь – сегодня же сможете взять сразу двоих командиров...

Минуту спустя Хойер уже знал, что этим вечером Чепраков встречается с руководителем другого партизанского отряда.

– Готовится совместная операция. Ее собираются провести через две-три недели, – уточнил юноша.

– Откуда такая информация? – Капитан Хойер все еще не скрывал своего недоверия к партизану.

– Я случайно подслушал разговор командира с одним человеком.

– Точную дату знаете?

– Нет. Знаю только, что операция планируется серьезная, и требуется время для ее подготовки.

Клаус задумался. Информация арестованного о готовящемся наступлении партизан совпадала с разведанными, полученными штабом. Неизвестной оставалась дата проведения операции. И вот теперь, кажется, что-то стало проясняться. Две-три недели – это достаточный срок, чтобы и самим подготовиться. Тяжелые бои на передовой не позволяли высоким армейским

чинам отвлекать воинские подразделения на борьбу с лесными бандитами, и руководство Хойера собиралось упредить атаку партизан своими силами.

С самого начала войны в оккупированной Белоруссии стали действовать многочисленные партизанские отряды. Многие из них не желали вливаться в большие соединения, против которых фашистские каратели часто использовали армейские подразделения, вплоть до танков и авиации. На подведомственных этим отрядам землях продолжали действовать советские законы, что, конечно, не устраивало немецкое армейское руководство, не желавшее иметь в собственном тылу неконтролируемое население.

«Похоже, центром наступления объединенных отрядов партизаны выбрали вверенный мне участок», – решил капитан.

– Где должна произойти встреча ваших командиров? – вернулся он к разговору.

– На Николином хуторе. Отсюда далеко, но если поторопиться...

– Сколько человек может быть с Чепраковым?

– Обычно он с собой берет троих-четверых бойцов. Чем меньше людей, тем проще скрыть информацию.

– Что за хутор?

– До войны там проживала одна семья. Хозяина Николай звали. Сейчас хуторок зачах. О нем мало кто помнит. Я покажу дорогу, если хотите...

Капитану нравилось, как вел себя юноша. Держался он с достоинством, не лебезил, не унижался. Очевидно, был уверен, что предательством сможет заслужить себе право на жизнь. И все же офицера настораживала эта неожиданная готовность сдать им Чепракова, за которым они давно охотились. «Пожалуй, слишком юн, чтобы играть со мной, – решил он, наконец, довериться. – Одна, всего одна удачная операция – и я в Берлине!»

Хойер все еще сожалел, что не удалось взять живым руководителя местного подполья, и теперь боялся упустить и Чепракова.

Заметив в лице капитана сомнение в его искренности, Сверчок продолжал с большей горячностью:

– Господин офицер, я сделаю все, что прикажете. Сведу вас с Чепраковым. Только у меня будет просьба. Если наши узнают, что я их предал, они меня... В общем, я должен быть уверен, что вы защитите меня.

Клаус хорошо знал, как поступали партизаны с предателями. Слова юноши обрадовали его, лишний раз убедив в том, что ему можно доверять.

Повернувшись к переводчику, офицер приказал:

– Рюитель, передайте: если будет честен с нами, то Великий рейх сумеет его защитить. Пусть молится за здоровье фюрера!

Обрадовавшись, юноша осмелился высказать еще одну просьбу:

– Господин офицер, я слышал, что полициям хорошо платят. Позвольте мне служить вашей Великой Германии. Хочу скопить немного денег для жизни в будущей, новой Белоруссии.

Эта неожиданная просьба порадовала Хойера, окончательно убедив в его благонадежности. Подозвав стоявшего за спиной унтер-офицера, капитан приказал:

– Берхард, устройте этого мальчишку на службу. Пусть пока помогает по хозяйству. Глаз с него не спускайте! – предупредил он.

Покидая помещение, Хойер внезапно спросил:

– Сколько человек в вашем отряде?

– Около трех десятков, – не задумываясь, ответил Сверчок, умышленно назвав значительно меньшее количество. – Раньше больше было, – добавил он, заметив скепсис на лице офицера. – Да только весной вы нас здорово потрепали!

– О, я! Многа, ошен многа партизанен расстреляйт! – вспомнив удачную операцию против партизан, радостно закивал офицер. В ходе весенней кампании им, действительно, удалось полностью уничтожить несколько небольших отрядов. Операция оказалась успешной благодаря Абверу, сумевшему внедрить своих агентов, завербованных из числа советских военнопленных. – Многа! – повторил капитан, покидая в приподнятом

настроении зловонный подвал. Он торопился выделить людей для отправки на хутор. Следом за ним выскочил и Матюшин.

Сверчок намеренно умолчал, что в тех боях их отряд участия не принимал. Капитан Чепраков сумел заранее отвести своих людей на дальнюю базу.

13

Федор Чепраков неспроста остановил свой выбор на Николае Цвирко и Александре Довгунце, отправляя их на встречу с подпольщиками. Оба юноши были небольшого роста, худощавые. Внешне ребята больше походили на подростков, чем на опытных бойцов, поэтому меньше других могли вызвать у гитлеровцев подозрение.

Не дождавшись их возвращения, утром капитан отправил в город разведчиков. К полудню бойцы вернулись, рассказав о перестрелке накануне в районе мельницы и начавшихся в городе вскоре после этого арестах подпольщиков. С собою в лагерь они привели Лиду Комарову. Девушку случайно обнаружили в лесу неподалеку от городской окраины. Один из бойцов узнал ее.

Чудом избежавшая ареста, Лида была уверена, что немцы охотились именно за ней. О своих товарищах она ничего не знала.

Рабочая смена в столовой начиналась в четыре утра. В обязанности девушки входило мытье посуды и уборка помещений. В то утро, заметив в окно, как во двор въезжает грузовик с немецкими полицейскими, Лида шестым чувством догадалась, что приехали за ней. Она успела подать знак двум стряпухам, помогавшим штатному немецкому повару, и пока одна из них отвлекала внимание гитлеровцев, прошмыгнула в самую дальнюю, заставленную ненужными предметами подсобку, где, с трудом втиснувшись в пустое чрево небольшого металлического шкафа, замерла. На ее счастье, валявшийся на полу с измятыми боками и полуоторванной дверкой ящик, в котором раньше хранились сыпучие продукты, подозрений у гитлеровцев не вызвал.

Бегло осмотрев все помещения, немцы уехали, торопясь на задержание других подпольщиков. Девушка еще долго не решалась покинуть свое

убежище, дрожа от страха и беззвучно роняя слезы. Выйти из столовой ей помогли все те же землячки. Пока одна из них отвлекала разговорами стоявшего у входа дюжего солдата и только что пришедшего на смену немецкого повара, другая незаметно вывела ее через задний двор.

Домой Лида возвращаться не стала, разумно полагая, что немцы за ней и туда придут. Оставалось пробраться к небольшому лесному массиву, рассыпанному за городом, где и дожидаться ночи. Здесь ее и обнаружили партизаны Чепракова.

– ...Маму с сестренкой жалко! – шмыгая носом и растирая по лицу крупные слезинки, плакала девушка, рассказывая в командирской землянке, какого страху натерпелась.

Слушая ее стенания, сидевший за столом Строжевский поднял глаза:

– Как же немцы вышли на вас? Скобцеву так долго удавалось скрывать организацию, а тут нате, всех одним махом повязали! Есть догадки, кто мог вас сдать?

От его пронзительного взгляда и холодного голоса Лида невольно съежилась. Девушка помнила, как однажды в разговоре с ней Сверчок нелестно отозвался о своем замполите.

– Сдать? Вы имеете в виду – предать? – Девушка всплеснула руками. – Никто. – Затем, ненадолго задумавшись, словно перебирала в памяти каждого из известных ей подпольщиков, уверенно повторила: – Из наших – точно никто!

Подозрения одолевали не только комиссара. В отряде многие предполагали, что городское подполье кто-то выдал. И этот кто-то был из своих. Велев девушке до вечера оставаться в лагере, Чепраков проводил ее до выхода.

– За родных не волнуйся! – стал успокаивать он ее, откидывая в сторону залапанный кусок рогожки, спасавший землянку от вездесущих комаров. – Наши люди успели пройтись по некоторым адресам. К сожалению, не всех удалось предупредить, но твоих успели, так что ожидай. Думаю, ближе к ночи свидитесь.

Заметив неподалеку пожилого человека с густой бородой, подпиравшего спиной ствол старой осины, Федор Иванович кивнул в его сторону:

– А вот и дед Трофим! Скажи ему спасибо! Это он предупредил твою мать, чтобы уходила из города.

Заметив командира, старик приветливо махнул рукой, продолжая дымить сигаркой.

– Так это же немецкий прихвостень! – воскликнула возмущенно Лида. – Всё сапоги фрицам чистил за кусок мыла, вражина!..

Этого человека она часто видела возле столовой. Одетый в обноски, с вечно всклокоченной, похожей на паклю бородой и большой, не по размеру, шляпой на кудлатой голове, старик целыми днями бродил по улицам города с небольшим деревянным ящиком, в котором носил различные инструменты. За понюшку табака, шмат сала или четверть самогона он брался за любую работу. Мог починить крышу, подбить сапоги, подправить калитку. Нередко к помощи бывшего механика, разбиравшегося в технике, прибегали и немцы, щедро оплачивавшие его услуги сахарином или тушенкой.

Во дворе столовой Лида не раз видела, с какой готовностью старик бросался ремонтировать их мотоциклы и автомобили. Она ненавидела его, и со свойственной столь юному возрасту прямоотой бросала при встрече презрительное: «Пришивала!» В ответ пожилой человек лишь улыбался, называя девочку пустельгой. «Такие люди любой власти служат! – жаловалась она матери. – Еще и оскорбляет, вражина, пустельгой называет». «Пустельга – птичка зоркая, из соколиных будет! – замечала с улыбкой мать и просила, чтобы дочь оставила старика в покое. – Сдался он тебе! Пусть живёт».

Чепраков засмеялся:

– Зря ты так, девочка! Дед Трофим один из наших информаторов. Можно сказать, главных. Несмотря на возраст, глаз у него по-прежнему зоркий. Все подмечает.

Похвала старика из уст прославленного партизанского командира смутила Лиду.

– И давно он сотрудничает с вами? Небось, узнал, что Красная армия наступает, вот и переметнулся обратно. Иуда! Тушенкоед несчастный!

Чепраков усмехнулся.

– С самого начала, – успокоил ее офицер. – Говорю же: ценный разведчик! А тушенку... тушенку, что выменивал у немцев, нам передавал. – Заметив направлявшихся к командирской землянке бойцов из соседнего отряда, Федор Иванович поторопил девушку: – Ну, иди! Иди к деду...

Подойдя к старику, Лида, зардевшись, проговорила, запинаясь:

– Я не знала... Мне так стыдно... Столько гадостей наговорила вам!

Оторвавшись от дерева, дед Трофим вынул изо рта самокрутку, поднял мохнатую бровь:

– Да уж. Спасибо, хоть камнями не бросалась. Всяко бывало.

– Хоть бы намекнули что ли, что связаны с партизанами!

Отряхнув со старого, в масляных пятнах вокруг карманов, пиджака осыпавшийся по неосторожности пепел с сигарки, старик ответил с некоторой бравадой в голосе:

– Как же тут скажешь?! Сама понимаешь: разведка – дело особой государственной важности! Секретной, стало быть. – Погладив тощей пятерней густую бороду, дед Трофим, вдруг заливисто, совсем по-мальчишески, рассмеялся: – Ну, что, пустельга глазастая, пошли, что ли? – Махнув рукой, он призвал девушку идти рядом. – Я тут тушенки немного приволок. Охота мне тебя ею накормить. Народ сказывает, мол, хоть и фашистская, а вполне годится для наших животов. Сам-то я до нее не охоч, а тебя угощу. Что скажешь?

– Я согласна, дедушка! – засмеялась Лида, поняв, что прощена. Наконец-то она могла расслабиться после стольких тревог...

Встретив у самого входа двоих партизан из отряда Тимофея Кручени, капитан Чепраков приказал стоявшему у входа часовому никого в землянку не пускать. Разговор намечался особый, не для посторонних ушей...

В первые же дни войны оказавшись в окружении, старший лейтенант пограничных войск Крученя, убедившись, что гитлеровские части ушли далеко вперед и выйти к своим не удастся, принял решение продолжить бороться с врагом в тылу. Постепенно его сильно поредевший взвод прирос другими окруженцами и местным населением, и к лету сорок четвертого года отряд теперь уже капитана Кручени насчитывал более двухсот хорошо обученных и оснащенных оружием бойцов. Это была немалая сила, к помощи которой Чепраков, выполняя спецпоручения Москвы, время от времени прибегал.

Представив партизанам своего замполита, Федор внимательно выслушал старшего из них. Михаил – длиннобудый, с большими, свисавшими до подбородка рыжими усами и лицом, густо усыпанным веснушками – поведал об аресте городского сопротивления.

– ...Спасти удалось лишь нескольким подпольщикам. Они и рассказали о случившемся, добравшись до нас. Мы их пока у себя в отряде оставили. Понаблюдаем, – сощурил глаз Михаил. – Наш командир думает, что подпольщиков кто-то предал. Может, свои кто?

Из собранной воедино информации от своих разведчиков и рассказа Михаила, стало известно: на встречу с Цвирко и Довгунцом собирался идти лично руководитель подполья Вадим Скобцев и двое его товарищей – Сергей Смирнов и Владимир Тарасевич.

– Что известно о них? – поинтересовался Чепраков.

Михаил на мгновение задумался, вспоминая разговор с чудом избежавшими ареста подпольщиками.

– Смирнов среди товарищей ничем примечательным не выделялся. Был исполнительным, но особой сметливостью не отличался. Тарасевич же, напротив. Некоторые операции, удачно проведенные группой Скобцева, были лично им разработаны.

– Правда, на задания его не часто брали, – вспомнил второй связной. – Он эпилепсией страдал. Боялись, как бы приступ не случился.

– Какая теперь разница, кто чем страдал? – ухмыльнулся Строжевский. – Очевидно же, что все погибли.

– В этом мы не можем быть уверены до конца, – не согласился с ним Чепраков. – Возможно, кто-то попал в плен. Надежда, конечно, слабая, но все же...

Вскочив с места, комиссар нервно заходил по землянке взад-вперед:

– Оставим надежду верующим, Федор Иванович! Мы с тобой люди ответственные, руководящие, и в чудеса верить не имеем права.

– Что касается предательства... Нам неизвестно, засада это была или ребята случайно напоролись на гитлеровцев, – продолжал Чепраков, не обращая внимания на эмоции своего замполита.

– Что касается предательства, – остановился перед ним Строжевский, – то я так мыслю: если кто-то выжил в перестрелке, того и следует в первую очередь рассматривать в качестве предателя. Разве нет?

Чепраков нахмурился:

– Подозревать товарищей – последнее дело. Так можно и меня в изменники родины записать.

– Обычно свои и предают, – не унимался замполит. – Времена такие, когда никому нельзя доверять. Даже себе. А уж бывшему...

Строжевский хотел сказать «арестанту», но вовремя остановился, однако глаз от командира не отвел. Капитан помертвел лицом...

В мае сорок первого года был арестован один из создателей разведывательно-диверсионной службы Красной армии генерал Плотников. Вместе с ним аресту подверглись и некоторые его подчиненные, среди которых оказался и капитан Чепраков. «Предателей», «шпионивших» на одну из иностранных разведок, ожидало суровое наказание, вплоть до расстрела, от которого их спасло нападение фашистской Германии и армейский бог в лице начальника одного из отделов НКВД СССР Павла Судоплатова, отвечавшего за разведку, диверсии и террор в тылу врага.

Кто-то еще помнил о боевом опыте офицера Чепракова, полученном им в финскую кампанию. Так, пониженный до звания лейтенанта, бывший капитан Федор Чепраков был заброшен в немецкий тыл во главе небольшого отряда разведчиков-диверсантов. Чтобы вернуть себе прежнее звание, ушло три года партизанских скитаний.

Федор хорошо знал, как работает репрессивная машина НКВД. Понимал: в отряде ее представляет замполит, неосторожным словом выдав, что знает о его прошлом и, возможно, не до конца доверяет...

О болезненной подозрительности Афанасия Петровича Строжевского, в каждом человеке видевшего потенциального шпиона, в отряде знали все. Тем, кто попадал под его подозрение, порою стоило немалых усилий избавиться от него. Заместитель Чепракова по политчасти был скор на расправу. Многие запомнили случай, когда, пользуясь отсутствием командира, Строжевский приказал расстрелять недавно принятого в отряд бойца, заподозрив в нем вражеского агента. Вернувшись после очередной операции на базу и узнав об этом, Чепраков устроил замполиту разнос, запретив впредь в его отсутствие любые судилища.

В отряде удивились столь мягкой реакции командира. Некоторые партизаны открыто, без страха, осудили самоуправство комиссара, назвав его решение самодурством. Досталось и командиру за малодушие.

Строжевский негодовал: «Это что, навет на партийный суд? Партия не ошибается и не потерпит...» Столь громким заявлением Афанасий Петрович обозначил первостепенную роль компартии во всем, то есть, свою собственную власть, после чего многим стало ясно — командир не всесилен. Старший Руководивший разведгруппой отряда Виктор Вовк подобные разговоры всячески пресекал. О непростой судьбе капитана Чепракова он знал больше, чем было известно остальным...

Проводив посланцев Кручени до границы лагеря, Федор Иванович протянул рыжеусому Михаилу записку:

– На словах передайте Тимофею, что операцию необходимо провести сегодня, в точно указанное время! Потом может быть поздно. Надеюсь, начальник районной полиции, капитан Хойер, не успел передать подпольщиков в руки гестапо. В этом случае мы будем лишены возможности помочь им. – Немного подумав, он добавил: – Понимаю, что времени на подготовку не остается, но другого выхода у нас нет, товарищи.

Пользуясь случаем, Чепраков решил отправить со связными Лиду Комарову.

– А можно мне у вас остаться? – робко попросила девушка, узнав об этом. – Я бы могла за медсестру. Должен же кто-то вам перевязки делать!

– Тьфу ты! – сплюнул через плечо Виктор Вовк. – Нет бы о чем-нибудь хорошем сказала на прощание.

– Ой, извините! – От волнения на лице девушки вспыхнул румянец.

– Нахождение гражданских лиц в нашем отряде невозможно! – заключил Строжевский. – Здесь без исключений!

Опечалившись отказом, девушка проронила:

– А где можно Сверчка найти? Я весь лагерь обошла, но его нигде нет. Он на задании?

Уловив в голосе девушки тревожные нотки, Чепраков почувствовал, как в горле запершило. Не услышав ответа, Лида заволновалась:

– Он жив?

– На задании, – едва вымолвил командир, резко повернув назад.

Опустив худые плечики, девушка побрела за партизанами Кручени.

Возвращаясь к землянке вместе с Вовком и Строжевским, Федор размышлял. Становилось очевидным, что разработанная им лично и одобренная Москвой операция сводных отрядов по освобождению города от фашистских захватчиков, намеченная на конец недели, под угрозой срыва. Если предатель существует, то ему могут быть известны настоящие сроки.

Об операции знали несколько человек. Последний, кому открылся Чепраков, был Николай Цвирко. Отправляя ребят на задание, он почти не сомневался, что встреча с подпольщиками пройдет гладко, как обычно. Однако на случай их

ареста у командира была припасена одна старая заготовка, которая могла спасти им жизни.

Старшему из ребят, Коле Цвирко, было предложено вступить с гитлеровцами в игру. Для большей убедительности потянув немного время, он, «под страхом смерти», должен был «согласиться» на сотрудничество с немцами и «выдать» дату начала операции, естественно, изменив ее. Для того, чтобы поверили в его искренность, еще и «предать» своего командира.

«Но выжил ли кто из ребят?» – мучился вопросом капитан. Был только один способ узнать об этом – отправить людей на дальний хутор. Взглянув на часы, Чепраков покачал головой: времени до начала главной операции оставалось совсем немного!

– Виктор! – он повернулся к начальнику разведгруппы. – Отбери бойцов и немедленно выступайте к Николиному хутору!

– Ты что-то задумал, Федор Иванович? – сравнялся с ним Строжевский. – Поделишься мыслями?

Желая хоть на время избавиться от его общества, Чепраков сухо проговорил:

– Вы, Афанасий Петрович, идете с Вовком. Выдвигаетесь ровно через четверть часа. Инструкции получите вместе со старшим лейтенантом.

Строжевский в замешательстве остановился:

– Куда это мы должны идти? К какому еще хутору? Нам же сегодня вечером город брать!

15

Оказавшись на улице, Клаус с наслаждением вдохнул свежий воздух. Большую часть суток ему пришлось провести на ногах и теперь он чувствовал себя уставшим. Отправив унтер-офицера и переводчика отдыхать, капитан в сопровождении Матюшина направился к служебному автомобилю.

Велев водителю ожидать снаружи, Хойер уселся на заднее сиденье, приглашая вицефельдфебеля занять место рядом с собой.

– Ну, Матюшин, как ест наши дела? – обратился капитан, с наслаждением расслабляя все члены. – Что ест для меня?

Кондрат с трудом протиснулся в узкий салон «Мерседеса».

– К сожалению, в этот раз ничего особо интересного нет, господин капитан! Нынче не так много перепадает, как прежде бывало.

Суетливо достав из внутреннего кармана кителя крохотный пакетик, полицай вложил его в руку Хойера.

– Матьюшин, я думаю, что вы меня обманывает! – выказывая явное недовольство, вытаращил глаза немец.

– Как можно, господин капитан! – Мысленно посылая немца куда подальше, Кондрат сделал вид, что огорчен его недоверием. С каким же удовольствием он разможил бы сейчас этому колбаснику череп, будь у него такая возможность. – Обижаете! Мы ведь с вами не разлей вода. В одной упряжке, так сказать.

Величественно подбоченившись, гитлеровец, словно демонстрируя свое превосходство, произнес:

– Я отправляю вас на фронт! Там вас большевик будет шисен!

И вновь Кондрату пришлось делать вид, что обеспокоен его заявлением.

– Не надо на фронт, герр Хойер! Не надо меня шисен!

Нет, он больше не боялся немца. Ненавидел. Всех гитлеровцев ненавидел вместе с их фюрером, чьи истеричные выступления часто транслировались по радио. Ненавидел за то, что ошибся в своих ожиданиях. В нем говорила обида. Человеку свойственно личные обиды переносить на ненависть к другим, кто успешнее, богаче, знаменитее, или, как в этом случае, не оправдал надежд. Фашистская Германия не оправдала. Еще совсем недавно этот гнус в выглаженном мундире и в белой накрахмаленной сорочке называл его «майне руссишен геноссе», а теперь грозит отправить на фронт. «Ну и сука ты, капитан! Фашист, одним словом! Нет, мы никогда не станем вам ровней! Так и останемся недочеловеками, которым и жить-то разрешено с оглядкой».

Кондрат жалел, что не мог уйти от гитлеровцев немедленно. Прежде чем решиться на побег, план которого вынашивал последние дни, необходимо было все тщательно продумать и подготовиться. В случае провала немцы расстреляют его как дезертира. Их спецслужбы по-прежнему хорошо

выполняли свою работу. А после ужесточения устава для полицейских из шуцманштафта, связанного с участвовавшим бегством из частей, они не особо церемонились с «аскари». С другой стороны, если опоздать, то можно угодить в лапы партизан или сотрудников СМЕРШа. Тут уж точно не жди пощады...

Мысль сбежать пришла Матюшину после разговора со старостой из приграничного с Литвой села, Спиридоном Лукашевичем. Как-то раз встретившись во дворе районной комендатуры, куда пригласили всех старост и командиров взводов на расширенное собрание, они разговорились. Знакомы Кондрат со Спиридоном были чуть больше года и испытывали друг к другу определенное доверие. От природы малоразговорчивый, Лукашевич нравился Кондрату своими взвешенными суждениями. К гитлеровцам староста симпатии не испытывал. Но и Советскую власть не любил. О причине этого никогда не рассказывал.

– Бечь надо от этих паршивцев, – дымя самокруткой, молвил Спиридон, бросая частые взгляды серых колючих глаз на снующих мимо немецких солдат. Слова он произносил медленно, словно каждое тщательно прожевывал. – Чую, побегут скоро колбасники к своим фрау. Мы им нужны, покамест здесь находятся. А после оставят за ненадобностью, как щенков беспородных. Или, чего хуже, вывезут к яру да постреляют из пулеметов – и дело с концом.

– С чего это им нас убивать? – насторожился Матюшин.

Сгорбившись, пятидесятилетний Лукашевич, выглядевший на все семьдесят, бросил окурок себе под ноги.

– А с того, мил человек, – перешел он на шепот, – что мы с тобой есть живые свидетели их преступлений. Самые, что ни на есть, прямые участники всех кровавых делишек.

Кондрат завращал глазами, не подслушивает ли кто, выдавил из груди:

– Прав ты, Спиридон. И я так само мыслю. Проиграют они войну.

– Уже проигрывают. Вот и говорю: надо бечь! – Скрипнув изъеденными зубами, Лукашевич придвинулся ближе. – Нам с тобой, Кондратий, один путь уготован – до самой смерти ховаться. Никому не говорил, а тебе скажу по

секрету: скумекал я, что надо к соседям подаваться, в Литву. Знающие люди поговаривают: прибалты в землю закапываются.

– Это как, заживо, что ли? – озадачился Кондрат.

– Тьфу ты, скажешь тоже! – Староста осенил себя широким крестом. – Литваки в лесах схроны всякие да подземелья мастырят. К долгому противостоянию против Советов готовятся. – Тронув поясницу, Спиридон удрученно покачал головой. – Не знаю, выдюжу ли сырости земляной. Ревматизма замучила, мочи нет. Спасаясь горячим утюгом да тертой редькой. Но, думаю, все одно буду туда подаваться, если что.

Кондрат передернул плечами:

– А смысл прятаться всю жизнь в лесах?

– Кто захочет – продолжит дальше воевать с красными, а кто нет – неволить, вроде как, не будут. Отсижусь малехонько, а там поглядим, как оно сложится. Справлю новые документы, а с ними куда хошь гуляй. Знаю одно: в лесу не останусь.

Кондрат покачал головой:

– И я не вижу смысла дальше воевать. Если уж германская военная машина не может одолеть москвитов, куда этим хуторянам сладить?

Свернув очередную самокрутку, Лукашевич сдунул с шершавой ладони остатки табака, продолжая поглядывать в сторону солдат и унтер-офицеров.

– Немцы по своей самонадеянности не могут победить, – обронил он, все так же, не повышая голоса. – Великая в этом народе сидит гордыня, скажу тебе. Они ведь как рассуждали?! Русский военный сапог ссохнется, изорвется, расплзется по швам, а только не учли, что нет тому сапогу сносу. Из железа он, выходит. Думали: устал, дескать, народ от большевизма, колхозов и прочего, и стоит им только границу перейти, как тут же все сдадутся на милость победителей. А оно вишь, как обернулось. Народ не за власть воюет, хотя и это, как видно, есть. Люди за землю свою борются...

Кондрат с понурой головой внимал словам Спиридона.

– Германцы от восторга первых побед захлебнулись собственной слюной, – продолжал староста шамкать редкозубым ртом. – За последние годы большевики в военном плане дюже силушку набрали. Поговаривают, что англичанам с американцами это не нравится. Не хотят они, чтобы Советы сильны были. Немцы не дураки и это дело просекли. В общем, разговоры среди них ходят, что если война закончится поражением Германии, то союзники тут же нападут на СССР. Время самое подходящее. Страна в разрухе и еще не скоро очухается. – Лукашевич замолчал, словно давал собеседнику время осмыслить услышанное. Лишь докурив очередную самокрутку, продолжил: – Есть у меня на литовском приграничье человек один. Служит у немцев в особой части по борьбе с партизанами. Они там много чего знают. Рассказывал, что Абвер усиленно готовит агентов для дальнейшей работы на советской территории. Догадываешься, для кого?

Кондрат знал, что время от времени гестапо устраивало проверку местным полицейским, выявляя среди них тайных пособников партизан. Он давно разучился доверять людям, и сейчас, слушая Спиридона, силился понять, не провокатор ли перед ним. Очень уж неправдоподобную картину рисовал ему староста.

– Для союзников Сталина, что ли? – скривил он губы. – Не думаю. Черчилль с Рузвельтом в одной упряжке с ним.

Их диалог неожиданно прервал появившийся на площадке перед входом младший офицер, приглашавший всех собравшихся пройти внутрь.

– Не может лошадь идти в одной упряжи с ослом! – философски заметил Лукашевич, покидая лавку.

– И кто лошадь, а кто осёл? – поднялся следом Кондрат.

Ответа он не услышал.

Отправив к Николиному хутору обер-лейтенанта Витке с тремя десятками солдат полевой жандармерии и двумя отделениями из взвода Матюшина, капитан Хойер в ожидании хороших новостей поднялся в свой кабинет. Если

верить арестанту, изъявившему желание служить рейху, такого количества людей будет вполне достаточно, чтобы обезвредить десяток партизан.

Приказав адъютанту принести кофе, офицер сел за стол и принялся составлять подробный доклад для своего штабного начальства. Он в красках сообщал о раскрытии в городе большого бандитского подполья и проводимом им в эти минуты спецрейде с целью захвата или уничтожения сразу двух известных партизанских командиров. Ставил высшее руководство в известность и о планируемом партизанами в ближайшие две-три недели крупномасштабном наступлении на его территории. Одного не знал Клаус Хойер: операция партизан уже началась...

Не желая спугнуть неприятеля звуком моторов, обер-лейтенант Витке приказал оставить автотранспорт на старой проселочной дороге вдали от хутора и дальше идти пешком. Остановились в пятистах метрах от замеченного в бинокль подворья – старого домика на опушке с двумя покосившимися сараями и открытым загонem для скота. Какого-либо движения рядом замечено не было. Немного подумав, Витке отправил к строениям несколько человек осмотреться на месте. Остальным было приказано соблюдать тишину.

На всякий случай Матюшин велел своим подручным связать Сверчка и вставить в рот кляп. Жалкий вид юноши вызвал едкие насмешки у полицейев.

– Будьте внимательны! – потребовал вицефельдфебель. – Чепраковцы осторожны. Учуют что – вмиг скроются.

Власенко, долгое время наблюдавший за пленным, подошел к Матюшину.

– Слышь, Кондрат, не нравится мне этот сталинский выкормыш! – кивком головы показал он на Сверчка. – Чую, мутит что-то. Я еще на допросе это почуял.

Присев на поваленный замшелый ствол осины, Матюшин оторвал травинку, бросил в угол рта.

– Чую-чую! – передразнил он. – Чем не нравится-то?

– Не знаю. Нутро подсказывает.

– Поганое у тебя нутро, Василь! – хохотнул Кондрат. – А чего раньше молчал?

– Вот, сейчас говорю. Надо в город возвращаться. Там спокойнее будет.

Глянув на связанного паренька, командир взвода усмехнулся:

– Думаешь, обманывает? Да ты погляди на него, он же совсем еще пацан! Смотри, как дрожит! Напуган! Жить хочет...

Василий безнадежно махнул рукой, отступая в сторонку:

– Смотри, тебе видней.

Сплюнув травинку, Матюшин нехотя поднялся.

– Ладно, будь начеку. – Интуиция Власенко не раз выручала их, и сейчас его тревога передалась Кондрату. – Если что не так – уйдем по-тихому, – шепнул он.

Стоявший неподалеку от них Богдан Тыква, слышавший часть разговора, вынул из висевших на поясе ножен длинный клинок и ломаной походкой блатаря подошел к Власенко.

– Васыль, та ты нэ мандражуй! – прошамкал он, заглядывая в глаза снизу вверх. – Колысь ций безродный пес сбrehав, так ми його зараз на куски порвемо, як вовчара овцю!

Кроме белорусов, во взводе Матюшина служило немало и украинцев. Небольшого роста, тощий, с впалыми щеками и лихорадочно блестящими глазами, Тыква считался самым жестоким среди них.

Угрожающе надвинувшись грудью, Василий отодвинул его в сторону:

– Ты, херой, попервой зубы отрасти, чтобы было чем рвать! – проворчал полицей, намекая на неровные ряды полусгнивших зубов украинца. – И нож спрячь! С перышком-то любой дурак справится с пленным.

Ослабившись, Богдан всем своим видом силился показать окружающим, что не боится его.

– «Дурачка» я тобі, Василёк, прощаю, а насчет ножичка нэ кажи. Нэ каждый може управитися с таким. Я цей штукенцией любого ухайдакаю, хучь хиляка, а хучь и здоровяка.

Пропустив намек в свой адрес, Василий демонстративно отвернулся. Не в его характере было задирать.

Спрятав нож, Тыква подошел к нему ближе:

– Васыль, я тэж, як и ты, чую, шо цей партизан брэше! Дуже мени хочется дати йому по харе. – Во взводе все знали: Тыква люто ненавидит партизан. Причиной тому была смерть от их рук отца и старшего брата, служивших полицейскими во Львове. – Цию вражину треба було ще там убиты, у подва...

Внезапно нарушивший лесную тишину, плотный огонь из стрелкового оружия оборвал Тыкву на полуслове. Застигнутые врасплох, полицаи вместе с гитлеровцами сначала заматались между деревьями, а затем бросились врассыпную. Немногие успели открыть ответный огонь.

Услышав выстрелы, Сверчок стал отползать под куст. В это время кто-то тяжелый навалился на его плечи. Через мгновение веревка, стягивавшая руки за спиной, ослабла.

– Жив, унучёк? А я знав! – услышал юноша знакомый до последней трещинки голос деда Захара.

– Жив, деда, жив! Как же я рад тебе! – он на секунду обмяк в объятиях своего спасителя, но тут же встрепенулся: – Немцы на хуторе! Надо наших предупредить!

– Та знаем. Мы за вами давно наблюдаем.

Вырвавшись из рук старика, Сверчок подхватил карабин убитого Тыквы.

– Я за Матюшиным! – успел он крикнуть, прежде чем скрылся за деревьями.

Оставив больше половины людей убитыми, неприятель разбежался по лесу. Времени на преследование уцелевших не оставалось. Не найдя куда-то пропавшего в разгар боя комиссара, Вовк приказал бойцам собрать трофейное оружие.

Получив доклад, что среди партизан убитых нет, а двое легкораненых возвращаться в лагерь отказываются, Виктор уже собирался дать команду

выдвигаться к городу, когда навстречу из чащи вышел Строжевский. Рядом с невысоким замполитом возвышался рослый боец Грушин. Чуть сзади них, слегка припадая на левую ногу, показался еще один. Вовк не сразу узнал в нем Николая Цвирко. Обрадовавшись, офицер бросился навстречу и принял паренька в объятия.

– Жив? Издали и не признать! Ну и досталось же тебе! – воскликнул он, разглядывая отекавшее от побоев лицо юноши.

– Да, угостили на славу! На всю жизнь запомню, – вымучил улыбку Сверчок.

– Были бы зубы целы, а лицо...

– А лицо краше прежнего будет! – вынырнул из-за спины Вовка дед Захар. – Девкам на радость, хлопцам на зависть!

Коротко доложив о засаде, в которую попали у мельницы, юноша поведал о гибели Довгунца и подпольщиков.

– Сам видел их мертвыми? – стал уточнять Вовк.

Сверчок утвердительно кивнул.

– Сашку на моих глазах застрелили. Тела остальных заметил, когда меня к машине тащили. Рядышком на земле лежали. Трое. Не знаю, может, их больше было.

– Трое и было, – опустил голову офицер.

Собравшиеся к этому времени вокруг них партизаны стали наперебой поздравлять вырвавшегося из фашистских лап боевого товарища:

– Рады, что остался жив! Теперь тебе за двоих жить, Коля: за себя и Сашку!..

– Рано радоваться! – возвысил голос Строжевский. Все это время не сводивший серых глаз с юноши. – Вы почему здесь? – вдруг обратился он к нему.

Сверчок улыбнулся:

– Где же мне еще быть?

– Вы сюда с гитлеровцами пришли?

– С ними.

– И с немецкой винтовкой в руках?

Еще не понимая, куда ведет замполит, Сверчок утвердительно кивнул:

– Я ее только что подобрал!

– Подтверждаю! При мне то было, – сощурил глаз дед Захар.

– А убегали зачем? – продолжал Строжевский.

Все еще удивляясь странным вопросам, Коля пожал плечами:

– Я не убегал! За полицаями погнался!

Повернувшись к старшему лейтенанту Вовку, заместитель командира по политчасти не стал скрывать своего подозрения:

– Убегал-убегал! Ясно, что хотел скрыться. Мы его еле догнали. Так ведь, Грушин?

Стоявший рядом молодой мужчина растерянно заморгал:

– Да я... не знаю... окликнули пару раз... может, не слышал? Стреляли же вокруг!..

Смерив бойца презрительным взглядом, Строжевский снова повернулся к Цвирко:

– Еще раз спрашиваю: почему вы здесь? Вам было велено идти к мельнице. Почему же сегодня вы оказались здесь с фашистами?

– Выполнял приказ командира! – нахмурился тот.

Желая оградить Сверчка от каких-либо подозрений, Виктор Вовк демонстративно постучал по циферблату наручных часов:

– Афанасий Петрович, пора выдвигаться! Время не терпит.

Однако Строжевский отступать не собирался, решительно заявив:

– Мы не тронемся с места, пока не установим, как и почему Цвирко оказался здесь.

Лицо молодого партизана повело нервной судорогой:

– Я же сказал: выполнял поручение Федора Ивановича! Вы должны быть в курсе, раз пришли сюда.

Но он ошибался. Уверенный в том, что Цвирко и Довгунец как обычно вернутся после встречи с подпольщиками, капитан Чепраков тогда не стал

сообщать Строжевскому и Вовку о придуманном им плане на случай провала. Вот и сейчас, отправляя их к Николиному хутору, все подходы к которому партизаны давно и хорошо изучили, не стал вдаваться в подробности. Лишь предупредил, что если кто-то из ребят жив, то, возможно, появится здесь.

По-прежнему недоверчиво ощупывая взглядом Цвирко, Строжевский вымолвил:

– Поскольку капитан Чепраков в данный момент не может подтвердить ваши слова, я задерживаю вас до выяснения всех обстоятельств! – Не терпящим возражения тоном, он отдал распоряжение: – Боец Грушин, заберите у него оружие и отведите в лагерь!

Не успев порадоваться спасению товарища, стоявшие рядом партизаны переглянулись. Первым не выдержал дед Захар. Выступив вперед, он загородил собою Сверчка:

– Это за что же его под конвой-то?

Рядом стал коренастый Андрусенко. До войны этот тридцатилетний крепыш, обладавший невероятной физической силой, занимался в цирке силовым жонглированием. Зловещая ухмылка пробежала по губам мужчины:

– А что происходит, Афанасий Петрович? Это же Коля! Наш Коля!

Еще несколько человек, громко выражая свое недовольство, взяли Сверчка в защитное кольцо. В напряженных лицах партизан скрывалась угроза. Смелость покинула Строжевского. Он хорошо знал: на войне всякое случается. Бывает, и пуля в спину прилетает. Заметив в его глазах растерянность, Вовк решительно поднял руку, призывая всех успокоиться.

– Я полагаю: Афанасий Петрович имел в виду, что бойцу Цвирко необходимо отдохнуть. Именно с этой целью его отсылают на базу. – Офицер скосил глаз на политработника. – Так ведь?

Немного потоптавшись, Строжевский неохотно согласился.

– И пойдет он с Захаром Петровичем! – добавил Вовк. – А Грушин останется с нами. Он нам в другом месте будет нужен.

Последние слова также были адресованы замполиту.

– Есть остаться с вами! – с явным облегчением выдохнул долговязый Грушин. Выступать в роли конвоира своего же товарища ему совсем не хотелось. Дружески подмигнув Сверчку, он тут же юркнул за спины партизан, точно опасался, что начальство передумает.

– Есть, отвести внука на базу! – охотно вторил ему дед Захар. – Доставим в наилучшем виде!

И снова Строжевскому пришлось согласиться.

– Ну, как угодно, – махнул он рукой.

– Угодно! Вовк подал знак бойцам выдвигаться на марш.

– Товарищ старший лейтенант, можно мне с вами? – взмолился Коля. – Мы так долго охотились за Матюшиным. Кажется, я знаю, куда он может направиться. Разрешите мне с вами! – повторил он.

Задетый за самолюбие, Строжевский выкрикнул:

– Его и без вас поймают! – и, повернувшись к старику Степаненко, злобно прошипел: – Не задерживайтесь! Выполняйте приказ офицера!..

Группа Чепракова считалась особой единицей, в которой должность политработника была обязательной. Строжевский был третьим по счету комиссаром в его отряде. Первые двое – молодые, отчаянно-дерзкие, рвались в открытую схватку с врагом. В боях и погибли один за другим. После этого в отряде некоторое время не было политработника. Чепраков отказывался от гражданских лиц. Просил прислать боевого офицера. Главный штаб партизанского сопротивления решил по-своему и направил к нему Афанасия Петровича Строжевского, бывшего вторым секретарем одного из райкомов партии.

Новый комиссар сам редко принимал участие в операциях. Считал, что его удел – политическое просвещение малограмотных партизан. Если же и приходилось совершать вылазки с группами, то держался сзади, оправдывая это тем, что так проще проследить за выполнением поставленной задачи. Партизаны втайне подшучивали над его трусостью.

Как ни старался, но за время, что находился в отряде, Афанасий Строжевский так и не сумел вызвать у бойцов уважение к себе, подобное тому, какое имели боевые офицеры, Чепраков с Вовком. Пропахшие пороховой гарью, впитавшие от земли бесстрашие в борьбе с фашистами, бойцы видели в нем обычного партийного функционера, а не военного. Многих вчерашних крестьян и рабочих его должность настораживала.

Подбирая в отряд новых бойцов, Федор Чепраков делал упор на военных. Но если в начале войны было немало тех, кто выходил из окружения, то со временем пришлось брать и гражданских. В вопросах дисциплины последние были не столь осмотрительны, как военные. Нередко позволяли себе открыто и жестко критиковать центральные власти, то не сумевшие вовремя остановить продвижение фашистов, то запаздывавшие с обеспечением боеприпасами и медикаментами. До появления в отряде Строжевского Чепраков старался не замечать этих разговоров. Теперь же всячески пресекал их. Боялся. Не за себя – за своих бойцов. Знал, к чему могут привести неосторожные слова в адрес центральных властей.

Однако капитан Чепраков не догадывался о главном: новый замполит метил на его место. Афанасий Строжевский понимал, что война рано или поздно закончится. О роли комиссаров на фронте народ вскоре забудет. Хорошего же командира будут помнить всегда. Дослужись он сейчас до руководителя боевого отряда, и в будущем это могло бы послужить хорошим трамплином в карьерном росте.

Быть военным Афанасий никогда не мечтал. Война – это всегда опасно. Карьеру собирался построить на ином поприще. Впервые о своем будущем задумался в старших классах после прочтения небольшой заметки в одной из областных газет. В ней автор рассказывал о жизненном пути известного хозяйственника, Лазаря Моисеевича Кагановича, который из простого малограмотного паренька, родившегося в глухой украинской провинции, быстро дорос до видного советского деятеля. Афанасий решил идти тем же путем. Получив экономическое образование, юноша успешно окончил и

партийную школу, где готовили агитаторов и районных руководителей. Работать он начинал в одном из отделов Министерства сельского хозяйства республики, а через два года был назначен вторым секретарем райкома партии. Правда, далеко от столицы, но это Афанасия совсем не смущало. Многие функционеры начинали выстраивать карьеру с периферии...

18

Дождавшись, когда отряд скроется из виду, дед Захар закинул автомат за плечо, тронул молчавшего юношу за руку:

– Ну, што, малой, в путь-дорожку? Ходить нам треба далёко!

– Вот и иди сам!

Сверчок устало опустился на землю. После ударов пудовыми кулаками Матюшина сильно болела голова.

Вынув из-за пазухи обрез старого пятизарядного кавалерийского карабина, столь же древнего, как и сам, Захар Петрович протянул его пареньку:

– Держи, малой! В нонешнее время шастать по лесам без оружия нельзя. Наша дорога осторожности потребует.

Приняв обрез, юноша горько усмехнулся:

– Деда, рискуешь, доверяя огнестрел арестованному!

Старик недовольно зашевелил усами:

– Та не ной! Який же ты арестованный? Так, временно задержанный. Сказано же – до выяснения!

Сверчок не скрывал обиды:

– Ославили! На весь отряд ославили. Спасибо, хоть не связали. Выходит, вышел боец Цвирко из доверия? Как же так, дед Захар?

Притулившись спиной к старой березе, старик вытянул из внутреннего кармана потертой цигейковой безрукавки кисет, высыпал на шершавую ладонь щепотку табаку.

– А как хошь, так и понимай, – отмахнулся он. – Война идет! Нынче всякий под подозрением ходит. Вона, сколь предателей-то развелось. Людишки совесть продают, что семечку на базаре – рупь за куль.

Приказ политрука задержать Цвирко «до выяснения некоторых обстоятельств», поначалу и у него вызвал резкое противление. Однако немного поразмыслив, Захар Петрович нашел его решению оправдание. В последнее время гитлеровцы значительно активизировали свои действия против партизан. Очевидно, это было продиктовано наступлением Красной армии и все более возрастающей активностью местного населения. За короткое время фашистам удалось уничтожить несколько отрядов, что не могло не породить слухи о действующих в партизанской среде агентах Абвера.

Случай у мельницы вселил и в деда Захара холодок недоверия. Чувство это, мерзкое по своей природе, росло с каждой затяжкой и царапало грудь. Рассеяв рукой табачный дым, он стал по памяти перебирать лица партизан, особенно тех, кто недавно появился в отряде, но все они казались ему людьми достойными. В душе закралось подозрение: «А вдруг это Коля сболтнул что лишнее немцам! Молод ведь! Мог и испугаться, смалодушничать».

Захар Петрович подумал, что и командир в последнее время стал проявлять недоверие к своим подчиненным. Наблюдательный старик заметил: Федор Иванович уже не столь открыт с ними, как прежде.

– Ты, Сверчок, на Афанасия Петровича особливо не серчай, – пыхнул дымом старик, взглянув на отвернувшегося юношу. – К примеру, останься в живых Санёк, комиссар и его бы заподозрил. Должность у него такая, в каждом из нас сомневаться. Пока до правды не докопается – не успокоится.

– Какой правды? – Юноша поправил обрез на коленях.

Прищулив один глаз, в который упорно лез табачный дым, дед Захар сплюнул горькую слюну в сторону:

– Якой правды, говоришь? А у каждого вона своя! Знавал я до войны одного партийца. Ох, и много же народу сгубил этот человечешко! Не дай бог, каким подозрительным был. Всё доносы строчил направо и налево, выродок. Ради правды, говорил. А тока и сам в конце плохо кончил. Приперли его чекисты к стене за вредительство да и пустили пулю в затылок. Ну, или в лоб, куда они их

там пускают, грэць их мае. Вот и получается, што правда у каждого своя. И часто вона кривдой становится, када наружу выходит.

Сверчок с изумлением взирал на него:

– Так о какой правде ты говоришь, деда?

– А хто ее знает, какая она всамделишная?! Я же кажу: у тебя, к примеру, своя, а у комиссара – евоная...

– Ты мне что, тоже не доверяешь? Подозреваешь в чем-то?

Пропуская его вопрос мимо ушей, Захар Петрович продолжал:

– Афанасий Петрович, конешна, человек по характеру неприятный, а все же понятие о справедливости имеет. Я в том лично убедился. Давеча подошел, сказал, што, мол, неправ был насчет моих царских наград. – Повернувшись всем фронтом, дед Захар распахнул рот в широкой улыбке. – Представляешь, оказывается еще в прошлом годе сам Сталин особый указ издал! По нему всем, кто имеет Георгиевские кресты, разрешено их носить наравне с современными наградами. Такая вот история.

– Причем тут твои кресты? Достал ими уже всех до печенки! – выпалил в сердцах Николай.

Захар Петрович не ожидал столь негативной реакции от своего любимчика. Утопив голову в плечи, словно удар получил, он слепил на лице виноватую улыбку и часто-часто заморгал:

– Ужель достал? Вона как!

– Да, достал! Меня в измене подозревают, а ты про свои дурацкие награды...

– Дурацкие?

Минуты две оба молчали, глядя в разные стороны. Опустив голову, старик обиженно сопел.

– Зря ты так, – наконец вымолвил он едва слышно. – Видит бог, сомнений в тебе я не имею. А в лагерь веду, чтобы отошел немного. Вона, как рожа-то оплыла, мать родная не узнает.

В каждом сказанном им слове сквозила горечь. Взглянув на согбенную фигуру старика, Коля пожалел о своей несдержанности, но извиняться не стал, только вымолвил:

– Рожа – не душа, пройдет!

– Душа – понятие библейское! Помолишься – отпустит, – философски заметил старый казак, распрямляясь в плечах. Долго обижаться он не мог. Понимал, как тяжело юноше. – Ну, коли не болит, будемо собираться в путь-дорогу. Приидем на мисто, отдохнешь, горяченького похлебаешь, глядишь и успокоишься, пока наши город брать будут.

Сверчок встрепенулся:

– Они что, в город пошли? Почему сегодня? Вроде планировали к концу недели. Я немцам сказал через две...

Со слов деда Захара было несколько причин, заставивших партизан именно сегодня идти на штурм немецкого гарнизона. Главная из них возникла внезапно, когда стало известно, что гитлеровцы схватили подпольщиков. Их необходимо было освободить до передачи в руки гестапо. Вторая причина имела политический окрас.

– День-то завтра какой, помнишь?

– Обыкновенный, какой?!

– Э, нет, – старик покачал головой. – Завтра двадцать второе июня, день начала войны. Вот и порешили наверху приурочить освобождение города к этой дате.

– Фашистов в городе много! Боюсь, нашим трудно будет, – забеспокоился Сверчок.

– Так и наши не одни! Федор Иваныч к операции отряды Кручени и Бакулева подключил. Сказал, што и армейские подразделения вот-вот выступят. Мы для них навроде как коридор прорубаем.

Немногочисленный отряд бывшего председателя одного из колхозов, Тараса Бакулева, состоял из жителей соседних деревень. Партизанили крестьяне давно, но сливаться с другими отрядами не желали. Бойцы Чепракова и Тимофея

Кручени не раз выручали людей Тараса. Настала очередь и бакулевцам их поддержать. Сверчок занервничал. В такой ответственный момент он хотел быть вместе с товарищами.

– Значит, пока я под конвоем буду «отдыхать» да бульбу жрать, мужики немца погонят?

Захар Петрович недовольно засопел:

– Ну, под яким конвоем, што ты мелешь? Стал бы я тоби оружие давать?!

Сверчок вскочил на ноги, выдохнул злобно:

– Я в лагерь не пойду! И ты меня, деда, не останавливай. Если Матюшин сбежит, я не прощу этого ни себе, ни тебе. Счеты у меня с ним. Личные. Понял?

Сердце Захара Петровича сжалось, когда он смотрел на отекавшее, в синяках, лицо паренька:

– Ну, куды тоби? Казали же: Матюшина хлопцы сами достанут. К этому животному вымеску у всех нас счета имеются.

– Дело не только в Матюшине, будь он проклят. Лида у гитлеровцев. Я ее голос слышал.

– Э, нет! Тут ты шибко ошибаешься, – радостно воскликнул Степаненко. – Мы твою Лиду в отряд Кручени переправили. Ее наши разведчики привели.

– Как? Жива, здорова? – обрадовался Сверчок.

– Спрашивала за тебя. Трошки даже всплакнула, колы подумала, што ты того... Да мы и сами так думали, – признался Захар Петрович. – Ну, останешься? Дивчину свою повидашь, а?

– Нет, пойду, – решительно заявил Коля. – Не должен Матюшин уйти. И я, кажется, знаю, куда он наострился.

– Ходи со мною до базы, Сверчок, – продолжал настаивать дед Захар. – Ходи. Мисто мы сменили, сам ты його нэ сыщешь.

– Жив останусь – встретимся на старом месте...

За время их тесного общения дед Захар хорошо изучил характер паренька. Видя решимость в его глазах и понимая, что уговорить не удастся, старый казак

достал из-за голенища свой любимый пластунский нож, быстрым коротким движением руки бросил к ногам юноши.

– Бери, пригодится! Я и сам бы пошел, да рази за тобой угонишься. Гляди там, осторожничай! – попросил он. – Зазря не рискуй, ни к чему это.

Сверчок поднял вонзившийся у самого кирзача острием в землю клинок, стер с лезвия налипшую грязь. Виновато потупившись, спросил:

– Что комиссару скажешь?

– Ему – ничего. А Федору Иванычу скажу как есть, – отмахнулся старик. – Давай, ходи видселя! Да хранит тебя Господь, сынок!..

19

Уставшее от дневного бега, порыжевшее солнце медленно сползало с небосклона, когда Сверчок подошел к окраине городка. В глаза бросилась необычная пустота на его улицах, словно все местное население вымерло. Страх, поселившийся в жителях с началом войны, давно приучил их без особой надобности не покидать дома. И все же такая пустыньность настораживала.

Теплый ветер донес до слуха немецкую речь. Не мешкая, Сверчок шмыгнул к невысокой калитке, за которой виднелся явно давно покинутый хозяевами заросший высоким бурьяном двор с небольшим домиком и одинокой старой грушей, росшей у крыльца. Осторожно, стараясь громко не скрипеть, он потянул на себя неплотно притворенную кованую спинку от старой кровати, приспособленную под калитку. Глухо простонав ржавыми петлями, та с трудом распахнулась, прочертив на земле глубокую бороздку. Укрыться в густой кроне дерева было делом минутным.

Сверху хорошо просматривались все ближайшие улочки и переулки. Мимо, ревя моторами и поднимая дорожную пыль, промчались немецкий бронетранспортер и несколько мотоциклов. Внимательно осмотревшись, Коля задумался. Он не был уверен в том, что Матюшин вернулся в город. Не зная точного времени начала операции, не видел смысла и отсиживаться здесь.

Покинув двор, юноша, перебегая от дома к дому, стал осторожно пробираться к центру. Наконец среди приземистых одноэтажных строений

показалась крыша старого особняка, в котором размещалось полицейское управление, где его держали в плену. Дальше идти было опасно, и он нырнул в густо заросший крапивой пустой дверной проем, ведущий в подвал длинного, полуразрушенного строения барачного типа. До войны в этом доме проживали семьи рабочих с местной деревообрабатывающей фабрики.

Все подвальное пространство барака было разделено на мелкие клетушки. Часть из них была заколочена досками. На других еще сохранялись двери с сорванными навесными замками. Обнаружив в дальнем угловом помещении, заставленном всяким ненужным хламом, густо затянутое паутиной крохотное оконце, Сверчок прильнул к нему.

Ожидание оказалось недолгим. О начале партизанской операции известил внезапный оглушительный обстрел из минометов. Скоро к ним добавился нестройный хор стрелкового оружия. Сухо затрещали винтовки. Залаяли пулеметы и автоматы. Явно не ожидавшие столь дерзкого нападения среди бела дня, гитлеровцы не сразу открыли ответный огонь. Впрочем, не видя противника, они все больше стреляли в воздух. Минометчики Тимофея Кручени, задолго до операции снабженные подпольщиками Вадима Скобцева нужными координатами, напротив, били точно по объектам, где располагались фашисты.

Все ближе доносились разрывы снарядов. Сидя в подвале, Сверчок продолжал следить за широкой улицей. Скоро, нутужно кашляя выхлопными газами, по ней промчался, посверкивая черной краской, офицерский «Мерседес». Едва автомобиль скрылся за поворотом, как из ближайшего переулочка показались трое полицаев. Юноша вздрогнул. Матюшина и Власенко он узнал бы среди сотен других лиц. Третьего человека ему разглядеть не удалось. Зайдя за угол, полицаи скрылись из виду.

Николай с трудом подавил в себе желание броситься следом. Велика была опасность попасть под обстрел своих же товарищей. Потянулись тревожные минуты ожидания. Наконец минометы уступили место нестройному хору стрелкового оружия. На улицах города завязались бои. Он уже собирался

покинуть подвал, как вдруг снова показалась знакомая тройка полицейских. Озираясь по сторонам, Матюшин и его подручные торопливо двигались в его сторону, в направлении, противоположном центру.

Дождавшись, когда пройдут мимо, Сверчок выскочил на улицу и на некотором отдалении последовал за ними. Первым, придерживая одной рукой болтавшийся за плечами тяжелый ранец, шел неизвестный. Такой же висел и на спине Матюшина. Лишь Власенко с винтовкой наперевес шел налегке, внимательно осматриваясь по сторонам. «Видать, Кондрат что-то ценное несет, раз не доверяет подчиненному», – мелькнула мысль у Сверчка.

На город медленно, легкой серой дымкой опускался вечер. Пройдя несколько кварталов, полицейские выскочили на окраинную улицу, за которой тянулся неширокий пустырь. Сразу за ним виднелся узкий еловый подрост, переходящий в густой лес. Опасаясь, что полицейские успеют скрыться прежде, чем он их настигнет, юноша припал плечом к ближайшему телеграфному столбу и вскинул обрез.

Он промахнулся, поторопившись нажать на курок. Услышав выстрел, полицейские пустились бежать. Бегом преодолев пустырь, Николай ступил в мрачный, полный непредсказуемости и смертельной опасности мир. Наметанному глазу разведчика еще были видны на примятой траве следы, оставленные неосторожным противником...

20

К западной окраине города, где располагалась узловая станция, отряд капитана Чепракова подошел перед самой вечерней зарей. Сюда же подоспела и группа Строжевского-Вовка, ранее отправленная к Николиному хутору.

Услышав от зама, что оказавшемуся в плену у гитлеровцев Николаю Цвирко удалось спастись, Федор Иванович обрадовался. Омрачила лишь весть о гибели юного Саши Довгунца.

– Немцев много постреляли? – поинтересовался командир.

– Так точно, много! – ответил стоявший рядом с комиссаром старший лейтенант Вовк.

– Выходит, Коле удалось провести немцев?! – выйдя из недолгой задумчивости, воскликнул капитан. Заметив недоумение на лицах своих замов, он отмахнулся: – Потом, все потом узнаете. А пока пора приниматься за дело.

Строжевский с Вовком переглянулись. Обескураженный загадочным заявлением командира, комиссар не стал говорить о своих подозрениях в адрес Цвирко и упоминать о его задержании, оставив разбирательство на потом.

Перед отрядом Чепракова стояла сложная задача: захватить и удерживать до прихода основных сил важный в стратегическом плане железнодорожный узел. Едва в городе раздались первые разрывы снарядов и партизаны Тимофея Кручени и Тараса Бакулева завязали уличные бои на северной и южной окраинах города, охрана станции немедленно заняла круговую оборону.

До наступления темноты оставалось совсем немного времени и следовало торопиться. Поднявшись на чердак пожарной части – самого высокого строения, расположенного вблизи железнодорожных путей – Федор в бинокль изучал подступы к построенному в начале века, в традициях западной архитектуры, невысокому одноэтажному зданию вокзала. Первый из двух железнодорожных путей, лежавших перед главным корпусом, был пуст. На втором стоял прибывший в полдень эшелон с танками и самоходками, укрытыми маскировочной сетью. Еще один состав с боеприпасами находился на запасном пути.

С трех сторон станция, к которой почти вплотную подходили жилые кварталы города, была отгорожена высоким забором из нескольких рядов колючей проволоки. Открытой оставалась только западная сторона, где начинались широкие, поросшие густым бурьяном поля. Здесь немцы разместили два дота с крупнокалиберными пулеметами, а между ними в шахматном порядке расположили несколько зенитных установок. Отдельно были разбросаны защищенные мешками с песком пулеметные гнезда.

Изучив местность, Федор спустился вниз. Было ясно, что в силу своей малочисленности взять сходу станцию им не удастся. После короткого совещания решили провести отвлекающий удар по открытой западной стороне

и затем, воспользовавшись сумятицей в стане врага, атаковать главное здание, в котором засели основные силы.

– Минометы к бою! – приказал капитан.

Сразу после того, как имевшиеся в наличии шесть трофейных минометов проутюжили с глухим уханьем доты и зенитные точки противника, в бой вступили стрелки. Засвистели, зацелкали о бетон и кирпичные стены пули. В воздухе повис запах пороховой гари. Как всегда, командир делал особую ставку на снайперов...

Еще когда участвовал в Финской кампании, тогда только набиравшийся опыта красный командир Чепраков обратил внимание, как эффективно противник использовал связки из нескольких снайперов, действовавших одновременно. О своем наблюдении офицер доложил начальству, предложив перенять опыт неприятеля. Однако руководство его предложение отклонило.

Позже, готовясь к забросу на оккупированную гитлеровцами территорию Белоруссии, Чепраков настоял, чтобы его отряд снабдили достаточным количеством снайперских винтовок. На этот раз в верхах прислушались к настойчивым просьбам командира только что созданной особой группы и выделили несколько прицелов к винтовкам Мосина.

Первая атака на главное здание станции быстро захлебнулась. Засевшие в укрытиях гитлеровцы ответили ураганным огнем. Оценив ситуацию, Чепраков перенаправил людей к стоявшему чуть поодаль большому длинному строению из железобетона, в котором, как им было известно, располагались мастерские. Неожиданно это принесло успех. Охранявшие здание полицаи из шумы, напуганные массированным огнем нападающих, побросав оружие, стали выбегать навстречу с поднятыми руками. Не все добежали до спасительного укрытия. Заметив беглецов, гитлеровские пулеметчики открыли по ним огонь, расстреливая в спину.

Партизанам без потерь удалось занять огромное здание, захватив в плен двух пожилых немецких инженеров-механиков, под чьим руководством трудились местные рабочие. Несколько человек немедленно выказали желание

примкнуть к партизанам. Остальных, вместе с задержанными немцами и сдавшимися в плен полицаями, бойцы под руководством Вовка вывели в безопасное место за территорию железнодорожного узла.

Возвращаясь обратно, старший лейтенант заметил густой черный дым, поднимавшийся над трубой тепловоза, к которому были прицеплены платформы с техникой. Гитлеровцы явно собирались отогнать состав в безопасное место. Виктор Вовк немедленно сообщил об этом командиру, находившемуся в одном из угловых помещений мастерской. Отсюда хорошо просматривались задний двор вокзала и часть путей.

– Нельзя допустить, чтобы фашистская бронетехника попала на фронт! – решительно заявил Чепраков.

– Нужно закидать тепловоз минами! – подал голос Строжевский.

– Не получится, – заметил стоявший рядом сержант Улейкин, командовавший в отряде отделением минометчиков и саперов. – Снаряды закончились.

Комиссар нахмурился:

– Тогда отправьте подрывников, пусть заминируют рельсы!

– Рельсы нам еще самим пригодятся. Можно на время вывести из строя тепловоз, – предложил Вовк.

Чепраков поддержал идею старшего лейтенанта. Велев взять с собой несколько бойцов, он приказал:

– Пока мы будем отвлекать охрану, постарайтесь пробраться к тепловозу. Если не удастся – немедленно отходите!

Коротко козырнув, Вовк поспешил к выходу. Едва он приблизился к двери, как она резко отворилась и на пороге появился боец, наблюдавший с крыши пожарной части за дальними подступами к городу и станции. С правой руки его на бетонный пол скатывались крупные капли крови.

– Большая немецкая колонна движется к городу с западной стороны! – взволнованным голосом сообщил он.

– Как далеко? – встревожился Чепраков.

– Минут через двадцать будут здесь.

Отправив бойца к санитарам, Федор Иванович приказал сержанту Улейкину срочно минировать автомобильную дорогу, ведущую к станции, после чего разложил на рабочем столе карту с планом прилегающих к ней территорий.

Готовясь к любой операции, Чепраков заранее продумывал и возможные пути отступления. Такой план имелся у него и сейчас, но отступить офицер не собирался. На помощь вот-вот должны были подойти отряды Кручени и Бакулева. «Успеть бы занять всю территорию, а уж продержаться мы сумеем», – был уверен он.

Охранявшие станцию гитлеровцы, извещенные по радиации о приближающейся помощи, усилили огонь. Снова застрочили пулеметы. Ожили и оба дота. Выпущенные по ним мины не смогли пробить толстые бетонные стены.

Теперь к захвату станции и попытке задержать эшелон добавилась еще одна задача – не допустить вражеской колонне въехать в город. Людей катастрофически не хватало, но уйти, не выполнив поставленную перед ними задачу, Федор Чепраков не мог. Для наступающих частей Красной армии железнодорожный узел был крайне важен.

Помощь пришла в лице невысокого молодого человека и сопровождавших его нескольких бойцов, буквально ввалившихся в раскрытую настежь дверь мастерской.

– Комвзвода Кондрашов! – зычно, стараясь перекрыть доносимые с улицы звуки стрельбы, представился он. – Прибыли в ваше распоряжение!

Это был один из помощников Тимофея Кручени, чей взвод был изрядно потрепан в уличных боях.

– Снаряды к минометам есть? – радуясь появлению новых сил, поинтересовался капитан Чепраков, пожимая пришедшим руки.

– Есть немного, – обронил комвзвода.

Вместе с людьми Леонтия Кондрашова решили немедленно выступить навстречу движущейся немецкой колонне. Вовку снова было поручено захватить тепловоз. Нашлось дело и комиссару.

– Афанасий Петрович, массированным огнем отвлеку засевших в здании гитлеровцев! – повернулся Чепраков к своему заместителю. – Усиьте его по пулеметным расчетам. Как только захватите несколько платформ с техникой, разверните стволы в сторону шоссе. Используем потенциал врага себе на пользу.

Неожиданно для всех присутствующих комиссар возмутился:

– Это чистое самоубийство! С одними автоматами и винтовками идти на пулеметы?! Ты меня, Федор Иванович, извини, но это все равно, что стрелять по воробьям. Надо немедленно отходить! Нужно спасать людей!

Несколько озадаченный заявлением зама, Чепраков набрал в грудь воздуха:

– Товарищ Строжевский, выполняйте приказ! – Он старался быть спокойным. – Нам поставлена задача, и мы ее решим!

– Нет, это совершенно невозможно! Только зря людей положим! – парировал политрук. – Кто будет отвечать? – вызываясь встал он во фронт.

– Я! Я буду отвечать! – повысил голос командир. – Вероятно, вы не в курсе, что военным положено отвечать за свои действия?

Намек на его гражданское прошлое возмутил Строжевского. Лицо комиссара исказила гримаса недовольства:

– Товарищ капитан, я не меньше вашего в ответе за жизни советских граждан! Еще и перед партией, замечу вам!

– Выполняйте приказ! – жестко повторил Федор, придав голосу металла. Вступать в долгую полемику со своим замом он не собирался.

Вслед за командиром за продолжение наступления выступил и старший лейтенант Вовк. Комвзвода Кондрашов поддержал его.

Отвернувшись к окну, Федор Иванович погрузился в размышления: как проще и без потерь захватить платформы с танками и самоходками. Сумей он ввести в бой тяжелую технику, и операция будет легко выполняема. Он все еще находился в расстроенных чувствах из-за ссоры с комиссаром и, забыв об осторожности, выглянул в окно.

Увлеченные спором, присутствующие не сразу заметили, как, сраженный шальной пулей в голову чуть выше левого глаза, Чепраков покачнулся и стал оседать по подоконнику на усыпанный битым стеклом бетонный пол.

Первым к командиру подскочил Виктор Вовк. Находившегося в беспмятстве капитана быстро уложили на снятую с петель дверную створку, наспех перевязали рану. Четверо вызванных автоматчиков спешно понесли импровизированные носилки в сторону жилых домов, где в заборе из колючей проволоки заранее были проделаны проходы.

В разгар боя отряд не мог оставаться без руководителя. Старший лейтенант Вовк, крайне удрученный случившимся с командиром, выжидательно взглянул на Строжевского. В сложившейся ситуации комиссар оказывался старшим по занимаемой должности. Однако он не был искушен в ратном деле, и офицер рассчитывал, что замполит передаст ему полномочия командира.

Афанасий Петрович молчал. Его терзали противоречивые чувства. С одной стороны тяжелое, по всей очевидности, смертельное ранение Чепракова вызвало у него искреннее сожаление. За непродолжительное время знакомства он многому научился у этого опытного и бесстрашного офицера. С другой – случившееся открывало ему путь к руководству отрядом. Разве не к этому он втайне стремился?

Придав голосу командирские нотки, Строжевский поинтересовался у Леонтия Кондрашова:

– Что там с подпольщиками? Удалось кого-нибудь освободить?

– Всех, кого обнаружили в подвалах полицейского управления, – пробасил вместо комвзвода, стоявший рядом с ним усатый мужчина лет сорока пяти, чья левая щека от глаза до подбородка была отмечена глубоким шрамом. – Слава богу, успели!

– Бог тут ни при чем! – скривился политрук, отводя глаза от страшного рубца. – Их освобождали мы с вами!

Бросив ироничный взгляд на своего командира взвода – комиссар чужого отряда явно желает примазаться к их славе? – бывалый партизан снова взглянул на Строжевского и понимающе кивнул:

– Как скажете!

Незаметно опустилась ночь, накрыв город звездным покрывалом, рвущимся местами от очагов пожара. Накал боя за стенами мастерской не спадал. Все еще считая невозможным продолжать операцию, Строжевский, прокашлявшись, чтобы скрыть волнение в голосе, заговорил:

– Ну, что ж, товарищи! Основную задачу мы с вами успешно выполнили, освободив подпольщиков. А здесь, сами видите, без поддержки значительных сил нам станцию не взять. И даже если возьмем, долго не удержим. Надеюсь, это вы понимаете, товарищи. К тому же ночь в руку врагу, а не нам. В общем, беря руководство на себя, приказываю всем отступить. Так мы сохраним жизни наших людей.

За последними словами он пытался скрыть свой страх.

Леонтий Кондрашов решительно запротестовал:

– Станцию необходимо взять!

Виктор Вовк согласно кивнул:

– У меня приказ командира вывести тепловоз из строя! Отменить его может только сам Федор Иванович.

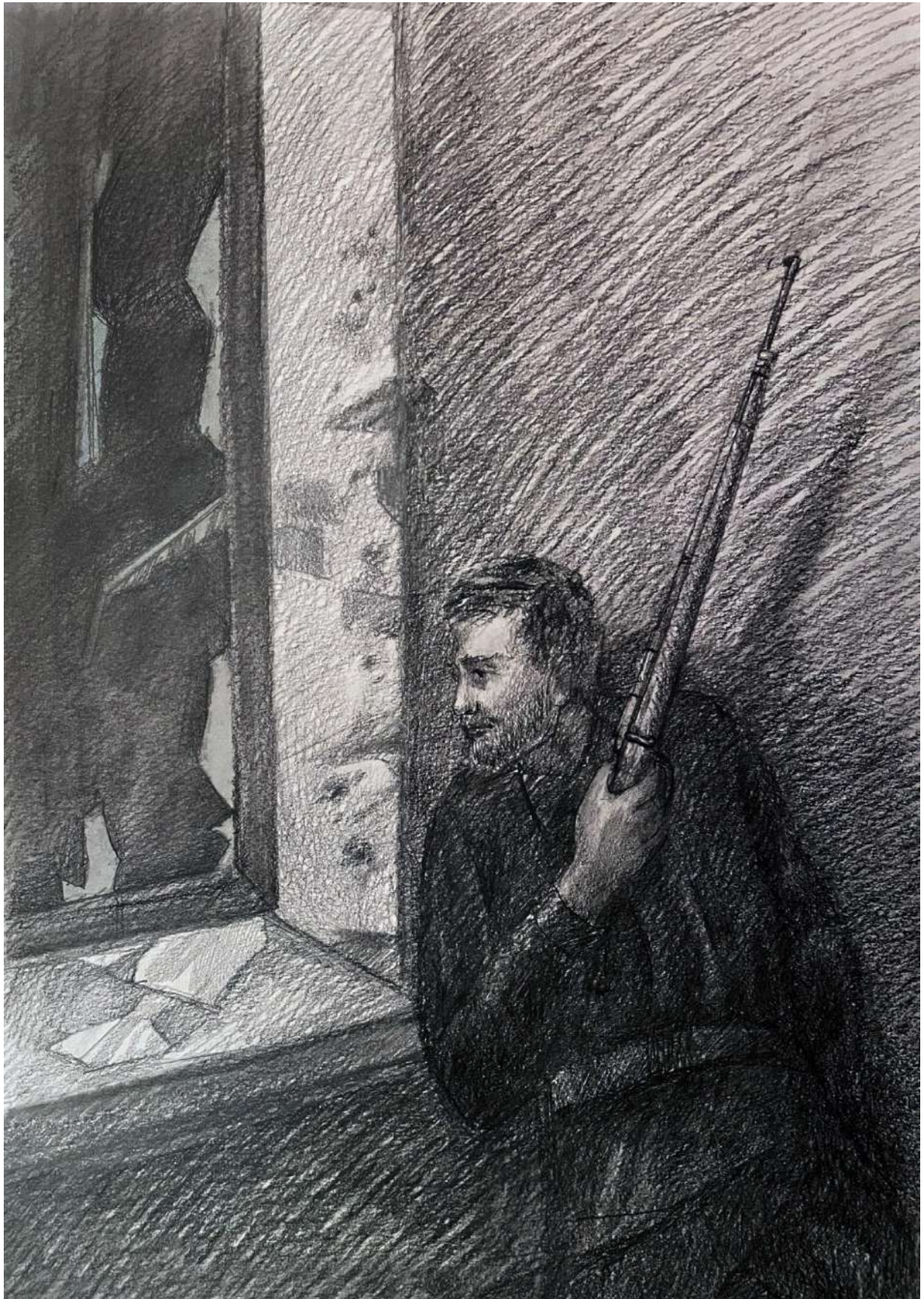
Почувствовав в словах старшего лейтенанта открытый вызов ему, Строжевский сверкнул белками глаз:

– Исходя из сложившейся ситуации, я отменяю прежний приказ капитана Чепракова!

Его начальственный тон не возымел ожидаемого действия.

– Извините, но у меня свое руководство! – воскликнул комвзвода Кондрашов.

Коротко козырнув, офицер призывно махнул рукой сопровождавшим его бойцам и немедленно покинул помещение. Не говоря ни слова, следом за ним выскочил и старший лейтенант Вовк.

Сбив шапку, пуля оцарапала висок, повредив сосуд. Еще не успев испугаться, Сверчок рефлекторно выхватил из-за пояса пистолет Власенко и дважды пальнул в сторону неприятеля, после чего припал к земле. Осознание того, что был на волосок от смерти, пришло вместе с мелкой дрожью, пробежавшей по всему телу. Подобрал сорванный с головы картуз, он зажал им рану, с которой на щеку текла горячая липкая кровь.

Сверчок видел, как, низко пригибаясь, убегал Матюшин. Предательская слабость в ногах не позволила сразу пуститься вдогонку. Дрожащей рукой потянув с шеи крестик с ладанкой, он припал к ним губами и застыл в недолгом молитвенном обращении к Богу, шепча пришедшие на память строки из «Отче наш...». Где-то глубоко в душе этому слабо противилось его комсомольское сознание.

Через некоторое время силы стали возвращаться. Николай пополз к видневшемуся метрах в тридцати от него небольшому взгорку. Оказавшись на заросшем невысоким кустарником гребне, он от удивления замер. Внизу, прямо под ногами, до самого горизонта раскинулась долина, сотканная из множества различных по величине и форме голубоглазых озер, разделенных между собой щетками густо растущего багульника. Кое-где виднелись чахлые низкорослые деревья с искривленными стволами, чьи корни явно страдали от избытка влаги. Отдельными островками хороводились пихты, соседствующие с болотными соснами. Особняком, словно чураясь соседства кривоствольных собратьев, держались стройные ясени, окруженные мелкой семейной порослью. По безмятежной поверхности зеркальных вод неспешно проплывали отражения розово-белых облаков. В северной части заполненной озерами равнины Сверчок разглядел островки, затянутые осокой, рогозой и сфагновым мхом – верными признаками того, что дальше начинались болота.

Увиденное так очаровало юношу, что он на миг забыл о войне. На память пришли школьные рассказы о белорусском Поозерье – крае, много тысяч лет назад образованном в результате таяния Валдайского ледника...

Матюшину снова не повезло: пуля не причинила противнику особого вреда. Бросив в его адрес несколько бранных слов, он поспешил сменить место. По расчетам совсем немного оставалось идти до лесного домика, куда планировал попасть засветло. Очень хотелось есть. Скинув с себя тяжелый ранец, Кондрат решил изучить его содержимое. «Немцы – народ запасливый! Наверняка Хойер упрятал сюда пару консервов или плиток шоколада», – думал он, рассчитывая обнаружить что-либо съестное. Однако еды в ранце не оказалось.

Зато в ожидании другого Кондрат не ошибся. Вынув несколько кожаных папок, полицай отложил их в сторону, вытащил на свет один из десятка небольших, увесистых холщовых мешочков, явно сшитых неумелой рукой Хойера, не без труда развязал на одном плотный узелок. Блестя на солнце золотом и камнями, на широкую ладонь посыпались кольца...

Все драгоценности были с немецкой аккуратностью расфасованы в отдельные мешочки: часы, браслеты, серьги, кольца, цепочки. На дне ранца тяжелой гирей лежало столовое серебро. Чтобы не оцарапалось, каждый прибор был обернут газетой.

Кондрат помнил все до последнего изделия, когда и у кого отбирал. Ухмылка коснулась его мясистых губ: «А хорошо, что Василя с Сухевичем уже нет! Этот партизанский хмырь избавил меня от дележа. – Сердце полицая затрепетало: – Теперь только жить!..»

С самого начала войны гитлеровцы активно занимались экспроприацией ценностей у населения оккупированных ими территорий. Так они поступали в Европе, не изменили своим правилам и здесь. Все изъятые драгоценности объявлялись собственностью германского государства и переправлялись в Берлин. Этим занимались специальные команды, состоящие исключительно из немецких военнослужащих.

Когда Кондрат подошел к Хойеру с необычным предложением, тот не сразу понял, о чем речь. Сообразив же, вначале испугался. Полицай предлагал немецкому офицеру разрешить ему участвовать в этой акции нелегально.

Естественно, все изъятое Матюшин обещал отдавать ему, оставляя себе лишь небольшую мелочь «для поддержания штанов». Клаус понимал: за такое могли отдать под трибунал, однако тщетно силился припомнить хотя бы один случай, когда за это кого-либо из офицеров наказали.

– Бояться нечего! – уверял полицай. – Все продумано до мелочей. От вас лишь списки с адресами богатых семей города и района, чтобы я со своими людьми успевал навестить их раньше, чем к ним нагрянет спецкоманда.

Такие списки у Клауса Хойера, действительно, имелись. Как ни странно, но их ему помогали создавать местные барыги, согласившиеся сотрудничать с новой властью. Кому, как не им, были известны имена крупных в недавнем прошлом торговцев, заведующих ломбардами, работавших с золотом зубных врачей. Взвесив все риски, офицер согласился. В конце концов, бумаги наверх можно отправлять с некоторым опозданием.

Задуманное было несложно осуществить. Кондрат был уверен: стоит лишь припугнуть арестом или расстрелом, и люди сами отдадут все накопленное и жаловаться не станут. Да и кому, когда ночью в твой дом врывается представитель новой власти с постановлением на обыск и арест, подписанный офицером полицейского управления? Хочешь избежать неприятностей – плати. Хочешь жить – плати. Не желаешь, чтобы твоего отпрыска отправили на работу в Германию – плати. Кондрат Матюшин не побрезгует и золотыми коронками. Их все же лучше снимать с живого носителя, чем с трупа.

И люди платили. Много ценных предметов передал Матюшин начальнику районной полиции за время их «добрых» деловых отношений. Оттого и тяжел был ранец. Утяжеляли и собственные накопления, ведь о своих интересах Кондрат никогда не забывал. К чему тогда все это было затевать?..

Матюшин вспомнил, как, чудом избежав гибели у Николиного хутора, вместе с Власенко и Семеном Сухевичем вернулись в город, где почти сразу попали под минометный обстрел партизан. В бой вступать не стали. Становилось очевидным, что застигнутый врасплох, немецкий гарнизон

обречен. Самое время было подумать о себе. К тому же момент подходящий. Немцы искать не станут, спишут на боевые потери.

Прежде, чем навсегда покинуть город, Кондрат забежал в дом дальнего родственника, у которого хранил некоторые личные вещи, после чего направился к полицейскому управлению. Здесь он надеялся застать капитана Хойера. Рядом, словно цепные псы, шли Власенко с Сухевичем, готовые по его команде броситься на любого. С ним они чувствовали себя увереннее.

Небольшая площадь перед старым особняком, где размещалось полицейское управление, кишела людьми. Повсюду царил хаос. Грубо потребовав уступить дорогу, мимо пробежали фельджандармы.

Вход в здание охранялся двумя пулеметчиками. Рядом, ошестинившись крупнокалиберным оружием, стояли в боевой готовности несколько коробок БТР. Тут же кучковались с десятков мотоциклов. Отдельно, сверкая полировкой, были припаркованы две легковушки.

Из здания то и дело выскакивали гитлеровцы. Выкрикивая на ходу команды, младшие офицеры прыгали в коляски мотоциклов, чтобы через минуту скрыться в западном направлении.

– Никак бегут? – заметил с иронией Власенко.

Кабинет капитана Хойера находился на втором этаже, в самом конце длинного коридора. Поднимаясь по лестнице, полицаи столкнулись с пробежавшим мимо майором, прибывшим днем с проверкой. Оттолкнув с дороги малорослого Сухевича, офицер запрыгал вниз по ступенькам. За ним, едва поспевая, бежал унтер-офицер с чемоданом.

Узнав Матюшина, стоявший у дверей Хойера унтер-капрал молча отступил в сторону. Велев Василию с Семеном оставаться в коридоре и не спускать глаз с часового, Кондрат потянул дверь на себя.

Клаус Хойер был один. Торопливо доставая из сейфа какие-то бумаги, он бегло просматривал их, после чего одни исчезали в прожорливой глотке кожаного портфеля, другие же в стоявшем рядом на столе обыкновенном

солдатском ранце. Неожиданное появление полицейского скорее удивило капитана, нежели обрадовало.

– Матюшин! Ви жив? – выдохнул гитлеровец, точно увидел перед собой привидение. – А мне сказат, что ви...

– Обманули! – перебил его вицефельдфебель. Бросив взгляд в окно, он заметил, как выбежавший из здания майор садится в БТР. – Что, герр капитан, бежим? – не скрывая сарказма, произнес Кондрат: – Где же ваша доблестная армия?

Продолжая изучать папки с документами, Хойер попытался изобразить улыбку:

– Найн, Матюшин, найн! Нихт бежать...

От прогремевшего во дворе сильного взрыва, все здание сотряслось. Выпущенная партизанами мина накрыла отъезжающий бронетранспортер с майором в тот самый момент, когда тот сворачивал за угол. Следующий снаряд повредил крыло, в котором они сейчас находились. Взрывной волной Кондрата отбросило к стене. Хойеру повезло меньше. Опрокинутый на пол, он был придавлен тяжелым металлическим шкафом.

Подобрав упавший на пол портфель, полицай заглянул внутрь, но, не обнаружив в нем ничего, кроме папок с орлами, тут же отшвырнул в сторону и потянулся за ранцем.

Раненный в бедро осколком оконного стекла, Хойер тщетно пытался освободиться из-под завала. Заметив движение руки подчиненного, он попытался помешать ему, но Матюшин оказался проворнее. Нагнувшись, Кондрат ударом кулака в челюсть упредил крик, готовый сорваться с губ капитана.

Радость охватила его, когда почувствовал приятную тяжесть ранца. Что могло в нем находиться – он догадывался, но времени проверить не оставалось. Перешагнув через Хойера, Кондрат выглянул в коридор. Осыпанные цементной пылью, Власенко с Сухевичем стояли над телом убитого осколком немецкого

часового. Из охваченного пожаром здания продолжали выскакивать уцелевшие гитлеровцы.

Приказав подчиненным никого в кабинет не пускать, Кондрат вновь притворил дверь. И как раз вовремя. Пришедший в себя капитан сумел дотянуться до кобуры на поясе. Выбив ногой из руки пистолет, полицай всей тяжестью своего грузного тела навалился на гитлеровца, вцепившись железной хваткой ему в шею. Не в силах отбиться, Хойер захрипел, умоляя сохранить жизнь:

– Найн, Матьюшин, найн! Пожалуйста!.. Пожалуйста!.. Майне фрау... майне фрау...

Кондрату было безразлично, что хотел поведать капитан о своей супруге в последнюю минуту жизни. Закинув ранец за спину, он еще раз взглянул на застывшие от удивления и ужаса глаза мертвого офицера, сунул его пистолет в карман брюк и спешно покинул кабинет. Полчаса спустя все трое, выбравшись из города, растворились в лесу...

Сложив мешочки обратно в ранец, Матюшин заторопился. У заброшенного домика он надеялся встретить других дезертиров и уже с ними идти дальше в Литву.

С переходом в наступление Красной армии побег из полицейских подразделений участился. Некоторые решались сдаться партизанам. Тем, кто не обгарил руки кровью советских граждан, после тщательной проверки давалась возможность с оружием в руках искупить вину перед отечеством. Кондрат знал: его не простят и вариант этот не рассматривал. По совету старосты Лукашевича он рассчитывал некоторое время отсидеться в Литве, пока не выправит новые документы, чтобы затем уехать далеко на восток страны, где и затеряться навсегда.

Выскочив на край леса, Кондрат оторопел. Дальше земля, образуя небольшой пологий спуск, переходила в широкую, усыпанную многочисленными озерцами равнину. На карте это место значилось в стороне

от намеченного им пути. Сбитый с толку, полицейай сбежал по склону вниз и в нерешительности остановился у кромки небольшого природного котлована, наполненного водой, в темной глубине которой оцетиненными верхушками отражались росшие чуть поодаль зубчатые сосны. Долетевший с севера ветерок подернул зеркальную поверхность озера мелкой рябью.

Матюшин пытался понять, где мог сойти с намеченного маршрута. Он не догадывался, что последние несколько часов молодой партизан своими подгоняющими выстрелами вел его в нужном для себя направлении. Так опытные охотники подводят крупного зверя как можно ближе к стоянке, чтобы потом не пришлось нести на себе тяжелую тушу.

Услышав за спиной сухой треск сломанной ветки, полицейай обернулся. С небольшого косогора на него смотрел Сверчок. Выпущенная им пуля, вызвав у самых ног фонтанчик жидкой грязи, заставила Матюшина испуганно отскочить от кромки воды и, скользя по склону, вскарабкаться обратно, прикрываясь кучерявившимся сосняком.

Достигнув земной тверди, Кондрат перекинул ранец со спины на грудь, чтобы не мешал быстрому движению, и побежал. Однако далеко уйти ему не позволили.

– Стой, Матюшин, стой! – раздалось из-за деревьев. – Руки!

Увидев нацеленный на него ствол, Кондрат потянулся к поясу за пистолетом. Упреждающий выстрел поверх головы остановил его.

– Руки вверх, говорю! – Сверчок угрожающе придвинулся.

Выронив оружие, полицейай устало прислонился к дереву и опустил тяжелую ношу на землю.

– Теперь нож!

Вицефельдфебель бросил на противника взгляд полный ненависти, вынул из-за голенища финку и отшвырнул ее в кусты.

– Здесь порешишь или как? – осклабившись, спросил негромко.

Заметив за его ухмылкой плохо скрываемый страх, юноша улыбнулся:

– Поживи еще немного! Ты же хотел увидеть моего командира? Заодно и с партизанским трибуналом познакомишься.

Услышав о суде, Матюшин накинул на лицо маску обреченности, стянул губы в узел:

– Тогда лучше здесь кончай!

– Снимай со штанов пояс! – приказал Сверчок, намереваясь связать неприятеля.

Кондрат нехотя положил ладонь сверху на металлическую пряжку тесемчатого ремешка. Казалось, он окончательно потерял решимость. Но вдруг, уловив момент, когда партизан на секунду отвлекся, скользнул рукой в широкий карман форменных брюк, где лежал пистолет Хойера. Не вынимая его, он выстрелил.

Сильный обжигающий удар в бедро едва не опрокинул Сверчка наземь. Палец дважды машинально нажал на спусковой крючок «парабеллума», который он все это время держал наготове. Второй выстрел оказался точнее. Попав в руку, пуля выбила у полицая оружие, которое тот успел выхватить из кармана.

Вскрикнув от боли, Матюшин, не мешкая ни секунды, набросился на юношу и повалил на землю. Прижимая всем телом, он здоровой рукой пытался дотянуться до его пистолета.

– Щеня, ты и вправду думал, что я сдамся? – хрипел в лицо полицай, брызжа слюной.

Отчаянно сопротивляясь и преодолевая сильную боль в бедре, Сверчок, изловчившись, откинул оружие за голову.

Не сумев овладеть пистолетом, Матюшин потянулся к его шее. Физически превосходивший в силе, он мог задушить и одной рукой.

В какой-то момент заученным приемом из французской борьбы Коле удалось немного освободиться. С большим трудом он дотянулся до сапога, нащупал рукоятку пластунского ножа деда Захара и нанес им удар полицая в бок. Однако лезвие, коснувшись чего-то твердого, словно тело врага было

выковано из железа, скользнуло в сторону. Из последних сил, задыхаясь, юноша в страшном отчаянии стал наносить удар за ударом. Взыв от боли, Матюшин скатился с него. Подобрал пистолет, Коля направил его на врага, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрядить всю обойму в ненавистное ему лицо.

Немного погодя, отдышавшись, он сорвал с полица брючный пояс, стянул его руки за спиной, после чего осмотрел раны. Их на спине и боках Матюшина оказалось с десятков, но все они были неглубокими и серьезной опасности здоровью не несли. Разорвав его же рубаху на широкие полосы, Сверчок перевязал раны и занялся своей ногой.

Пройдя навывлет, пуля повредила сосуд, отчего рана сильно кровоточила. Пришлось мастерить жгут из собственной сорочки. Перетянув ногу и наложив повязку, он вернулся к полицая. Взгляд упал на ранец, возле которого прямо на земле валялся сшитый из суровой ткани широкий пояс с многочисленными накладными карманами-клапанами. Сверчок обнаружил его на теле Матюшина, еще когда только собирался осмотреть раны.

«Так вот почему нож отскакивал!» – удивился юноша, высыпав из поврежденного ножом кармашка на ладонь несколько небольших металлических пластинок желтого цвета. Вдруг лицо его исказилось в брезгливой гримасе. Это были зубные коронки, превращенные обычным молотком в тонкие пластушки. В памяти тут же всплыл первый допрос, когда Матюшин заглянул ему в рот. Тогда Сверчка это удивило. Сейчас же, осознав, что полицай надеялся там найти, рука снова невольно потянулась за оружием.

– Нет-нет, ты не подумай, это все не мое! Не мое, не мое! – испуганно заверещал полицай. – Это капитана Хойера, моего начальника!

Коронки на поврежденные зубы врачи давно научились ставить. Но перед самой войной среди населения, особенно молодежи, появилась мода вставлять фиксы и на здоровые зубы. Состоятельные шиковали золотыми. Остальные модники обходились стальными коронками. Форсу ради не отставали от старших и подростки. Перед тем, как выйти из дома, фикса натирала листком шалфея, отчего металл ярче сверкал.

Все еще держа пояс в руке, Сверчок поднял пистолет:

– Скольких же людей ты загубил, сволочь?! С мертвых снимал?..

22

Партизанам не удалось удержать город. Гитлеровцы сумели их выбить, ворвавшись большой колонной. Не получилось захватить и станцию. И все же старший лейтенант Вовк, ценой потерь нескольких бойцов, успел вывести из строя тепловоз и часть железнодорожного полотна, не допустив отправки состава с техникой.

Значительно поредев, отряд под его умелым руководством покидал город. С Виктором уходили все те, кто до конца оставался выполнить приказ командира Чепракова.

На новую базу они прибыли еще затемно, застав командира все в том же бессознательном состоянии. Тяжелораненых было несколько человек. Ближе к утру за ними прилетел вызванный по рации самолет.

Все это время Захар Петрович не смыкал глаз, вместе с боевыми санитарями оказывая помощь раненым. Каждому старался подобрать слова поддержки. Не забывал спрашивать и о Сверчке, всеобщем любимце. Может, кто видел его. Дымя зажатыми в кулак сигарками, бойцы устало мотали головой: «Нет, не встречали. Разве в бою углядишь за каждым. Да и темно уже было. Лежит, наверное, где-нибудь с простреленной грудью. Сегодня многих потеряли...»

Да, этой ночью возвратились далеко не все. Часть их товарищей осталась лежать у станции. Бойцы роптали, выказывая недовольство. Будь Чепраков с ними до конца, разве так бесславно бы закончилась операция? С Федором Ивановичем и не из таких передраг выходили победителями. Подвел комиссар, отступив с частью партизан. Бросил. Нет, оказывается, единения в отряде. Стоило командиру выбыть из строя, как первый же бой это показал. Что это, страх перед партийной должностью Строжевского?..

Солнце еще цеплялось краешком за землю, когда за Захаром Петровичем прибыл посыльный.

– Политрук велел немедленно явиться к нему! – выпалил молодой рыжеволосый паренек. – Злой сидит, словно зверь голодный! – шепнул он по дорожке. – Новым командиром назвался!

С огромной неохотой ковылял старый казак к командирской землянке, которую сам же и рыл.

Строжевский ожидал его вдвоем с Вовком.

– Где Цвирко? – жестко, словно пощечину отвесил, встретил его вопросом комиссар. – Почему его нет в лагере? Сбежал?

– Зачем сбежал?! – пожал плечами Захар Петрович. – Я его самолично отпустил!

– То есть как! А мой приказ!

– А што приказ, ну што приказ? – Старик с достоинством встретил уничтожающий взгляд политрука. – Ну, какой из Коли предатель? Быть такого не может!

Чувствуя незримую поддержку старику со стороны старшего лейтенанта, Строжевский махнул рукой:

– Ладно, идите пока! С вами я потом поговорю. Из лагеря ни ногой! – крикнул он вдогонку.

Вслед за дедом Захаром землянку покинул и командир разведгруппы. Не говоря ни слова, они прошли рядом добрый десяток метров. Наконец Вовк остановился, задержав старика за локоть:

– Давай, Захар Петрович, рассказывай, куда Сверчка спрятал?

– Отпустил я його, – честно признался старик. – Как есть, отпустил. Коля казав, што не вернется, покуда Матюшина не убьет.

Опасаясь за жизнь юноши, офицер с укоризной покачал головой:

– Он же еще мальчишка! Полицай прикончит его!

– Боец он, Виктор, боец. Пусть ишо и не такой як ты, но военное дило добре изучил.

– Отец, верни его в лагерь! – потребовал Вовк. Он был уверен, что старик скрывает юношу где-то в лесу.

– Да як же я його верну, коли не знаю, где вин?

Они продолжили движение. Снова некоторое время шли молча.

– Дуже тяжко було там? – кивнув куда-то за спину, обронил дед Захар, бросая исподлобья взгляд на усталое лицо офицера. – Хлопцев много полегло!

– Да, не так все пошло, как планировали с командиром, не так, – покачал головой старший лейтенант. – И Федора Ивановича потеряли, и бойцов почему зря положили.

– Зря ничего не бывает, – не согласился с ним старый воин. – У всего есть своя оценка...

К полудню Захар Петрович незаметно покинул лагерь. Страх за то, что нарушил приказ нового командира, он не испытывал. Сейчас для него важнее дела, чем разыскать Сверчка, не было. Несколько часов он бродил по бескрайнему лесу, в надежде обнаружить своего юного товарища. Не сомневался: если Коля жив – непременно объявится.

В очередной раз присев передохнуть, старик вдруг отчетливо вспомнил их последний разговор и слова, оброненные юношей перед уходом: «Встретимся на старом месте!» «Вот, дурень! Надо было сразу идти к прежнему лагерю», – стал он корить себя за потерянное время.

Приблизившись к старой базе, дед Захар огляделся. На землю давило тяжелое, сродни его настроению, свинцовое небо. Моросило. Никогда еще лес не казался ему таким неприветливым, как сейчас.

Не заметив ничего подозрительного, он прошел мимо старых кострищ, заглянул в пустующие землянки. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. В стремительно надвигающихся сумерках лес стал наполняться ночными звуками. Затрещали сверчки. Захар Петрович уже собирался повернуть обратно, когда краем глаза заметил, как на небольшой лужайке, метрах в ста пятидесяти от него, на фоне серого неподвижного пейзажа что-то шевельнулось. Скинув с плеча автомат, он притаился за обросшим толстым мхом березовым выворотнем. Вдруг недалеко кто-то вскрикнул, заставив его вздрогнуть:

– Это же Сверчок!

От деревьев отделились две фигуры. Узнав в них разведчиков своего отряда, дед Захар удивился.

– Он! Точно он! – подтвердил голос, принадлежавший Грушину.

Приветливо махнув старику рукой, партизаны помчались навстречу молодому товарищу.

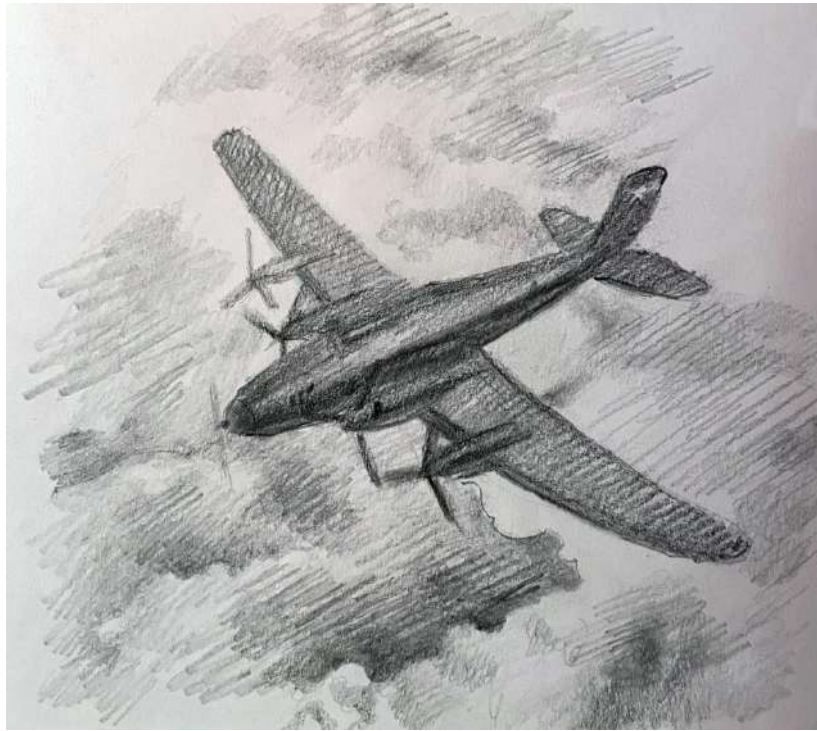
Еще днем, сразу после короткой беседы с дедом Захаром, старший лейтенант Вовк велел своим подчиненным незаметно следить за ним. Уверенность в том, что хитрый старик прячет юношу где-то в лесу, не погасла в нем.

Досадуя, что не заметил за собой слежку, дед Захар тронулся следом за бойцами. Его лицо светилось от предвкушения встречи с живым и невредимым любимчиком. Впрочем, врачи вряд ли посчитали Николая Цwirко невредимым. Потеряв много крови, юноша с трудом держался на ногах, опираясь на длинную палку. Рядом, постанывая, стоял, прислонившись к дереву, полицай...

Ближе к утру, едва на горизонте засияла кромка неба, в воздух взмыл самолет, унося за линию фронта вицефельдфебеля Матюшина и юного партизана Колю Цwirко. Рядом, расположив между ног ранец с драгоценным грузом, сидел, положив автомат на колени, боец Грушин. И неясно было, кого конвоирует этот улыбчивый парень – полицая или обоих.

Проваливаясь в воздушные ямы, легкий самолет упорно продвигался на восток. Желая подбодрить раненого товарища, Грушин повернул к нему лицо, но боец Николай Цwirко спал.

Они еще не знали, что в этот день, 23 июня 1944 года, войска 2-го Белорусского фронта под руководством нового командующего, генерала армии Георгия Захарова, перешли в широкомасштабное наступление. Через два дня городок был освобожден. Начинался новый этап в освободительной борьбе советского народа против фашистских захватчиков...

Часть вторая

Кутора выходит на тропу

1

«Совершенно секретно»

Начальнику 2-го Управления НКГБ СССР тов. Федулову.

Город Москва.

20 августа на территории Воронежской области был арестован немецкий агент Коротков Егор Кузьмич, 1910 года рождения, бывший красноармеец, уроженец города Курск. Установлено, что с весны по осень 1943 года он

проходил обучение в Варшавской школе немецкой разведки и в ночь на 3-е октября того же года был заброшен в СССР, в район города Тамбов. Сопроводительную записку к документу прилагаю.

Начальник Управления НКГБ по
Воронежской области
подполковник госбезопасности
Смирнов И.В.

Сентябрь 1944 г.

На вечерний город незаметно опускались сумерки. Отложив доклад, Поликарп Матвеевич Федулов не спеша докурил папиросу, раздавил окурки в тяжелой бронзовой пепельнице и включил настольную лампу. Вспыхнув мягким зеленоватым светом, стеклянный абажур разбросал по стенам причудливые тени. Устало откинувшись на высокую спинку кресла, полковник задумался.

Уже двое суток он, как и многие в Управлении, оставался на рабочем месте. За последние недели на его столе скопилось множество донесений из разных мест о раскрытых шпионах. Внимание привлекало то, что почти все они проходили подготовку в Варшавской школе разведки «Жемчужина».

Успехи Красной армии, перешедшей в решительное наступление на всех фронтах, и практически полная потеря занятых ранее советских территорий, вынуждали Вермахт решительно пересмотреть план ведения войны с русскими, а руководство Абвера расширить агентурную сеть в западной и северо-западной части Советского Союза.

В Германии разведывательно-диверсионными и карательными операциями занимались, в основном, две организации – Главное управление имперской безопасности РСХА и Абвер за рубежом.

«Неужели немцы не понимают, что война идет к концу и рано или поздно ими будет проиграна? На что Гитлер рассчитывает?» – недоумевал Поликарп Матвеевич. Для него победа советского народа в этой войне не вызывала

сомнений. После первых тяжелейших поражений Красная армия сумела устоять, собраться с новыми силами и дать врагу решительный отпор.

Федулов встал из-за стола, подошел к окну и приоткрыл одну из створок, чтобы проветрить кабинет от табачного смрада. Взгляд невольно задержался на деревьях, по которым ранняя осень, словно искусный живописец, деликатно прошлась кистью, придав кронам золотисто-медный оттенок.

Вернувшись к рабочему месту, Поликарп Матвеевич достал из раскрытой папки сопроводительную записку к докладу подполковника Смирнова и погрузился в чтение. Что-то в деле немецкого агента Короткова его насторожило. Поликарп Матвеевич снова, на этот раз более внимательно, прочитал докладную записку.

«...С целью легализовать свое присутствие на территории СССР, Коротков Е. К., в форме старшего лейтенанта Красной армии, появился в Городском совете города Тамбов, где интересовался у сотрудников, не проживала ли здесь его семья – жена и малолетняя дочь. С его слов, они могли приехать сюда в начале войны из Курска. Получив соцсправку об отсутствии данных о своих родственниках, Коротков отправился в город Воронеж. Здесь он продолжил безуспешно разыскивать жену и дочь, о чем имеет аналогичную справку...»

Федулов задумался. Такие справки, полученные немецкими агентами в двух-трех советских городах, являлись прекрасным прикрытием для их безопасности. Любой патруль, остановив офицера Красной армии, разъезжавшего по городам в поиске потерявшейся во время войны семьи, с пониманием отнесся бы к его несчастью. Сотрудники Абвера знали, на какие чувства советского человека воздействовать.

«...В Воронеже, – продолжал читать Федулов, – рассматривая выданное в связи с ранением отпускное удостоверение Короткова, один из патрулей выявил в нем подделку. Офицер был доставлен в ближайшую комендатуру, где при досмотре у него обнаружены чистые бланки различных организаций, продовольственные аттестаты, отпускные документы, справки о ранениях,

наградные удостоверения к медали «За отвагу» и ордену «Красная звезда» и около восемнадцати тысяч рублей...»

Поликарпа Матвеевича озадачило, что многие из задержанных в разных местах агентов были так же снабжены большим количеством документов и чистых бланков, на которых заранее были проставлены печати учреждений, но только у Короткова, кроме бланков на русском языке, обнаружились отпечатанные на латинице. На их угловых штампах и круглых печатях были указаны важные стратегические объекты, как военного назначения, так и народного хозяйства Литвы. «Выходит, немцы Короткова готовили для заброски в северную республику? Тогда почему он кружил между Воронежем и Тамбовом?» Федулов снова задумался. В тылу воюющей страны лишнее перемещение агента из одного города в другой было рискованным. Могло вызвать подозрение советских спецслужб. Руководители немецкой разведшколы не могли этого не понимать.

Одно было совершенно ясно: Короткова немцы на территорию СССР забрасывали на долгий срок. Зачем?..

В дверь тихо постучали. Прервав размышления Поликарпа Матвеевича, в кабинет вошел высокий стройный капитан Глазков, его секретарь. Поставив на стол небольшой поднос с чашкой чая и блюдцем с галетами, офицер в нерешительности остановился.

– Товарищ полковник, снова всю ночь будете работать? Нельзя ведь без сна... Может, перекусите да отдохнете немного?

Федулов вспомнил, что в запарке отказался от обеда. Есть и сейчас не хотелось, но на предложение секретаря согласился:

– Это можно!

– Есть! – весело щелкнул каблуками капитан. – Сейчас принесут. Я быстро...

– Вот что, Серёжа, – остановил его полковник. – Завтра к полудню подготовь данные о Тамбове и Воронеже. Есть ли в этих городах или ближайших к ним населенных пунктах объекты военного назначения.

– Есть! – снова кивнул секретарь, разворачиваясь к двери.

Глядя ему вслед, Поликарп Матвеевич усмехнулся:

– Если «есть» в смысле кушать, то это в первую очередь! И сам не забудь поужинать.

Оценив шутку начальника, капитан подхватил:

– Есть самому поесть!

Дождавшись, когда дверь за помощником закроется, полковник вернулся к записке Смирнова.

«...Нами также установлено, что собственной семьей Коротков обзавестись не успел. До войны он отбывал срок в Вятской исправительно-трудовой колонии как член семьи раскулаченных... – Федулов знал: лагерь этот, организованный в Верхнекамском районе Кировской области еще в 1931 году, был одним из крупнейших в системе Главного управления лагерями, куда ссылали политически неблагонадежных граждан страны. Официально же его зарегистрировали в 1938. Тогда и попал туда один из его дальних родственников, о чем Поликарп Матвеевич старательно скрывал в своей биографии. – ...Осенью сорокового года Коротков был отпущен на свободу, а в декабре сорок первого призван в ряды Красной армии... В марте 1942 года сдался гитлеровцам в плен и был переведен в город Проскуров, где записался в 5-й Северо-Кавказский легион, назвавшись кубанским казаком. После участия в боевых действиях против советских войск его направили в Варшавскую школу разведки, где он изучал структуру Красной армии, ее руководящий состав, минно-подрывное дело, топографию, организацию агентурной сети...»

Лишь под утро Поликарп Матвеевич позволил себе ненадолго прилечь на издававший виды, потертый кожаный диван, жалобно застонавший старыми пружинами.

Работа в спецотделах особого Управления проводилась оперативно. Едва напольные часы старинной работы, в резном красного дерева футляре, звонкими замирающими ударами отбили десять утра, капитан Глазков положил на стол начальника доклад.

Ознакомившись с ним, Федулов узнал, что в городе Тамбов располагаются большие подземные склады с запасами оружия и боеприпасов, а также действуют несколько оборонных предприятий и объектов военного назначения. Заинтересовать гитлеровских шпионов мог и Воронеж.

Отложив доклад, офицер встал, с удовольствием потянулся, словно собирался достать головой потолок, и медленно зашагал по кабинету, привычно заложив руки за спину. От недосыпания немного кружилась голова. Вспомнив, что за весь прошлый день так ни разу и не позвонил родным, подошел к аппарату связи...

2

Лето уже уступило календарное право осени, но солнце все еще щедро дарило тепло всему живому на земле. В такое время целыми днями лежать мешком на скрипучей, до смерти надоевшей койке Сверчок находил кошунственным.

Заняв привычное место у окна, которое облюбовал сразу же, как только доктор разрешил ходить после операции, юноша открыл книгу, собираясь погрузиться в мир приключений героев Фенимора Купера. В госпитале была неплохая библиотечка, собранная городскими ребятами для раненых. Заметив в окно резвящихся на дворе кошек, гонявших по двору голубей, он вложил закладку обратно и стал наблюдать. Словно подразнивая полосатых преследователей, птицы невысоко вспархивали и, отлетев от прежнего места на небольшое расстояние, снова садились на землю, торопливо подбирая хлебные крошки, которыми делились с ними находившиеся на излечении солдаты и офицеры. За высоким кирпичным забором шумел, возвращавшийся к мирной жизни, посеревший от горя и разрухи городок, хранящий следы войны.

Услышав, как за спиной скрипнула несмазанными петлями дверь, юноша обернулся. В палату, кого-то разыскивая среди раненых, ступил молодой, гладко выбритый офицер в новой, еще не полинялой форме. Потеряв к незнакомцу интерес, Сверчок вернулся к кошкам и голубям.

– Так вот где доблестные партизаны отдыхают? – раздался вдруг позади него знакомый голос. Сверчок снова обернулся. Широко улыбаясь, в двух шагах от него стоял Виктор Вовк. – Не госпиталь, а сплошной курорт, понимаешь! Живи – не хочу!

Не сдержав эмоций и нарушая всякую субординацию, юноша бросился офицеру на грудь:

– Товарищ старший лейтенант! Как же вы меня нашли?

– Ну, во-первых, боец Цвирко, ты забыл, что мы разведчики, и узнать, где лежит мой боевой товарищ дело плевое! А во-вторых, – уже капитан! – мягко пожурил он его за невнимательность.

Только сейчас Коля обратил внимание, что на погонах офицера красовалось по четыре маленькие звездочки...

Покинув здание госпиталя, они спустились во двор, решив прогуляться по дорожкам небольшого парка, окружавшего бывший санаторий.

– Признаться, встретить вас на улице, я бы не сразу узнал, – заметил Сверчок.

– Ясное дело. Ты же меня бритым и в форме никогда не видел.

– Да, а усы-то с бородой знатные были! – улыбнулся юноша. Рана давно затянулась, но нога все еще побаливала, из-за чего ему приходилось немного опираться на костыль.

– Думаю, скоро снова придется отращивать, – нахмурившись, загадочно произнес капитан.

Сверчок собирался расспросить, что означают его слова, но вовремя сдержался. Командир Чепраков учил своих бойцов не проявлять излишнее любопытство. «Офицеры сами решают, когда и что донести до подчиненных», – помнил он слова Федора Ивановича. Не стал юноша спрашивать и о судьбе их командира, опасаясь услышать печальную весть.

Наконец, оторвавшись от своих мыслей, в которые ненадолго погрузился, Виктор Вовк скосил взгляд на его костыль.

– Как нога, сильно болит?

– Практически нет, – соврал Сверчок.

– В таком случае, не надоело тебе матрац давить? Война, между прочим, еще не окончена.

Почувствовав некоторую укоризну в голосе офицера, Коля принялся оправдываться:

– Да я хоть сейчас, товарищ старший лей... ой, капитан! Только врачи не отпускают. Говорят, рана снова может открыться.

– Знаю, Коля, знаю. – Вовк положил руку ему на плечо. – Я разговаривал с твоим врачом. Доктор рассказывал, что в рану грязь попала. Медики, считай, тебя с того света вытащили.

– Грязь – это, наверное, когда мы с Матюшиным боролись. Здоровый бугай! Чуть не придушил меня.

– Ребята, когда узнали, что у тебя заражение крови началось, а это, брат, дело нешуточное, сразу стали пенициллин искать. В госпиталях его не хватает, а без него ты бы не выжил. У нас ведь своего пока мало, а союзнички, будь они неладны, не очень торопятся с поставками. Меня в это время как раз в Москву вызвали на доклад к одному высокопоставленному офицеру. Через него и раздобыл тебе лекарство.

– Так это значит я своим выздоровлением обязан вам?! – Сверчок с благодарностью взглянул на офицера.

– Да брось ты! Все мы друг другу чем-то обязаны. Да! – вдруг спохватился Вовк. – Я же главное тебе не сказал! К тому времени, как меня с комиссаром Строжевским вызвали в Москву, наш отряд, как отдельную боевую единицу, расформировали. Можно сказать, списали в архив.

– Как?! – Новость повергла Колю Цвирко в уныние. – А как же война? Сами же говорите – она еще не закончилась! Я думал, мы до Берлина дойдем, там и встретим победу.

– Встретим, Сверчок, обязательно встретим. Может, не там и не вместе, но встретим.

Последние слова офицера окончательно испортили настроение юноше.

– Не вместе? Я так надеялся с вами до Берлина дойти. И дед Захар мечтал. Помните, говорил, как хочет пройтись по его улицам?

Коля с надеждой посмотрел на офицера, но его вопрос остался без ответа.

– Разговор к тебе имеется, Николай, – выдержав паузу, произнес Вовк, предложив присесть на пустующую лавочку. – Очень важный разговор.

Сверчку передалось появившееся в голосе офицера напряжение. Посвоему оценив его слова, он выпалил, словно выстрелил:

– Товарищ капитан, если вы по поводу того, что я сдался в плен и затем привел фашистов к Николиному хутору, то я уже всё кому надо рассказал! Скажу только, что не знаю, откуда немцам стало известно о нашей встрече с подпольщиками там, у мельницы. Сам все гадаю.

В госпиталь к нему, действительно, приходили из особого отдела. Офицер подробно расспрашивал о том, как Николай попал в плен, но все больше о Матюшине. Перед уходом особист заверил, что все подозрения с него будут сняты.

– Ну, зачем ты так?! – Капитан недовольно скривил губы. – Никто тебя ни в чем не обвиняет и не подозревает. К тому же Федор Иванович успел рассказать, что ты его приказ выполнял. Правда, подробностями он поделиться не успел, но это уже неважно. Строжевского отозвали на гражданку, и теперь тебе уже ничего не грозит.

– Куда его?

– По слухам, направили в один из дальних районов Белоруссии на партийную работу.

Сверчка меньше всего интересовала судьба бывшего комиссара отряда. Куда больше ему хотелось узнать о судьбе командира и других боевых товарищах.

– Потом, Коля, потом мы с тобой обо всем поговорим. Извини, но у меня совсем мало времени. – По привычке понизив голос, словно кто-то мог их подслушать, Виктор спросил: – Скажи, ты смог бы повторить путь, по которому преследовал Матюшина?

– Какой же там путь, товарищ капитан?! – удивился юноша, поежившись от скользнувшего по телу прохладного ветерка. – Лес один! К тому же добрую половину я ночью прошел. Вряд ли теперь найду. А зачем?

Явно удрученный его ответом, капитан перевел взгляд на аккуратно подстриженный, сохранивший еще часть листвы, куст чубушника, в глубь которого, весело чирикаая, залетели погреться воробьи. Осень осторожно заявляла о своих правах.

– Ты, конечно, знаешь, что в тот день, когда гнался за Матюшиным, нам не удалось освободить город. К счастью, через два дня в него вошли наши войска. В кабинете небезызвестного тебе капитана Хойера были обнаружены документы. Всего несколько папок, но они оказались чрезвычайно важными. Немцы – народ дотошный, все записывают. В общем, среди бумаг обнаружился список папок, которые должны были находиться в кабинете Хойера, но некоторых там не оказалось. А тут Матюшин на допросе проговорился. Сказал, что оставил какие-то бумаги в лесу. Они в ранце с драгоценностями находились. Где – не помнит. Помнит, что это было днем. Так что, Коля, вся надежда на тебя. Если бы ты смог пройти тем же маршрутом и отыскать их...

Коля Цвирко понял главное: ему, как и прежде, доверяют. От радости хотелось вскочить, отшвырнуть костыль в кусты и крикнуть, что он в лепешку расшибется, но найдет эти чёртовы папки.

– Когда выезжаем?

3

Услышав на другом конце провода тревожный голос жены, полковник Федулов выдохнул в трубку:

– Здравствуй, Машенька!..

Супруга не любила телефонные звонки. Боялась их. Но еще больше она пугалась, когда аппарат в их доме надолго замолкал. Это началось в тридцать девятом году, когда Поликарпа Матвеевича впервые арестовали. Тогда он был обвинен в троцкизме. В стране уже не первый год шла чистка партийных рядов. Выискивали врагов народа. Опытный разведчик, Федулов понимал, чем

грозило человеку такое обвинение. Однако вскоре его неожиданно отпустили и отправили на войну с финнами.

Второй раз арестовали уже перед самым нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Такая же участь постигла еще десятка два офицеров. На этот раз их всех обвиняли в связях сразу с несколькими иностранными разведками.

И снова ему повезло. В начавшейся войне с фашистами специалистов с богатым опытом разведывательно-диверсионной работы в армии оказалось не так уж много. Федотова вернули на службу и назначили ответственным за подготовку диверсантов-парашютистов.

От природы малоразговорчивый, Поликарп Матвеевич после второго ареста совсем замкнулся. Наученный горьким опытом, когда по навету человека, которого считал приятелем, был арестован и некоторое время провел за решеткой, он на службе старался ни с кем не сближаться. Не заводил друзей и среди гражданских лиц. Отшучивался, мол, должность не позволяет. Сослуживцы его считали сухарем. И только дома, среди родных, Поликарп Матвеевич преображался, становился мягким и заботливым отцом и любящим мужем.

С супругой Марией, школьной учительницей, Федулов познакомился в одной из своих командировок. Они могли часами говорить на разные темы. Избегали лишь разговоров о политике и его профессиональной деятельности. Поликарп Матвеевич берёг жену. Понимал: так лучше для обоих.

Единственного сына-восьмиклассника Володю полковник обожал. Каждую свободную минуту старался проводить с ним. Глядя, каким добрым и покладистым растёт мальчуган, сетовал: «Вовка, в тебе совсем нет ни капли здоровой злости! С таким мягким характером тяжело придется в жизни!» Памятуя, как знания самообороны без оружия не раз выручали его на войне, но особенно в тюрьме, в какой-то момент он принялся обучать сына боевым приемам. Уверял: «Хоть раз в жизни тебе это обязательно пригодится!» Но мальчишку больше тянуло к книгам.

...Убедившись, что с его родными все в порядке, Федулов сел писать докладную записку своему начальнику, комиссару госбезопасности 2 ранга Абакумову...

Поздно вечером, вызвав из ведомственного гаража машину, полковник отправился домой. Здесь, в уютной домашней обстановке, созданной заботливыми руками любимой женщины, он наконец смог расслабиться.

Встретив отца в прихожей, Вовка не отходил от него даже тогда, когда тот, пофыркивая от удовольствия, умывался в ванной комнате холодной водой. Сына интересовало все, что касалось войны.

– Пап, а в школе говорят, что Черчилль нам совсем не друг, хоть и воюет против Гитлера! А правда, что нам еще долго придется драться с проклятыми фашистами? Ты как думаешь, когда наши окончательно разобьют их?..

– Скоро, Володь, очень скоро! Ты лучше расскажи, что нового в школе проходите? – останавливая вереницу вопросов, поинтересовался Поликарп Матвеевич, застегивая пуговицы на рукавах свежей сорочки.

– А, ничего интересного, пап. Вот по биологии землероек проходим. Ты знаешь, как их еще называют?

Володя протянул отцу раскрытый на нужной странице учебник. На рисунке некий зверек зарывался в землю.

– И как же их называют?

– Бурозубки! Зубы у них мелкие, но очень крепкие.

– М-да, человеку бы такие, чтобы гранит науки грыз, да, Вовка? – вздохнул Поликарп Матвеевич, сожалея, что у сына не замечалось особых способностей к точным наукам. Он хотел видеть его физиком или знаменитым математиком.

Пропуская слова отца мимо ушей, мальчик принялся взахлеб рассказывать все, что вычитал о землеройках.

– Самые свирепые и прожорливые из них называются куторами. Они единственные, которые выделяют смертельный яд.

– Да?! И где же эти твари обитают? Надеюсь, не у нас? Что-то не очень хочется быть покусанными ими.

- Не бойся, не покусаят, – засмеялся сын. – Куторы в Америке живут.
- В Америке? Самые ядовитые, говоришь?
- Ага. Смотри, какие симпатичные!
- Да уж, те еще красавцы. Значит, куторы...

В ожидании ужина, над которым хлопотала на кухне супруга, Поликарп Матвеевич присел на диван. Рядом примостился, прижавшись головой к отцовскому плечу, сын. Полковник приобнял его за плечи и, не в силах противостоять сну, прикрыл глаза. «Значит, куторы», – едва слышно прошептали его губы...

Утром следующего дня Федулов был вызван в кабинет заместителя наркома обороны и начальника Главного управления контрразведки «СМЕРШ», комиссара госбезопасности 2-го ранга Виктора Семеновича Абакумова.

Увидев полковника в дверях, хозяин кабинета, продолжая кого-то отчитывать по телефону, призывно махнул рукой, приглашая занять место за столом. Закончив разговор, Абакумов нервно бросил трубку на рычаг и тут же, абсолютно спокойным голосом, произнес:

– С докладом твоим, Поликарп Матвеевич, я ознакомился. Ты правильно полагаешь, что немцы усилили деятельность в нашем тылу. Донесения приходят даже с Урала и Кавказа.

– Так и есть, товарищ комиссар второго ранга, – кивнул Федулов. – Абвер далеко забрасывает своих агентов.

– Что конкретно тебя насторожило в аресте Короткова?

Абакумов откинулся на спинку кресла – верный признак того, что готов спокойно выслушать, – и впился в подчиненного пронизывающим взглядом, каким многих доводил до нервной трясучки, но только не полковника Федулова.

Поликарп Матвеевич вздохнул:

– Бланки, товарищ комиссар второго ранга. Я писал об этом в докладе.

Голос Виктора Семеновича возвысился:

– А ты мне еще раз, теперь на словах, объясни!

– У задержанного Короткова обнаружены бланки организаций, которые находятся на территории Литовской республики. Пока непонятно, почему агент с такими документами появился в Воронеже и Тамбове, а не в Прибалтике.

Губы Абакумова сузились в нитку.

– Так развяжите язык этому Короткову? Мне что ли вас учить?

– Это не тот контингент, товарищ комвтора́нга, с которым следует разговаривать с позиции силы, – возразил Федулов. – Такие люди не боятся смерти, а значит, если не захочет, ничего не расскажет.

– У каждого человека есть болевая точка. – Абакумов сжал кулаки. – Найдите ее и надавите! Поищите родственников. Попробуйте воздействовать через них.

– На это у нас времени нет. Да и боюсь, чтобы не вышло, как с агентом Сысоевым...

Попав в плен в самом начале войны, старший лейтенант Красной армии Алексей Сысоев долго не соглашался работать на гитлеровцев. Майору из немецкой контрразведки пришлось немало потрудиться, прежде чем советский офицер подписал нужную бумагу. Решающую роль, заставившую Сысоева пойти на сотрудничество с фашистами, сыграла фотокарточка, которую гитлеровец положил на стол перед ним. На снимке майор стоял рядом с его матерью, оставшейся на оккупированной территории. До войны Сысоев увлекался фотографией и без труда определил – снимок подлинный.

– Видите, я ее нашел, – ухмыльнулся немец. – Если понадобится, мы каждого найдем. – Слова эти прозвучали как угроза. – Ваш старший брат, офицер-пограничник, погиб, – продолжал майор. При этом лицо его неожиданно приняло страдальческое выражение. – Я искренне вам сочувствую, господин Сысоев! Правда! К сожалению, на войне такое случается. Так будет и с вами, если откажетесь сотрудничать.

– Расстреляете меня? – усмехнулся Алексей. – Я же военнопленный, а военнопленных не расстреливают!

– Да, но вас застрелят при попытке к бегству...

Циничный ответ не удивил Сысоева. К чему-то подобному он был готов.

– Но сначала мы расстреляем вашу мать. – Гитлеровец не мигая смотрел на пленного. – И вы об этом непременно узнаете...

Алексей молчал. Что-то в душе подсказывало, что брата, действительно, нет в живых. Слишком уж уверенно заявлял об этом майор.

– У вас удивительная мать! Такая разговорчивая, – продолжал тем временем немец. – Кстати, от нее я узнал, что вы не женаты. А вот у вашего брата остались жена и двое детей. Мальчики, если не ошибаюсь?..

Алексей промолчал.

– Мы пока не нашли их, но, думаю, это вопрос времени. Догадываетесь, что будет с ними в случае вашего отказа?

Циничная ухмылка снова обнажила мелкие кривые зубы фашиста. Присев на край письменного стола в непосредственной близости от лица Сысоева, майор достал из кобуры пистолет и стал разглядывать его, точно видел в первый раз. Во всем его облике чувствовалось превосходство победителя.

Алексей попытался улыбнуться, чтобы скрыть свой страх за племянников.

– Знаю, убьете. От вас вряд ли что другое можно ожидать. Только воевать с детьми – разве это по-мужски?

Майор захохотал.

– О, нет, мы их не уничтожим! Мы не варвары. Германский народ вырастит из них достойных солдат, и они будут служить Великому Рейху.

– Насколько я помню, так поступали монголы, – заметил Сысоев. – Уничтожая народы, они обычно забирали с собой мальчиков, чтобы воспитать воинов. Только это было много веков назад, в дремучие времена.

Сравнение со степными завоевателями майору явно не понравилось. Смерив пленного тяжелым взглядом, он встал.

– А вы неплохо знаете историю.

– Были и другие случаи, совсем недавно, – продолжал Сысоев. – Так же поступали и турки-османы. Хотите быть похожими на них?

Алексей мучительно размышлял, как поступить. Он был уверен, что стоявший напротив него фашист обязательно приведет в исполнение свои угрозы. Позволить палачу убить родную мать, жену брата, вырастить из любимых племянников рабов, он не мог.

Как и многие тысячи других советских военных, попавших в плен в первые же дни войны, старший лейтенант был морально подавлен стремительным отступлением Красной армии, в силе и мощи которой их так уверяло руководство страны.

Измученный частыми многочасовыми допросами и голодом, он, в конце концов, сломался, согласившись на сотрудничество.

Майор Абвера был опытным вербовщиком. Он не зря старался, отбирая из многих десятков военнопленных офицеров именно этого человека. До начала войны Алексей Сысоев служил в штабе прифронтового округа и хорошо знал всю оборонительную структуру местности. В разгар наступления на Москву это было очень важно для армий Вермахта.

Немцам понадобилось всего несколько занятий, чтобы полностью изменить мировоззрение Сысоева. Его убедили, что советская система руководства основана на страхе, унижении и уничтожении собственного народа и потому является чужденоненавистнической, а Великая Германия принесет его народу настоящую свободу. Скоро гитлеровцы получили идейного противника советской власти.

Пройдя обучение в школе диверсантов, бывший старший лейтенант сначала был заброшен в тыл Красной армии, затем в Москву. Здесь ему удалось развернуть целую агентурную сеть. Людей он подбирал из недовольных сталинским режимом.

Почти долгих три года ему удавалось собирать необходимую информацию для своих немецких хозяев. Однако Сысоев не знал, что давно находился под колпаком советской контрразведки. Немецкого агента сдал привлеченный им же к сотрудничеству инженер одного из оборонных предприятий. Пожилой мужчина сам обратился в органы государственной безопасности и

чистосердечно рассказал, как и кем был завербован. Раскайвавшемуся инженеру предложили некоторое время продолжить общение с вербовщиком. Умело снабжая вражеского агента дезинформацией, офицеры контрразведки нередко подсовывали и настоящие данные, дабы не вызвать подозрений у его кураторов.

В конце концов, Сысоев оказался в руках сотрудников «СМЕРШ», но идти на контакт с ними наотрез отказался. Не возымели действия и обещания сохранить жизнь. Алексея по-прежнему волновала судьба родных, все еще остававшихся на оккупированной территории.

Его нашли повесившимся в камере, в которой он успел отсидеть четыре дня. На стене кровью с прокушенного пальца, бывший советский офицер начертил: «Стыдно»...

Вспомнив историю абверовского агента, Абакумов недовольно цокнул языком:

– Упустили мерзавца! Под суд бы всех, кто в этом повинен. Надеюсь, больше такое не повторится?

– Так точно! – вскочил в стойку полковник и тут же сел обратно, повинувшись властному жесту руководителя.

Достав из ящика в столе папку с документами, руководитель военной разведки вынул из нее один из листков и положил перед собой.

– Как думаешь, зачем Короткову Литва?

– По нашим сведениям в тамошних лесах собираются десятки местных банд. Есть и довольно крупные. К ним на соединение идут националисты из других республик.

– И не только в лесах, – поправил полковника Абакумов. – Немецкая агентурная сеть разбросана по всей Прибалтике. У меня есть данные нашей разведки из школы Абвера в Нейгофе. – Голос хозяина кабинета стал ледяным.

– То, что ты сейчас услышишь, Поликарп Матвеич, должно остаться в этих

стенах. Кроме нас с тобой об этом будут знать лишь несколько человек в стране...

Услышав вместе с фамилиями наркома госбезопасности СССР, комиссара первого ранга Всеволода Меркулова и его первого зама, Богдана Кобулова, имена всесильного наркома внутренних дел Лаврентия Берии и самого товарища Сталина, полковник Федулов почувствовал, как к голове приливает кровь.

– Так точно, ясно! – хрипло выдавил он из себя. – Обязуюсь сохранить все в тайне! Слово офицера!

Последнее вырвалось неожиданно и прозвучало как-то старорежимно. Абакумов поморщился:

– Брось, Поликарп Матвееч, не перед царем стоишь! – Встав из-за стола, он прошелся по кабинету. – Есть данные, что некоторые высшие офицеры из руководства Абвера вступили в контакт с представителями спецслужб наших союзников. Понимаешь, что это означает?

– Как? – Федулов решил, что ослышался. – Как это возможно? Мы, вроде как, вместе бьем врага!

– У англичан и американцев далеко идущие планы. Капиталистам чужды идеи коммунизма. Им Советский Союз поперек горла стоит. Иосиф Виссарионович подозревает, что с поражением Германии война не закончится. – Абакумов снова сел на место. – Нам стало известно, что еще в прошлом году США и Великобритания стали вести сепаратные переговоры с Германией.

– Неужели они решатся ударить по нам? Как же Черчилль сможет объяснить своему населению, почему Великобритания сначала вместе с русскими боролась против германского фашизма, а потом напала на СССР? Простые англичане так легко не забудут гитлеровские бомбардировки Лондона.

– А их никто и спрашивать не будет. Любому народу очень просто внушить мысль о грозящей опасности извне.

– Получается, Абвер сейчас усиливает разведывательную сеть не столько для себя, сколько для...

– Мы этого не исключаем. В случае поражения, немцы захотят купить себе свободу. А как это сделать?

– Передать им свою налаженную сеть разведки, – согласился с комиссаром Федулов. – Легко сдаваться недругу, когда у тебя за спиной общий враг, а в рукаве такой мощный козырь, как готовая агентура.

– Вот именно.

Поликарп Матвеевич покачал головой:

– И все же я сомневаюсь, товарищ комиссар второго ранга. Решатся ли Черчилль с американцами рассориться с товарищем Сталиным?

Абакумов подался немного вперед:

– Товарищ Сталин уверен: если Англия и США нападут на нас, то непременно используют сдавшиеся им в плен немецкие армии. Нападение, скорее всего, произойдет со стороны прибалтийских республик, где у населения наиболее сильны националистические настроения. Мы должны сыграть на опережение.

– Каким образом?

– А это уже наша с тобой задача, полковник. И вот что нам предстоит...

4

Капитан Вовк не лгал, когда сообщал Коле Цвирко, что их отряд, возглавляемый после Чепракова короткое время комиссаром Строжевским, вскоре был расформирован. В ходе наступательной операции «Багратион», завершившейся в конце августа 1944 года, советские войска разгромили группу армий «Центр», отбросив фашистов на Запад. После освобождения Белоруссии и Литвы, большинство партизанских отрядов, действовавших в тылу оккупационных войск, прекратили свое существование. Часть бойцов влилась в состав подразделений Красной армии, чтобы продолжить борьбу с гитлеровцами. Остальные же вернулись к мирной жизни, восстанавливать разрушенные войной промышленность и сельское хозяйство.

Однако Вовк не сразу открылся Сверчку, что отделение разведчиков-диверсантов, которым в отряде Чепракова руководил он, по приказу Москвы было сохранено и увеличено до двух взводов.

Капитан лично отбирал бойцов из различных армейских соединений. На закрытой лесной базе, в восьмидесяти километрах от Минска, они проходили спецподготовку под руководством опытных офицеров Главного управления контрразведки «СМЕРШ», созданного еще в апреле 1943 года специально для борьбы с немецкими агентами. Группе, которую временно ему было поручено возглавить, предстояло выполнить особое задание Центра. Сюда и привез офицер Николая Цвирко из госпиталя.

Оставив позади несколько постов, на каждом из которых строгая охрана тщательно проверяла личные документы, серый «опель» въехал на огороженную колючей проволокой территорию. Здесь, на небольшом пятачке земли, уютно расположились недавно возведенные деревянные корпуса, еще дышащие свежеструганными досками. Вся остальная прилегающая зона была отведена под различные тренировочные площадки.

– Видишь, какой у нас тут строгий контроль? – не без гордости заметил капитан, покидая салон автомобиля. – И мышь не проскочит!

– Угу, – кивнул юноша, следуя за ним. Взгляд его был прикован к большой спортплощадке, на которой одни бойцы упражнялись со штангами и гирями, а другие отрабатывали друг на друге приемы рукопашного боя. До войны Коля обучался французской борьбе и сейчас почувствовал, как в нем просыпается здоровый спортивный азарт.

Уловив в его глазах характерный блеск, Виктор Вовк усмехнулся:

– Иди, погуляй немного. Может, кого из знакомых встретишь.

Не переставая загадочно улыбаться, офицер пошел докладывать начальству лагеря о своем прибытии.

Сверчок направился к группе в пятнистых маскахалатах, оттачивавших мастерство владения холодным оружием. Широкоплечая фигура одного из них ему показалась знакомой. Он не ошибся. Это был Олег Грушин.

Молодой незнакомец в гражданской одежде вызвал интерес старшего лейтенанта, проводившего тренировку. Узнав от курсантов, что прибыл их боевой товарищ, офицер объявил получасовой перерыв.

Встреча разведчиков, два года деливших радости и горести партизанской жизни, была бурной. Сверчку показалось, что о его появлении на этой базе многим заранее было известно. Обменявшись приветствиями, бойцы повели юного товарища к длинному узкому строению, служившему курсантам школы столовой, на ходу засыпая вопросами о самочувствии, времени, проведенном в госпитале и планах на будущее.

– План пока один – бить и дальше с вами фашистов! – гордо ответил Сверчок, несколько озадаченный вопросом. Он был уверен, что капитан Вовк его сюда для этого и привез.

Грушин, на плечах которого красовались свежие погоны старшего сержанта, возложив на себя заботу о прибывшем, ненадолго скрылся за дверью, ведущей на кухню. Вскоре он вернулся со сковородой, полной жареной картошки и мяса. Растолкав по сторонам облепивших юношу товарищей, Олег торжественно водрузил посудину на стол:

– Ешь, пока не остыло, а то глядеть страшно. Совсем истощал на госпитальных харчах.

Дежурный по кухне боец с веселыми бегающими глазками, вынырнув из-за его спины, поставил перед юношей большую кружку компота из сухофруктов и приготовился слушать новости с «гражданки».

– Отведай-отведай, Сверчок, мясо местного дикого кабанчика! – демонстративно сглатывая слюну, поддержал Грушина ефрейтор Черенков по прозвищу Лопата. – Только вчера подстрелил! Знаешь, какой большой оказался, чертяка? Почти с меня ростом, – стал он хвастаться. – Еле доперли тушу в лагерь, скажи, Кнут! – повернулся он к сидевшему рядом другу.

Тот как-то виновато потупился и сдержанно кивнул.

– Ну и мастак ты заливать, Черенков! – рассмеялся сидевший справа от Сверчка широкоплечий старшина Александр Андрусенко, носивший прозвище

«Циркач». – С тебя ростом! Да такие в здешних местах отродясь не водились. Вот у нас в Сибири кабаны так кабаны!..

– У вас? Тю, какие там кабаны?! В вашей тундре им и жрать-то нечего! – стал спорить с ним рыжий Лопата, получивший свое прозвище не столько из-за фамилии, сколько за огромные ручки, которыми легко гнул кочергу.

– Сам ты тундра, – скривился Циркач. – Тайга у нас. – Глядя, с каким аппетитом юноша налегает на жаркое, старшина подломил руку под голову и мечтательным голосом заговорил: – Представляете, мужики, вернется Лопата после войны домой, придут к нему кореша и станут спрашивать, как он немцев бил, а он и скажет: что там немцев? Я секача огромного одним выстрелом промеж глаз подрубил!

– Ага! И с каждым разом размеры этого несчастного поросенка в его рассказах будут расти как на дрожжах, – вызвал дружный хохот Грушин.

– Ну и балаболы, – отмахнулся Лопата, словно назойливых мух отгонял. – Вам бы все зубоскалить...

– Слышь, Сверчок, расскажи лучше, как там, в госпитале? Не влюбился в какую-нить санитарочку часом, не? – прорвался сквозь смех и гвалт высокий, чем-то похожий на птичий щебет, голос белобрысого и худосочного Сергея Шепитько. – Что там, вообще, на гражданке-то? Девчат, небось, видимо-невидимо!

– Никого там по углам не зажимал? – оживился и Кнутов. – Смотри, жених, тебе нельзя! Тебя Лидка дома дожидается.

– Какой жених? Чего придумали? – вскинулся юноша, почувствовав, как предательски загорелись уши: «Вот, черти! Как они про Лиду-то пронюхали?»

– Жених-жених, чего там! Разведке все известно!

Коля округлил глаза:

– Не жених я ей! С чего взяли?

– Гля, как уши красной ракетницей осветились! – засмеялся Кнут. – Прав, значит, дед Захар был, когда про вашу с ней любовь сказывал.

– Натрепал вам старик, а вы и поверили.— Коля попытался оправдаться, но все было напрасно.

– Не-а, дед Захар твои чувства охранял, – заступился Циркач за старого казака. – Это он нашим кренделям открылся, чтобы к Лидке не приставали.

– Ага. Так и сказал, занята уже!

– Да ты не тушуйся, Сверчок, – обнял его за плечи Олег Грушин. – Хорошая девчушка. Душевная. Сильно переживала за тебя, когда подумала, что убит.

– Мы все так считали, – взгрустнули его товарищи, вспоминая летние события.

Отложив вилку, Коля поинтересовался судьбой деда Степаненко. Оказалось, что после расформирования отряда, никто из бойцов его больше не видел.

– Вовк сказывал, вроде как домой подался, – заметил кто-то.

– После войны обязательно разыщем старикана, – пообещал старшина Андрусенко, напомнив, каким чутким товарищем был тот им всем.

– Ну, так как там насчет девок-то? – напомнил Кнутов.

– Кто о чем, а Кнут о бабах, – незлобно буркнул Олег Грушин. – Дайте человеку поесть с дороги. В госпитале, наверное, одной перловкой да кислыми щами кормили? Такого великолепия точно не было...

– Когда немца бить пойдем? – перебил его Сверчок.

Грушин с Андрусенко переглянулись.

– Как по мне, так лучше тут оставаться, – буркнул Олег.

– Точно, – немедленно поддержал его Александр. – Если так подумать, то лучше за кабанчиками охотиться, чем за фрицами.

– Местные говорят, что их нынче на редкость много развелось, – присоединился к их хору и голос Кнутова, и вдруг все, как по команде, куда-то заторопились. Последним столовую покидал старший сержант Грушин.

– Ты поешь, отдохни с дороги! – бросил он уже с порога. – Я дежурному по казарме скажу, чтобы койку подготовил.

Сверчок почувствовал, что старшие товарищи чего-то не договаривают. Отложив окончательно вилку, он перевел взгляд в окно. Небо над лесом заволакивало с севера грязно-серыми тучами.

К специальным занятиям, на которых курсантов обучали тонкостям разведывательно-диверсионной борьбы, капитан Вовк его не допустил. Разрешил лишь посещать спортивные площадки, что подтверждало подозрение юноши: он здесь ненадолго. Улучшив момент, когда они оказались одни, Сверчок поинтересовался:

– Меня что, в отряд не возьмут, товарищ капитан? Даже форму не выдали!

– С формой туго, – отмахнулся Вовк. – Вот поможешь найти папки, там видно будет. Пока же отдыхай, жирок нагуливай.

Вечерами, сидя в кругу старых и новых товарищей, Сверчок слушал их рассказы о прошлой, довоенной жизни. Много нового узнавал он о неведомых краях, откуда те призывались. В их сборном отряде люди были из разных мест. Коля радовался необъятности своей родины, величию духа советского народа, единым кулаком ударившего по коричневой чуме, как называл гитлеровцев бывший политрук Строжевский.

Воспоминания о родной деревне наполняли юношу тоской. Как же давно он не видел мать с сестрой! Жив ли отец?..

Когда хандра начинала особенно сильно одолевать, Сверчок, с разрешения капитана Вовка или дежурного офицера по лагерю, брал оружие и уходил в лес. Углубившись в чащу, он мысленно предавался разговорам с родителями. Живо представлял и будущую встречу с Лидой. В том, что она состоится, Коля не сомневался. Только пугала неопределенность. Он не знал, как поведет себя девушка. Что, если успела заневеститься? Дед Захар говорил, что девки на это дело скорые.

Все чаще вспоминался ему и старый казак Степаненко...

В лагере Коля пробыл чуть больше недели. За это время организм заметно окреп, и он бросил костыль. Сожалел только, что раненая нога все еще не позволяла полноценно заниматься борьбой, которую любил. Отдохновение находил, стреляя по мишеням. В этом он превосходил многих опытных бойцов.

К предстоящему заданию капитан Вовк бойцов готовил тщательно. На поиск документов начальника районной жандармерии Клауса Хойера, кроме Сверчка, были снаряжены старший сержант Олег Грушин и ефрейтор Павел Черенков.

– ...Если встретитесь с неприятелем – в бой не вступать! – инструктировал офицер. – Помните, что вы – сбежавшие полицейские.

Их переодели в гражданское, вооружили немецким оружием и снабдили настоящими документами убитых полицаев из батальона шуцманшафта. Пригодились и те, которые Сверчок забрал у уничтоженных им Власенко и Сухевича.

– Не забывайте, в лесах сейчас много наших групп, которые вылавливают немецких диверсантов. Если нарветесь на своих – сдавайтесь немедленно, а после просите выхода на связь со мной или подполковником Циунчиком, начальником лагеря подготовки, – наставлял капитан Вовк. – Мы вас вытащим.

В осенний, изрядно промерзший лес они входили с той стороны городской окраины, откуда Сверчок начинал свое преследование Кондрата Матюшина и его сообщников. Утро в этот день выдалось пасмурным. Временами пугливо выглядывая, солнце тут же снова пряталось за тяжелыми тучами. Озябшие от осенней сырости, разведчики медленно шли следом за Сверчком, часто заглядывая под кусты и груды валежника.

Ближе к полудню небо прояснилось, и стало чуть теплее. Они решили устроить короткий привал. Нырнув в густой ельник, подальше от случайных глаз, все трое растянулись на сырой мшистой земле. Скинув с плеча вещевой мешок, в котором хранились продукты, Черенков потянулся за узлом. Пора было подкрепиться.

Осторожный Грушин первым заметил движение между деревьями и подал тревожный сигнал, но было поздно. Несколько человек брали их в кольцо, вырваться из которого уже не представлялось возможным. Мысленно обругав себя за то, что проморгал, Олег выглянул из-за дерева, держа автомат наготове.

– Эй, кто там ховається? Доложись! – прокричал старший сержант зычным голосом.

От охватившего волнения у Сверчка взмокла спина. Долгое пребывание в госпитале, вдали от военных действий, дало себя знать страхом, сковавшим все тело.

Один из тех, кто скрывался за деревьями, выступил на свет.

– Хлопци, звидки будете? – обратился он на украинском.

– Свой мы! Из местного охрального батальона, – ответил Грушин.

– Ну, побачимо, яки свої.

Догадываясь, кто перед ними, Олег опустил автомат:

– Сами-то кто такие?

– С ридной нэньки утёкли! Прймайтэ в гости, друже, як що нэ поганы ми вам! – осклабился старший из украинский полицаев.

Разглядев на его плечах погоны ротного фельдфебеля, а на головном уборе свастику в лавровом венке, Грушин сделал шаг навстречу:

– Хорошим людям всегда рады.

На левом рукаве украинского «друга» замечен был штандарт с девизом на немецком языке «верный, храбрый, послушный». Такие носили только отмеченные особой храбростью.

Представившись Кузьмой Скоробогатько, фельдфебель попросил показать удостоверение.

– Нэ серчай, друже, бо час такий, що потрибно у всіх перевіряти.

Выданный на имя Василия Власенко документ не вызвал подозрений.

– Все нормально, – понимающе кивнул Грушин, дружески подмигнув остальным подошедшим украинцам. – Мы сами никому не доверяем.

– Мени можно, – хохотнул Скоробогатько, протягивая свой документ.

Взглянув на него, Олег едва сдержался, чтобы тут же не начать стрелять. Перед ним стоял командир одного из взводов 118-го украинского батальона шуцманшафта, известного далеко за пределами Украины. Полицаи этого подразделения принимали активное участие в карательных операциях против мирных жителей не только у себя на родине, но и в Белоруссии, где отличились особой жестокостью. За ними давно и безуспешно охотились сотрудники Управления «СМЕРШ».

– Говоришь, тебе можно доверять? А почему знаки различия сохранили?

– Олег строго глянул на Скоробогатько, указав на погоны. – Вам что, не доводили указ о зольбухе?

Ротный фельдфебель не мог не знать, что с этого года гитлеровцы отменили все знаки отличия в полевой жандармерии, чтобы в случае пленения фельджандармы, участвовавшие в карательных операциях против мирных советских граждан, могли избежать преследования со стороны сотрудников советской контрразведки. С этой же целью в батальонах стали выдавать фальшивые книжки, в которых указывалось, что данный сотрудник служит в охране продовольственных складов или других дополнительных структурах, и в боевых действиях не участвует. Но гитлеровцы просчитались. «СМЕРШ» на такую уловку не повелся.

– А що нам та немчура? Мы сами соби указуемо, що робити.

Вызывающий тон Скоробогатько породил дружный хохот у его подчиненных.

– У нас свои вожди є! Ми сами з вусами! – стали раздаваться реплики.

– Слух иде, що червоноармейци по лисах з нашими документами шастають. Навроде, як полицейские. Не бачив таких, ні? – вкрадчивым голосом спросил Кузьма.

Олег придал лицу озабоченное выражение:

– Нет, не попадались. А что, много их?

Украинец не ответил.

– Пидемо зараз з нами! – предложил он. – Трьом вам не вижити, а разом зручніше буде комуняк бити. Тільки вчора напоролися на их отряд. Чотирьох ми поклали, але и вони наших дев'ятьох до праотців видправили. Таке дило.

– А сколько вас?

– Та трошки є. Три десятки людей буде с гаком.

Грушин мучительно размышлял, как поступить – уйти и продолжить выполнение основного задания или... Отпускать украинских националистов он не хотел, но и справиться втроем с таким количеством хорошо вооруженных полицейских им не удастся.

– Ты верно говоришь, Кузьма. Вместе легче будет бить красных, – согласился Олег, предупреждающе взглянув на своих товарищей, чтобы не испортили задуманное им. – Только надо остальных наших привести. Они тут недалеко схоронились.

– Так вы що, не втрюх, чи що? – насторожился Скоробогатько.

– Нет. У нас тоже почти два десятка стволов. Мы в разведку отправились, узнать, что да как впереди. Хорошо вот, вас встретили. Теперь легче всем будет.

– Двадцать? Ось це добра сила! – Полицай одобряюще цокнул языком. – Добра! – Несколько секунд он смотрел на Грушина-Власенко, решаясь, довериться ему или нет. Наконец, достав карту местности, ткнул в нее пальцем: – Ось на цьому хуторі и побачимося.

– Далековато будет, – нарочито недовольно проворчал Грушин, запоминая место, и, желая выиграть как можно больше времени, добавил: – Раньше, чем к утру не поспеем.

– А мы що, поспишаємо чи що?! Гуртуйтеся, покиль мои хлопці трохи відпочинуть.

Пожелав украинским «братам» хорошо отдохнуть, разведчики скрылись в лесу.

Пройдя с километр, Олег остановился:

– Надо срочно выйти на связь с нашими!

– Далеко от своих ушли, не получится, – сокрушенно покачал головой Черенков.

– Я пойду, – вызвался Сверчок. – Дойду до какого-нибудь села и свяжусь по телефону.

– Куда тебе с такой ногой? – Вынув из кармана такую же немецкую карту, какая была у Скоробогатько, Грушин отыскал на ней ближайший населенный пункт. – Пойдешь в это село, – повернулся он к Черенкову. – Оттуда до хутора, где нас будут ожидать полицаи, километров десять. Обратишься в местную администрацию. Сообщишь об украинских бегунках и скажешь, чтобы связались с армейцами или местным отделением госбезопасности. Времени у нас только до утра. Надо поторопиться. Мы встретим вас с южной стороны хутора.

Закинув автомат за плечо, Лопата поправил на голове картуз.

– А как же приказ капитана не вступать в бой? – напомнил он. Было видно, как ему не хочется оставлять их одних.

– А мы ему не скажем, – улыбнулся Олег, пряча карту в карман. – Ты пойми – это каратели! Кто знает, сколько мирных жителей они еще погубят. Можем мы это допустить?

– Не можем, – согласился с ним Сверчок.

Ефрейтор скептически покачал головой:

– А если в селе нет администрации и телефонной связи? Советская власть еще не везде восстановилась. Люди только возвращаются на места.

– В таком случае найдешь кого-то из бывших партизан. Они подскажут, что делать. Если вернешься без подмоги – просто уйдем тихо и все...

Выйдя на проселочную дорогу, ефрейтор Черенков направился на юг. Скоро показалась окраина деревни. Убегая, фашисты спалили ее, не оставив целым ни одного двора. Лишь обугленные печные трубы тянулись к небу могильными стелами. Заметив у одного из пепелищ человека, Павел повернул в его сторону, держа на всякий случай палец на курке.

Увидев вооруженного незнакомца, мужчина, достававший из пепла закопченные кирпичи и складывавший их в столбики, подобрал с земли немецкий пистолет-пулемет и с настороженностью стал следить за приближающимся.

– Бог в помощь! – подойдя ближе, поздоровался Черенков с легкой улыбкой на устах.

– Был бы – давно пришел на помощь, – буркнул сухопарый мужчина, глядя на него исподлобья. Как и многие высокие люди, он был немного сутуловат.

– Понимаю, – с сочувствием произнес Лопата, снимая с головы картуз и пройдясь ладонью по взмокшим от быстрой ходьбы рыжим волосам. – Как бы мне вашего главу повидать?

– Главу чего?

Павел недоуменно пожал плечами:

– Села или деревни, что тут у вас?

– Нет тут администрации. Да и села больше нет, – ответил мужчина, рукавом куртки убирая с лица налипшую сажу.

Черенков снова огляделся по сторонам, окинул взором широкие, поросшие молодым подлеском равнины, на которых некогда колосились хлеба, на чернеющие от пожарищ подворья. Горе людское бывает разным. Иногда оно быстро забывается. Горе жителей этого села было жестоким, горьким, из тех, что навсегда оседает в душе золой.

– Я гляжу, вы вернулись на родную землю? Решили заново отстроиться? Значит, будет и село, и администрация при нем. Все будет. Иначе, зачем мы согнали фашистов с нашей земли?

Он повернулся, собираясь уйти.

– А на кой тебе голова? – все еще подозрительно щурясь, остановил его селянин. – Может, я сгожусь?

– Может, и сгодишься.

– И что нужно?..

Несколько минут спустя Мирон Карпов, – так он представился, – все годы оккупации воевавший в одном из местных партизанских отрядов, кликнул подростка лет четырнадцати. При появлении незнакомца тот все это время умело скрывался неподалеку в овражке.

– Егорка, сынок, скачи к дядьке Панасу, – велел отец. – Пусть немедленно идет сюда со своими мужиками, понял?

Молча кивнув, паренек исчез в ближайшем лесочке, где деревья, обдуваемые ветром, оголялись, роняя листву. Несколькими минутами позже он вновь появился верхом на старой буланой лошадке без седла.

Провожая взглядом поскакавшего к лесу паренька, к спине которого был подвешен немецкий карабин, Павел Черенков с восторгом заметил Мирону:

– Как ловко он спрятался от меня! Я даже не заметил!

– Не прятался! На мушке тебя держал, – ответил не без гордости за сына Карпов.

Заметно прихрамывая, мужчина спустился в сохранившийся рядом со сгоревшим домом глубокий погреб. Несколько минут спустя появившись вновь, он положил на землю немецкий ручной пулемет и две коробки с полными лентами.

– Ого! – удивился Лопата, беря в руки смазанное маслом оружие. – Скорострел Бергмана? Откуда?

– У фрицев по случаю забрал, – отмахнулся Карпов, доставая из-за пояса парабеллум. Дважды выстрелив в воздух, он выдохнул: – К военным добраться не успеем. Они в райцентре обосновались, а до него далеко. Придется своими силами справляться.

На выстрелы из разных мест сожженного села, до войны раскинувшегося по обе стороны небольшой, змейкой петляющей мелководной речушки, сбежалось человек двадцать пять вооруженных людей. В основном, это были женщины да несколько стариков.

– Знатная армия! – с трагическим сарказмом произнес Черенков.

– Все, кто остался, – пожал плечами Карпов, охватывая взглядом собравшихся. – Остальные – кто погиб при немцах, кто еще не вернулся. Мужики, те, что уцелели, записались в Красную армию. В начале войны не успели – фашисты слишком быстро пришли в наши края, – а сейчас пошли, н-да.

Отобрав семерых боеспособных мужчин, все после ранений, Черенков решительно отказал женщинам и подросткам, пожелавшим выступить с ним.

– Свояк мой, Панас, поболее мужиков соберет, – уверенно заявил МIRON. – Он в соседнем селе живет. Трохи придется подождать. А куда предлагаю потрапезничать.

С этими словами он достал из узелка несколько отварных картофелин...

Еще не успела полностью рассеяться ночная мгла, когда рядом со Сверчком и Грушиным, на остывшую осеннюю землю припали Павел Черенков и двое незнакомцев.

– МIRON Карпов и Панас Голубенко! – представил их Лопата. – С ними тридцать человек. Все при оружии.

С пригорка, с которого старший сержант наблюдал за полицаями, хуторок виднелся как на ладони. Вокруг тревожно просыпался густой лес.

– Маловато. – Олег сокрушенно покачал головой. – Ночью к малороссам еще один отряд прибил. Человек двадцать, не меньше.

– Будем брать, – решительно заявил чубатый Голубенко.

– Как? – в задумчивости стал жевать губы Грушин.

– Хитростью! Трошки покумекаем и решим.

– Поздно думать. Скоро совсем рассветет. Боюсь, уйдут они. А этого мы им позволить не можем. Так что атаку проведем прямо сейчас.

Все отползли назад, чтобы их не заметили дозорные противника. Грушин вынул из ножен штык-нож, очистил от травы и листвы небольшой кусок земли и стал чертить схему.

– Поступим так: поскольку они ожидают меня с отрядом, то я пойду на хутор. С собой возьму человек пятнадцать. Отберите из своих самых боевитых. Остальным – минут сорок на то, чтобы оцепить хутор со всех сторон. Ни одна сволочь не должна уйти!

– Я уже сказал ребятам: в плен никого не брать! – заявил Панас, загоревшись желанием напасть на карателей немедленно. Его безжизненная левая рука, поврежденная осколком мины, была ремнем притянута к груди. – Я эту гниль сам в землю сведу!

То, с какой ненавистью он произнес эти слова, не оставляло сомнений: так и поступит. «Кто знает, сколько горя пришлось перенести этим людям за годы оккупации?! – думал Олег, глядя вслед уползающим народным мстителям. – Наверное, они имеют полное право быть и судьями, и палачами»...

Услышав во дворе громкие голоса, Кузьма Скоробогатько подскочил к окошку.

– Ваши все пидийшли? – спросил он, обернувшись навстречу вошедшему в хату Грушину-Власенко. – Де старший?

В комнате за столом сидели еще двое. В полумраке Олег не видел их лиц.

– Сейчас придет, только людей разместит. Народ устал, отдохнуть просит.

Скоробогатько вновь наклонился к низкому окошку. Стоя так, он наблюдал, как прибывшие разбредались по заросшему бурьяном двору.

«Э, да ты трусишь выйти!» – язвительно подумал Грушин.

Со двора слышались громкие приветствия. Недавние партизаны, чьи руки еще не успели избавиться от запаха оружейной смазки, шумно здоровались со своими украинскими «друзьями».

– Как фамилия? – шумно отхлебнув из кружки, подал голос один из сидевших за столом.

Произношение выдавало в нем белоруса.

Подбирая удобное для нападения положение, Олег обошел угол стола.

– Чья? Моя или командира?

Тусклый свет от догоравшего на столе огарка высветил из полумрака часть лица и плечо говорившего. На черном погоне его кителя серебрилась свастика. Такие носили полицаи так называемой «индивидуальной службы». Рядом с ним сидел немец в форме фельдфебеля. Присмотревшись внимательнее, Олег заметил на его нашивке молнию. «Этого надо взять живым!» – решил он, заподозрив в гитлеровце связиста или радиста. Последние были редкой удачей для разведчиков. За такого ценного «языка» могли и к ордену представить.

– Я ж тоби говорыв: Власенко вин! – оторвался от окна Скоробогатько. – Василь Власенко. Я и документы бачыв.

Сидевший за столом напрягся.

– Василь, говоришь? – Рука полицая резко потянулась к пристенку за спиной, к которому были прислонены винтовки. – Дурак! Я Василя хорошо зна...

Не тратя более ни секунды, Олег одной длинной очередью срезал всех троих. Последним, успев выхватить из кобуры пистолет, на пол свалился немец.

Едва в доме раздались выстрелы, ожидавший за дверью Сверчок вихрем ворвался внутрь.

– Жив? – выкрикнул он, заметив склонившегося у окна товарища.

– А то!

Выбив стекло, Грушин выставил в окно ствол автомата.

Удостоверившись, что старший сержант цел, Сверчок развернулся в дверном проеме и стал косить из автомата в панике забежавших по двору неприятелей.

Застигнутые врасплох, каратели пытались дать отпор, но было слишком поздно. Люди Мирона Карпова и Панаса Голубенко, открыв шквальный огонь, никому из них не позволили выйти из оцепления. Короткий бой закончился так же внезапно, как и начался.

Надо было немедленно уходить. Стрельба в глухом лесу, недалеко от границы с Литвой, могла привлечь внимание других групп, окажись они поблизости. Собрав оружие, Мирон с Панасом уводили своих бойцов, унося на самодельных носилках и тела троих погибших товарищей. Еще четверо получили легкие ранения.

– Вы с нами? – спросил Карпов, покидая хутор.

Грушин отрицательно покачал головой.

– Задание у нас, – не стал он скрывать.

Мирон понимающе кивнул.

– Ну, если снова понадобится...

Простившись с разведчиками, Мирон с Панасом скрылись вслед за товарищами.

Грушин оглядел своих:

– Все целы?

– Нормально! – улыбнулся Лопата.

Сверчок поднял высоко воротник. С запада, со стороны Европы, дул напористый морозный ветер.

6

Второй день поиска подходил к концу. По открытым местам передвигались осторожно. Старались избегать новых встреч с противником. В какой-то момент Колю стали одолевать сомнения в том, что им удастся найти документы Хойера. Все же времени прошло немало.

Огибая очередной небольшой холм, они услышали за мелким подлеском скрип тележных колес и приглушенные голоса. Говорили по-белорусски. Низко пригнувшись, разведчики бесшумно пробежали несколько десятков метров и затаились в небольшой ложбинке. Скоро к ним, подминая под себя высохшую траву, приблизилась груженная доверху различным домашним скарбом бричка с высокими бортами.

Сидевший на облучке пожилой возница в старом полупальто и треухе о чем-то негромко рассказывал молодой, лет тридцати, спутнице, трясая на ухабах

головой. Неожиданно выскочившие из засады вооруженные люди заставили женщину вскрикнуть и испуганно прижаться к старику.

– Тпрууу! – Грушин схватил под уздцы старую клячу, от усталости едва волочившую ноги. – Кто такие? – навел он на старика оружие.

Рядом, по обе стороны телеги, выросли Сверчок с Лопатой.

– Дак, это... тутошние мы, тутошние! – медленно приходя в себя, затряс возница реденькой бородкой. – До хаты возвращаемся. – То – дочь моя, – кивнул он в сторону спутницы. – А там, – старик повернулся назад, – там детки ейные.

Только сейчас бойцы заметили затаившихся под грудой узелков двух девочек лет восьми-девяти.

– Кого еще прячете? – Лопата вызволил детей из вещевого завала.

– Та рази ж прячем? – осипшим от испуга голосом, воскликнул старик, нервно поправляя норовивший сползти на ухо треух. – Я их под барахло загнал, чтобы теплее было.

Опасаясь за дочек, женщина подползла к ним и прикрыла собой.

Усовестившись ее испуганного взгляда, Сверчок опустил оружие.

– Да вы не пугайтесь, не обидим, – извиняющимся тоном сказал он.

– Не поздно ли едете? Ночь на носу, – поинтересовался Олег. – Мало ли что может случиться в дороге.

Старик тяжело вздохнул и немного посветлел лицом.

– Так, война, вроде как, далеко отодвинулась, чего ишо бояться-то? Чай, по родной земле едем! – Он по-прежнему настороженно следил за ними. – Вот, до дому возвращаемся, – повторил, просительно добавив: – Нам бы до темени успеть добраться, а!

– Откуда едете?

Старик отвечать не стал, спросил сам, набравшись храбрости:

– Сами-то кто будете?

Продолжая осматривать телегу, Лопата обнаружил у борта прикрытый тряпкой немецкий карабин.

– Не-не, то не наше! – немедленно открестился возница. – Я это ружьишко тут недалече нашел. – Он неопределенно махнул рукой куда-то за спину. – Там еще одёжка рваная была. В таких полицаи ходят. Случаем, не из ваших кто сгинул, не?

Страх в глазах старика усилился. Догадавшись, что их принимают за переодетых полицаев, Грушин миролюбиво произнес:

– Не бойтесь! Свой мы, свои.

– С лица мы все свои, россы, славяне, – тряхнул бороденкой дед. – А как война началась, тут и выяснилась истина, кто свой, а кто враг. Накануне нас тоже двое остановили. Одеты так само, как вы. Тоже кудахтали: свои, мол, не обидим, от партизан отбились. А сами, ироды проклятые, харчи забрали да еще по лицу мне надавали.

– За что? – Сверчку стало жаль старика.

– А за то, что не согласен я был харчи им уступать.

– Спасибо, хоть в живых оставили! – промолвила женщина. – Вон, детей до смерти напугали.

Грушин закинул автомат за спину, повторил твердо:

– Свой мы, отец, точно свои.

Насупив брови, старик сверкнул очами:

– Я в тех людях сразу полицаев признал. Повадки у них характерные, вороватые. А глаза пугливые. Сторожко так бегали по сторонам, словно кого боялись. Совсем не так, как в сорок первом году. Тогда у полицаев глаз был злой, наглый. Вот я и смекнул: будь наши, чего им опасаться-то, верно?

– Верно-верно. – Олег присел на облучок. – Давно эти места покинули?

– А в сорок первом и покинули. Утёкли к родичам в Воронежскую область. Внучат хотели сберечь.

– Далековато забрались от родных мест, – улыбнулся старший сержант.

– А толку?! Фашисты нас и там догнали. Правда, больше итальянцев да венгров было. Лютовали страшно!

– Дедушка, вы сказали, что карабин недалеко отсюда нашли? – напомнил Сверчок, разглядывая оружие. – Место сможете показать? Очень мне нужно на него поглядеть.

Поняв, что выбора у него нет, старик неохотно согласился:

– Ну, ежели надо...

Бледным туманом на землю опускались сумерки. Дню оставалось жить совсем недолго. Идти и в самом деле оказалось недалеко. Километра через два старик остановился у чернеющего кустарника и призывно помахал, требуя следовать за ним. Оставив на всякий случай рядом с молодой женщиной и ее детьми Лопату, Грушин со Сверчком углубились в заросли.

– Я сюда по нужде полез, э... по надобности первойшей, – отводя ветки от лица, принялся объяснять старик. – Только портки было скинул, глядь в сторону, а там труп лежит. Вернее, то, что от него осталось. От страха чуть было не оконфузился! – выдавил дед улыбку. – Должно быть, тело кабаны сгрызли. Тут же в кустах и карабин лежал. Только патронов в нем не было.

Тщательно осмотревшись по сторонам, Сверчок шепнул Олегу:

– Узнаю это место. Здесь я Власенко застрелил. Теперь знаю, как дальше идти, – уверенно сказал он.

Они вернулись к телеге. Видя уставшие, изможденные лица женщины и ее дочерей, Грушин вновь предложил старику переночевать с ними в лесу, а утром продолжить путь, однако тот остался непреклонен.

– Нет, поедем. К утру на месте будем. Дома и отдохнем.

Вспомнив, что полицаи отобрали у них всю провизию, Олег достал из вещмешка три банки немецкой тушенки и протянул их женщине.

– Все, что можем, – сказал он. – Вы так и не ответили, куда едете.

Услышав название села, Лопата нахмурился. Это было то самое место, где он повстречал Мирона Карпова. Отведя деда подальше от телеги, ефрейтор глухим голосом проговорил:

– Отец, не ходи туда.

– Чего это? – попытался тот возмутиться.

– Нет больше вашего села. Сожгли его фашисты. Вместе с жителями спалили. Немногим удалось спастись.

Услышав трагическую весть, старик поник плечами и ссутулил спину. Некоторое время он стоял, замерев словно изваяние.

Лица разведчиков были напряжены. В этот момент каждый из них испытывал душевные муки, словно лично был виноват в случившемся. Он и миллионы таких же молодых и сильных мужчин, не сумевших предотвратить опасность, вовремя дать отпор врагу.

– Беда, ой беда! – Стерев выкатившиеся из глаз скупые стариковские слезы, возница выпрямился. Взгляд его упал на внучек, прижавшихся к матери. – Ничего, заново отстроимся! Ничего.

Велев старику по приезде на место сдать Мирону Карпову найденное оружие, разведчики простились с ними. К этому времени ночь уже обняла землю от края до края. Вокруг было тихо, темно и диковато...

Вопреки ожиданию Сверчка, следующий день только к полудню принес радость находки. Наконец они обнаружили документы Хойера. Благодаря кожаному переплету, почти все папки неплохо сохранились.

Сверчок ликовал. Теперь у него появилось больше уверенности в том, что Виктор Вовк оставит его в новом отряде.

Несколько дней спустя после их возвращения, капитан собрал личный состав на плацу и сообщил о представлении Николая Цвирко к боевой награде. Это была вторая в жизни Коли медаль. Первую, «За отвагу», ему вручали год назад. Тем же вечером Виктор снова заглянул к ним в казарму и предложил Сверчку прогуляться.

Покинув территорию лагеря, они некоторое время шли молча, прислушиваясь к замирающим звукам осеннего леса. Заметив на переносице капитана хорошо знакомую глубокую складку, Коля насторожился. Она появлялась всегда, когда Вовк сосредоточенно обдумывал тот или иной вопрос или решал задачу. Не выдержав долгого молчания, юноша заговорил первым.

– Товарищ капитан, случилось что? Что-то с моими близкими, с мамой?

– Не волнуйся, мать твоя жива и здорова, – ответил быстро Вовк. – Ждет тебя. Так что, как только придет награда, лично доставлю тебя к ней.

Вовк собирался как можно мягче объявить юноше, что в отряд, готовившийся к особому заданию, он его зачислить не может. По требованию вышестоящего начальства, в него должны были войти лишь специально обученные красноармейцы. Несмотря на то, что восемнадцатилетний Николай Цвирко не раз участвовал в сложнейших операциях, хорошо умел стрелять и уходить от погони, ему все же не хватало некоторых качеств профессионального диверсанта. Но главное было не в этом. Вовк не хотел рисковать жизнью паренька, которого полюбил, как младшего брата.

Чувствуя, что офицер чего-то недоговаривает, Сверчок остановился, взглянул на него в упор:

– Товарищ капитан, что-то хотите сказать?

– Хочу, Коля. – Вовк не стал отводить глаза. – Хочу поздравить с тем, что война для тебя закончилась. Скоро нам предстоит расстаться.

– Как же так, товарищ капитан? – не сумев скрыть обиду, проговорил, едва не заплакав, Сверчок.

– Так получается, Коля, извини. Я человек военный, можно сказать, подневольный. Куда прикажут, туда и иду. А тебе надо учиться. Скоро в Минске откроются все учебные заведения.

– Как же так?! – продолжал сокрушаться юноша. – Нечестно это, товарищ капитан!

Они повернули назад.

– Разве ты не хочешь учиться? – Вовк пытался ободрить его. – Станешь инженером или учителем. А может, врачом?..

– Я воевать хочу! – заупрямился Сверчок. – Не возьмете к себе – пойду в военкомат. Восемнадцать уже есть, возьмут. Не имеют права не взять.

«А ведь и вправду пойдет! – чертыхнулся капитан. – Запишут в пехоту, а там...»

Офицер хорошо знал, что «окопники», как называли пехотинцев, на войне гибнут чаще других военнослужащих. Несколько минут они шли молча. Вдруг, вспомнив новость, о которой только недавно сам узнал, Виктор спросил:

– Коля, а ты на море бывал?

– Нет. Когда бы я был?!

– А хотел бы съездить, искупаться?

Сверчок неопределенно пожал плечами:

– Съезжу, когда война закончится.

– Зачем же ждать? У меня тут поездка одна намечается. Хочу взять тебя с собой. Надо с одним человеком встретиться. Кстати, ты его хорошо знаешь.

– Вы бы лучше меня в отряд зачислили, товарищ капитан, – сухо отрезал парень.

7

– Раньше о море Коля имел смутные представления. Лишь по тем черно-белым рисункам из книжек о приключениях, которыми зачитывался. Море его потрясло. Оно не шло ни в какое сравнение с самым большим озером в их округе. Безграничное, с зеленовато-голубым отливом, с видимыми сквозь толщу прозрачной воды камешками на дне, которыми играла набегавшая на берег волна, то подкатывая их ближе, то сбрасывая обратно, оно восхищало.

Юноша подступил к воде, опустил в нее руки. Несмотря на то, что на дворе стоял сентябрь, море показалось ему теплым.

– Это время года в Сочи самое лучшее, чтобы купаться и загорать, – промолвил капитан Вовк, с любопытством наблюдая, как несколько человек, шумно пофыркивая, плескались в волнах, метрах в сорока от них. Бархатный сезон был в самом разгаре. – После войны непременно привезу сюда жену.

Сверчок с удивлением посмотрел на него:

– Так вы что, женаты, товарищ капитан? Никогда не упоминали об этом!

– Успел, ага! Перед самой войной поженились. Даже неделю не прожили вместе. Она у меня актриса. Сейчас в Ташкенте находится со съемочной группой. Пишет, кино снимают. Героическое! – Вспомнив супругу, с которой за

все годы войны так ни разу и не встретился, офицер взгрустнул. – Ну, есть желание искупнуться вечерком? А то когда еще придется.

– Спрашиваете, товарищ капитан! – Сложив ладони ковшом, Сверчок зачерпнул морской воды и брызнул себе на лицо. – Соленая! – с детским восторгом воскликнул он, почувствовав на губах соль.

– Никак в первый раз на море? – донесся до них голос из-за спины.

Стоя чуть поодаль от них, двое мужчин с любопытством наблюдали, как юноша зачарованно следил за набегавшими на берег легкими волнами. Их принадлежность к морской службе выдавали тельняшки, черно-белым полосатым треугольником выглядывавшие из-под больничных халатов. На голове старшего красовалась набекрень надетая офицерская фуражка с золотым «крабом». Одна из штанин его пижамы была пуста, и моряк опирался на костыль. Рядом с ним стоял совсем молоденький паренек, на вид ровесник Сверчка. Обе его руки, на которых отсутствовали кисти, были высоко забинтованы.

Приветливо кивнув им, Вовк признался:

– На этом – в первый раз! Там, откуда этот парень приехал, совсем другое море, зеленое!

– Это что же, тайга, что ли? – поправил фуражку мужчина.

– В Белоруссии нет тайги!

– А, вот вы откуда?! Далековато от этих мест. – Подойдя ближе, он представился: – Капитан-лейтенант Соколов!

– Капитан Вовк! – ответил Виктор, оценив силу рукопожатия моряка.

– Подходящая фамилия для белорусских лесов! – улыбнулся Соколов. – Для гитлеровских шакалов – в самый раз. А это Толя Скворцов, моторист мой, – ткнул он подбородком в сторону улыбающегося паренька с забинтованными культиями.

– Хм, ваши фамилии больше подошли бы летунам! – сострил в ответ Вовк. – Соколов, Скворцов!

– Так и есть. – Капитан-лейтенант затянулся папиросой. – Одни мы с Толиком и слетели с кормы, когда гитлеровцы по нашему катеру из пушек стали палить. Не иначе, как сам куриный бог нам помог.

– Извини, друг, неудачно пошутил! – посуровел Виктор.

Моряк махнул рукой, разгоняя облачко дыма:

– Да ради бога! Сами над собой шутим. Фениксами кличем друг дружку. Сюда-то какой волной занесло?

Пригретый жарким южным солнцем, Виктор расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки, достал из нагрудного кармана конверт с адресом.

– В госпиталь приехали. Гостиницу «Приморскую» ищем. Не знаешь, где такая?

– Так это же наш госпиталь! – воскликнул каплей. – Пошли провожу. Тут недалеко.

Они шли почти по самой кромке берега. С моря дул легкий бриз. Жадно вдыхая свежий воздух, напоенный ароматом еще не отцветших, густо растущих вдоль дороги роз и запахом выброшенных на берег водорослей, Сверчок с интересом разглядывал стоявшие у пристани суда.

За разговором о положении дел на фронте дорога, действительно, заняла немного времени. Поднявшись по неширокой лестнице, огражденной каменными фигурными балясинами, они подошли к гостинице, в которой располагался госпиталь. Здание, построенное в стиле «сталинского ампира», белой птицей смотрелось среди густой зелени пальм и стройных кипарисов. Отсюда, с небольшой смотровой площадки, открывался завораживающий вид на море. Остановившись, Сверчок стал смотреть, как по водной глади, ревя моторами, неслись на большой скорости два торпедных катера, нарушая спокойствие и умиротворенность южного курортного городка. И только эти военные суденышки да устремленные в небо стволами зенитные орудия напоминали сейчас о войне.

Распростившись у входа, моряки пошли дальше по своим делам. Вовк с Николаем вошли в вестибюль.

– Товарищ капитан, вы так и не сказали, кого мы ищем? – задал вопрос Сверчок.

Легкая улыбка озарила лицо офицера.

– Сейчас узнаешь. Только бы не выписался...

– Уж не меня ли вы ищете, бойцы? – вдруг раздался за их спинами знакомый голос.

Коля резко обернулся и обомлел: перед ними стоял их командир, Федор Иванович Чепраков. Левая надбровная дуга офицера до самого виска была деформирована ранением и последующими двумя операциями, отчего верхнее веко заметно опустилось, прикрыв часть глаза. Как ни странно, но это придавало его лицу еще больше мужественности.

Юноша кинулся к нему:

– Товарищ капитан! Федор Иванович, вы живы?

Чепраков притянул его к груди и по-отцовски обнял:

– Здравствуй, здравствуй, Сверчок! Жив, как видишь. – Отступив на шаг, чтобы можно было лучше рассмотреть, Федор Иванович остался доволен. – Слышал о твоём ранении. Очень рад, что сдюжил, выкарабкался. Как нога?

– Все хорошо, товарищ командир. Уже почти бегаю.

Капитан шагнул к терпеливо ожидавшему рядом Виктору Вовку. Несколько секунд офицеры пристально смотрели друг на друга. Война давно их сблизила, духовно породнила.

– Ну, здравствуй, Виктор! Рад тебя видеть! – Чепраков принял Вовку в объятия. – Поздравляю с очередным званием! Ты знаешь, что я давно подавал тебя на капитана.

– Знаю, Федор Иванович.

Восхитившись новенькой, подогнанной под фигуру формой офицера, Чепраков цокнул языком:

– Хорош! Хоть сейчас на парад.

Теплый осенний день располагал к душевной беседе на природе. В палату подниматься не стали. Решили спуститься к воде.

– Товарищ капитан! – Сверчок взглянул на Вовку. – Выходит, вы знали, что командир жив? Знали и не сказали?

– А разве ты спрашивал? – улыбнулся офицер, уловив горечь в его словах.

– Я боялся! Боялся услышать, что Федора Ивановича... э-э...

– Нет в живых? – договорил за него Чепраков и засмеялся. – Не дождутся фрицы!

– Зато какой сюрприз получился, правда? – улыбнулся Вовк.

– Да уж, – юноша по-детски надул губы.

– Не обижайся. Я и сам только недавно узнал, когда в Москве был, – стал оправдываться капитан. – Вернувшись в отряд, сразу всем нашим рассказал, а тебе не стал. Сюрприз хотел сделать.

– Федор Иванович! – Сверчок повернулся к командиру. – Прикажете, пожалуйста, капитану Вовку зачислить меня в новый отряд! Он хочет меня на «гражданку» отправить. Говорит, учиться мне надо.

Перехватив взгляд Виктора, Чепраков сделал серьезное лицо:

– Верно говорит. Парень ты смысленный, и неучем оставаться права не имеешь.

– И вы туда же!..

На берег, как и миллионы лет назад, накатывались волны. И не было морю никакого дела до обиды молодого человека, стоявшего у кромки воды и всерьез размышлявшего, где найти ближайший военкомат, чтобы записаться в армию. Желание продолжить бить фашистов в душе Сверчка поддерживалось мечтой прошагать по мостовым поверженного Берлина.

Присев на садовую скамейку недалеко от воды, Виктор положил на колени фанерный чемодан, достал из него большой сверток и, протянув Чепракову, негромко заговорил:

– Это ваша новая форма, товарищ майор! – радостно сообщил он. – Из самой Москвы вез!

– Капитан! – поправил его Чепраков. – Ты хотел сказать – капитан!

– Нет, все верно, Федор Иванович, майор! – Достав следом за свертком пару новых погон, Вовк поднялся и, щелкнув каблуками, громким голосом, точно стоял перед строем, торжественно произнес: – Товарищ командир! Разрешите поздравить вас с присвоением очередного воинского звания! Надеюсь, когда-нибудь мне доверят вручить вам и генеральские погоны, – добавил он.

Услышав поздравительную речь Вовка, Сверчок, забыв о собственной обиде, с радостным криком подлетел к Чепракову и, как и подобает настоящему военному человеку, вытянулся во фронт.

– Ура! Поздравляю, товарищ командир! Я бы сразу дал вам генерала, честное слово!

Федор Иванович засмеялся и пожал боевому товарищу руку.

– Говоришь, из Москвы привез? – повернулся он к Вовку.

– По личному распоряжению полковника Федулова.

Услышав знакомую фамилию, Чепраков замер над свертком.

– Это какого Федулова?

– Поликарпа Матвеевича! Начальника 2-го Управления!

– Поликарпа? – Память на миг перенесла Федора в довоенное время. «Выходит, тогда, в сорок первом, его также отпустили?» – подумал он. Вслух же проронил: – Уже полковник? Молодец!

– Слышал от него, что вы с лейтенантских лет знакомы?

– Бери раньше, с курсантских! Одно время тесно общались. Прекрасный офицер! В последний раз виделись незадолго до начала войны. – Отложив сверток в сторону, Чепраков спросил Вовка: – Что в Москве делал?

Капитан тяжело выдохнул:

– Нас туда вместе с комиссаром Строжевским отправили. Как раз решался вопрос о расформировании большинства партизанских отрядов, в том числе и нашего. Сам Федулов вызывал. Я потом узнал, что именно к нему попал рапорт Строжевского, в котором он нас с вами обвинял в неграмотном руководстве и связанных с этим больших потерях в последней операции.

Заодно все бывшие удачи приписал себе. Очень уж хотелось ему героем стать. А ведь я вас предупреждал, товарищ командир, помните? Говорил, что комиссар – редкостная шкура!

Чепраков отвел глаза в сторону:

– Помню, Виктор, помню.

– Меня сначала в Минске допрашивали, в особом отделе. Потом в Москве. Лично Федулов! Как я понял, он и не дал дальнейшего хода этой мерзкой кляузе комиссара. В общем, Строжевского вернули на гражданку. Будет теперь доносы на своих партийных товарищей стряпать.

– Ты бы, Виктор, потише о таких вещах говорил, – прервал его Федор Иванович, оглядываясь по сторонам. – Времена беспокойные, а люди тут разные хаживают.

Наученный горьким жизненным опытом, Чепраков пытался уберечь молодого товарища от неприятностей.

Вовк перешел на шепот:

– Федулов в первую встречу долго расспрашивал о работе нашего отряда в тылу. На следующий день снова вызвал и приказал собрать новый разведывательно-диверсионный отряд, что я и сделал. Костяк отряда составили наши ребята.

– Как меня нашел?

– Федулов помог. Сделал запрос по госпиталям. После велел лично с вами встретиться.

Оставив офицеров, Сверчок вернулся к кромке воды и стал бросать в море плоские камешки-голыши, стараясь запустить как можно дальше.

– Обижается малой, что в отряд не беру! – кивнув в его сторону, произнес Вовк с некоторой грустью в голосе. – Мальчишка еще. Полковник Федулов приказал отобрать только опытных бойцов, прошедших подготовку и переподготовку.

– У этого, как ты говоришь, мальчишки, двухлетний опыт партизанской войны. Разве не мы с тобой его готовили? Не возьмешь – он снова сколотит

отряд из пацанов. Будут рыскать по лесам, выискивая беглых полицаев, пока те не перебьют их всех.

– Я об этом как-то не подумал, – сокрушенно покачал головой капитан. Расстегнув офицерский планшет, он достал запечатанный сургучом желтый конверт и протянул его Чепракову. – Что ж, теперь вы назначаетесь командиром нашего отряда, вам и решать судьбу Цвирко.

– Это что? – вскинул брови новоиспеченный майор.

– Приказ полковника Федулова!

Чепраков вспыхнул:

– Неправильно это! Ты столько сил положил, чтобы собрать людей, а я на готовое? И только потому, что полковник Федулов мой старый знакомый? Я буду отказываться.

– Отряд собирал я, но возглавлять его вам, Федор Иванович. И должен признаться, я этому только рад. – Вовк не кривил душой, произнося эти слова. – Мы столько всего вместе пережили, кому, как не вам довериться? И потом, я уверен, что это ваша фамилия спасла меня от навета комиссара Строжевского. Что-то вы значите для Федулова.

Чепраков протянул руку боевому товарищу:

– Виктор, просто если нам выпало и дальше служить вместе, то я хочу, чтобы с твоей стороны не было никаких обид.

– Какие могут быть обиды, товарищ командир? Общее дело делаем.

Офицеры крепко пожали друг другу руки.

– Где вы остановились? – поинтересовался Чепраков, когда они снова зашагали по дорожке.

– Да присмотрели тут неподалеку комнатку у одной бабки. Должен заметить, что цены у местных аховские! – улыбнулся капитан.

– Ну, это как водится! Кому война, а кому сума полна! – согласился с ним майор. – Надолго вырвался?

– Пусть Коля пару деньков на море походит, а там обратно. Обещал лично отвезти его домой, к матери. – Немного помолчав, Вовк добавил: –

Акулина на мужа похоронку получила. Оказывается, он еще в сорок втором погиб. Сверчок об этом не знает. Я не решился ему сказать.

– Да, жаль паренька! Скольких мы еще не досчитаемся?!

Вовк подозвал Сверчка. Время близилось к обеду, и офицеры стали прощаться, договорившись встретиться вечером у входа в госпиталь.

– Я все хотел спросить: удалось установить, кто вывел немцев на нас с подпольщиками? – подбежав, неожиданно спросил Николай.

Федор Иванович повернулся к капитану:

– Кстати, этот вопрос и меня интересует! Проводил кто-нибудь расследование?

Вовк досадливо махнул рукой:

– Кто бы этим тогда занимался, Федор Иванович? А теперь, видимо, уже поздно.

– Вот пока вы будете новые задачи решать, найдется и мне чем заняться!

– воскликнул Сверчок. – Кто-то же должен искать предателя? А домой я все равно не вернусь. Выйду через Лиду на других подпольщиков, там видно будет.

– Не вздумай! – стал запрещать Чепраков. – Это может быть опасно для тебя.

– В том, что предатель существует, у меня нет полной уверенности, – задумчиво произнес Вовк. – На допросах Матюшин ни единым словом не обмолвился об этом.

– Ничего, выясним! – крикнул Сверчок, сбегая обратно к воде. – Можно я сначала окунусь, а потом пойдем обедать?

Не дожидаясь ответа, юноша быстро скинул с себя одежду, сбегая к воде.

– Вот упертый, чертяка! – недовольно покачал головой Виктор. – А ведь и вправду опасная затея! Что, если в городе остались агенты Абвера?

Через минуту он уже и сам с удовольствием рассекал волны, догоняя все дальше отплывавшего от берега Николая.

Москва встретила майора Чепракова холодным проливным дождем и пустынными улицами. Сразу с вокзала он отправился по домашнему адресу, к семье, с которой не виделся с первых дней войны...

Воюя в белорусских лесах, офицер нечасто получал весточки от близких. В отряд почта изредка доставлялась по воздуху вместе с боеприпасами и медикаментами. Зная, как переживает за него супруга, Федор Иванович в ответных посланиях всякий раз сообщал, что служит глубоко в тылу, на Урале. Догадывался, что не поверит, и все же лгал, оправдывая себя: «Ложь во благо – не ложь, а благо». В последний раз он написал жене уже из Сочи. В нем лишь вскользь упомянул о своем ранении, пообещав встретиться в скором времени. Обратный адрес указывать не стал. Опасался, что все бросит и приедет. Позволить себе предстать перед любимой женщиной в немощем состоянии он не мог.

В прифронтовом госпитале, куда его в беспамятстве доставили с аэродрома, хирург не рискнул извлечь пулю из головы и отправил дальше в Минск. К тому времени город только что освободили. Врачи, удалившие кусок свинца, опасались, что им не удастся полностью восстановить раненого.

Узнав из своих источников о тяжелом состоянии капитана Чепракова, своего старинного товарища, Поликарп Матвеевич Федулов приложил все усилия, чтобы дальше его вел один из лучших военных хирургов страны, профессор Зорин. В сочинский госпиталь, где и служил военврач, раненого доставили самолетом. После повторной операции, которую лично проводил Зорин, все функции организма стали быстро восстанавливаться. Даже зрение удалось почти полностью сохранить. И только когда ухудшалась погода или случалось понервничать, Федор Иванович испытывал сильную головную боль, иногда до рвоты, да в левом глазу начинало двоиться.

Остановившись перед дверью, майор Чепраков оправил на себе форму, провел рукой по голове, прикрывая прядью волос страшные рубцы на лбу и виске, и утопил кнопку звонка.

Увидев супруга, женщина от неожиданности на мгновение застыла, затем, охнув, бросилась в объятия. Огрубевшие от тяжелой заводской работы ее пальцы коснулись рубца на виске. Целуя лицо любимого человека, она не сдерживала слез, приговаривая: «Вернулся!.. Живой!..»

Они проговорили почти всю ночь. Утром, осторожно, чтобы не разбудить спящего сына, майор Чепраков покинул квартиру и отправился по адресу, указанному в письме, которое ему в Сочи передал капитан Вовк. В конверте находился пропуск, выписанный на его имя полковником Федуловым.

Шагая по улицам пасмурной осенней Москвы, Федор Иванович пытался сосредоточиться на предстоящей встрече, но перед глазами всплывало светящееся любовью лицо жены. Он не знал, как долго пробудет в Москве. Война идет, и он на ней солдат. Возможно, уже сегодня ему придется отправиться обратно.

Войдя в кабинет Федулова, секретарь доложил:

– Товарищ полковник, прибыл майор Чепраков!

Услышав фамилию, Поликарп Матвеевич встал из-за стола и двинулся навстречу:

– Пусть войдет!

Несколько мгновений они стояли друг напротив друга, не проронив ни слова. Два боевых офицера, чья дружба зародилась еще в годы учебы в военном училище, которое они оба блестяще окончили.

– Да, потрепала тебя война, Федор! – первым заговорил Поликарп Матвеевич, протягивая руку.

– А вы совсем не изменились, товарищ полковник! – крепко пожимая ее, ответил Чепраков.

Брови Федулова взлетели вверх.

– С каких это пор мы с тобой на «вы»?

– Положено так, – показав глазами на его погоны, подчеркнул майор. – Субординация!

Поликарп Матвеевич обеими руками схватил старого приятеля за грудки и притянул к себе.

– А я гляжу, ты все такой же ершистый? – вымолвил он и трижды, как положено по русскому обычаю, расцеловав в обе щеки, шутливо оттолкнул от себя.

– Прости, Поликарп. – Федор Иванович оправил на себе гимнастерку. – Думал, жизнь и тебя сломала.

– Скажешь тоже, – смутился полковник. Приоткрыв в приемную дверь, он бросил: – Сережа, принеси нам два чая. Если что – меня на месте нет!

– Ты и вправду мало изменился, – продолжал настаивать Чепраков.

Федулов махнул рукой:

– Тоже, знаешь, досталось – во! – отмерил он себе рукой до шеи, и вдруг громко, от души, расхохотался: – Нам с тобой с самого училища достается! Помнишь, как нас майор Тихомиров невзлюбил? Гонял на занятиях, как сидоровых коз! М-да. – Лицо полковника посуровело. – Убили его фашисты. Раненым попал в плен к ним. Долго пытали на глазах других наших солдат и офицеров, а потом закололи штыком. Так и умер, не проронив ни слова. А на вид таким тщедушным казался.

– Жаль старика, – сокрушенно покачал головой Чепраков, вспомнив их бывшего преподавателя. – В сущности, хороший был мужик, правильный. Настоящий офицер. А то, что гонял... Я его потом часто вспоминал, когда тяжело становилось. Кто знает, если бы не требовательность наших учителей, выстояли бы мы в этой войне?

Поликарп Матвеевич подошел к книжному шкафу, открыл застекленную дверцу и снял с полки початую бутылку коньяка с двумя стаканами.

– Хоть и строго у нас с этим, но Тихомирова мы с тобой помянем! Всех наших помянем, кто ушел. Сколько людей погибло! – вздохнул полковник.

– Сколько еще погибнет!

Плеснув на дно немного коричневой жидкости, Поликарп Матвеевич протянул один стакан Чепракову. Выпили молча, не чокаясь.

– А ведь это ты должен сидеть здесь, на этом месте! – неожиданно проронил Федулов, ткнув пальцем в стол, и его взгляд потеплел. – Ты был лучшим на курсе!

Федор Иванович отрицательно качнул головой:

– Нет, Поликарп. Как говорят немцы: *Jeden nach seinem verdienst!* Каждому по заслугам!

– Не спорь. После финской войны тебе пророчили высокие должности. В сорок первом, когда нас арестовали, я был уверен, что нам всем грозит участь Тухачевского и его команды. Твоя стойкость тогда многим нашим помогла. Даже военследователь, требовавший подписать донос на генерала, как-то отметил это. Не скрою, мне помогла. Помню, слух прошел по камерам, что тебя особо жестоко пытаются. Не знаю, чем уж ты им так насолил, но поговаривали, что до суда не доживешь.

– Ничем особым я их тогда не достал, – опустил голову Чепраков. – Просто, когда понял, что все равно расстреляют как иностранного «шпиона», открыто послал их куда подальше. Я тогда как в бреду был. – Он рассмеялся. – Материл страстно, с чувством! Мне казалось, что так я мщу им за свою гибель.

– Да, редкостной сволочью оказался следак, – скрипнул зубами Федулов. – Он сейчас в НКВД, у Берии служит. А все же, Федор, мы с тобой выстояли! Выстояли, никого не предали. Не все так смогли. – Снова плеснув в стаканы, Поликарп Матвеевич потянулся через стол чокнуться. – Знай: я все помню. И друзей не забываю.

Чепраков глубоко втянул в себя воздух.

– Я не осуждаю тех, кто не выдержал, – выдохнул он. – Просто не могу принять обратно в сердце. Что-то в душе оборвалось.

– А принимать-то и некого! – развел руками Федулов. – Практически всех, кто тогда подписал бумагу на генерала Плотникова, расстреляли. Предатели никому не нужны. – Подавшись вперед, полковник заговорщически

прошептал: – Попомни мое слово, Федор, скоро все изменится. Дай только войне закончиться.

Не отрывая от его лица прямого взгляда, Чепраков поинтересовался:

– Скажи, Поликарп, ты знаешь, кто написал тогда пасквиль на нас? Твое нынешнее положение позволяет это сделать, было бы желание. И как сложилась судьба генерала Плотникова? Я с тех пор ничего о нем не слышал.

Федулов в задумчивости зажевал верхнюю губу. Высокая должность офицера особого отдела не предполагала излишнюю откровенность, и он давно приучил себя не говорить лишнего. Но ответил. Осторожно, словно прощупывал собеседника каждым словом.

– Нам с тобой, Федор, повезло выжить, а вот генералу нет. Его расстреляли раньше, чем пришел приказ об отмене приговора. Поторопились, сволочи. – Поликарп Матвеевич поднял глаза на стенку напротив, где висел портрет наркома обороны и вождя советского народа, и тихо, точно опасаясь, что тот может подслушать, сказал: – А что касается пасквильника, то с ним произошел несчастный случай. Автомобиль, на котором он возвращался со своей дачи, вдруг перевернулся на повороте. Такое иногда случается с людьми.

– Я его знал?

– Мы все его знали.

Федулов назвал фамилию одного из заместителей генерала Плотникова, услышав которую, Чепраков присвистнул:

– Да что ты?! Никогда бы не подумал. Всегда считал его блистательным офицером.

– В дамки хотел пролезть, подсидеть генерала. – Взяв со стола коробку «Казбека», Поликарп Матвеевич выщелкнул из нее папироску и стал мять. – Тебе не предлагаю. Знаю, что не куришь.

Чепраков был удивлен.

– Что еще ты обо мне сегодняшнем знаешь?

– А то, что если все пойдет так, как должно, то сидеть тебе на моем месте скоро.

– Пустое! – Майор поднял руку, останавливая товарища. – Извини, но я боевой офицер, а не кабинетный работник.

– Зря ты так, – покачал головой Поликарп Матвеевич, и словно оправдываясь за свой высокий пост, горячо заговорил: – Меня в сорок первом тоже хотели разжаловать до летёхи, как тебя. Я до сих пор не знаю, кто этому воспротивился. Несправедливо! Я – полковник, а ты только сейчас майора получил.

Чепраков отвернулся к окну:

– Забудь. Давай лучше выпьем за победу.

Выпив еще по глотку, Федулов убрал бутылку обратно в шкаф, достал из ящика стола папку и выложил перед майором два листка исписанной убористым почерком бумаги.

– Это рапорт твоего бывшего комиссара Строжевского. На тебя и твоих бойцов. Тот еще гнус! Можешь забрать на память.

Тяжелые желваки забегали по скулам Чепракова, когда он пробежал глазами по докладной записке своего бывшего комиссара.

– Сколько еще таких будет на нашем пути? – посетовал Федулов.

– Ладно бы только на меня настрочил, но за что он парней моих решил опорочить? Боевые ребята, не чета ему!

– Так за это и мстил! Удел слабаков и трусов! – Федулов убрал со стола папку. – Ладно, все это уже в прошлом. Теперь давай о деле поговорим, из-за которого я тебя, собственно, и вызвал в Москву. – Голос начальника 2-го Управления НКГБ посуровел. Чепраков заметил, как добродушное лицо его товарища внезапно приобрело жесткие черты сотрудника «конторы». Несомненно, работа в органах накладывала на характер человека особый отпечаток. – Нам с тобой поручено сложное и очень важное задание: как можно скорее внедрить одного из наших агентов в банду так называемой «Литовской освободительной армии». Ты назначаешься командиром спецгруппы, которую мы отправляем в Литву. За ходом этой операции будут следить несколько человек, в том числе нарком обороны, товарищ Сталин. Абакумов лично будет

докладывать ему. Это дело и на контроле наркома внутренних дел Берии. Выполнишь задание – буду ходатайствовать о присвоении тебе внеочередного звания и возьму к себе в замы.

– В замы не надо, – улыбнулся Чепраков. – Дружить лучше на расстоянии.

– И не надейся, – засмеялся Федулов. – Я теперь намерен тебя при себе держать. Сейчас иди отдыхай, а завтра снова жду.

Война не терпит отлагательств. Майору Чепракову совсем немного было отпущено времени на личную жизнь. Скоро ему предстояло вернуться в Белоруссию и вновь отправиться в полный опасности лес.

Но это будет потом, а сегодня Федор Иванович был намерен устроить родным настоящий праздник. Получив от секретаря Федулова особый пропуск, он отправился на специальный продуктовый склад.

Оставшись один, Поликарп Матвеевич подошел к растворенному окну и задумчиво стал смотреть во двор. «Справится ли Федор с заданием? – размышлял он, вспоминая, каким отчаянным был его товарищ в лейтенантские годы. – Должен! Должен справиться».

Взглянув на часы, полковник чертыхнулся. Через час у него была назначена встреча с курсантами разведшколы...

9

К невзрачному зданию бывшей гимназии, перед самой войной перестроенному под многоквартирный дом, Поликарп Матвеевич шел пешком, оставив за углом служебный автомобиль с водителем. Одетый в драповое полупальто, в кепи на голове и в брюках, заправленных в хромовые сапоги, он ничем не выделялся на фоне случайных прохожих. Как обычно, в кармане полковника лежал заряженный револьвер.

Сегодняшняя встреча с двумя молодыми немецкими антифашистами была особенной для него.

Курт Краузе и Ульрих Мюллер являлись членами запрещенной в Германии компартии, которым по счастливой случайности удалось избежать

ареста на родине. Большинство же их товарищей попали в тюрьмы и концентрационные лагеря. Туда же был отправлен и лидер партии, видный общественный деятель Германии Эрнст Тельман, с которым они вместе работали.

На родине молодые немцы активно боролись против пришедшего к власти Гитлера, выпуская и распространяя листовки, в которых старались раскрыть своим соотечественникам всю пагубность новой идеологии о «великом тысячелетнем Рейхе». Однако соотечественники их не слышали. Германский народ был заражен миазмами национального превосходства, разрушительного в своей основе.

За месяц до начала Второй мировой войны Краузе и Мюллер нелегально прибыли в Советский Союз из Греции. Добравшись морем до Одессы, молодые люди – на тот момент им не было и двадцати пяти лет – торопились сообщить местным органам власти о готовящемся вторжении Германии в Польшу. Их задержали и, объявив провокаторами, передали сотрудникам госбезопасности. Не услышали немецких антифашистов и в Москве, куда были доставлены.

Почти два года Краузе и Мюллер провели в одном из северных лагерей. И лишь в августе сорок первого года, когда по советской земле тяжелым танковым катком проходила германская армия, молодые немецкие коммунисты были освобождены.

В качестве морального ущерба советская власть предоставила им отдельные комнаты в общежитии для семей членов Коминтерна и карточки на спецпайки. Едва поправив ослабленное в лагерях здоровье, Курт и Ульрих стали немедленно проситься на фронт. Не сразу, но их просьба была удовлетворена.

Служба немецких коммунистов началась на передовой, в агитбригаде фронта. Вместо огнестрельного оружия им в руки были даны микрофоны громкоговорителей. Задачей молодых пропагандистов было пытаться уговорить своих воюющих соотечественников прекратить войну и сдаться Красной армии.

Активно их использовали и в качестве переводчиков. За время, проведенное в лагере, оба неплохо освоили русский язык и теперь помогали советским офицерам во время допросов плененных гитлеровцев.

Наконец, к ним проявили интерес и сотрудники контрразведки. Поликарп Матвеевич Федулов лично изучал дело каждого. Знал, кто и как вел себя на допросах, чем занимался в лагере, с кем поддерживал там связь. Впрочем, папки на каждого хранили весьма скудные сведения. Чтобы получить о них как можно больше информации, пришлось задействовать агентуру, работавшую в Германии. Разведчиками были подтверждены данные о совместной довоенной работе Краузе и Мюллера с верхушкой немецкой компартии. Лишь после этого Федулов счел возможным использовать этих людей в своей работе.

Краузе и Мюллера направили в спецшколу разведчиков. После ее окончания они не раз переправлялись в немецкие города, выполняя различные поручения, и давно доказали свою преданность Советскому Союзу.

Несмотря на то, что Поликарп Матвеевич лично никак не был причастен к их аресту в тридцать девятом году, всякий раз, когда встречался с ними, испытывал неловкость.

Сегодня он планировал в последний раз провести с ними инструктаж. Через сутки один из немецких товарищей отправлялся в Литву, а другой должен был отправиться в Белоруссию вместе с майором Чепраковым.

Они сидели в небольшой, меблированной квартирке общежития, где сотрудники Управления иногда проводили встречи со своими подопечными. Двери этой служебной квартиры открывались нечасто. Временами она ненадолго заселялась странными, молчаливыми людьми, неохотно идущими на контакт с соседями по дому. У некоторых жильцов это вызывало подозрительность. Война идет, мало ли что. Вдруг это шпионы! Тревожные телефонные звонки особо бдительных граждан несколько раз приводили в общежитие участкового. Зная, за кем числится квартира, милиционер успокаивал соседей: «Командировочные это, с Уральского металлургического

комбината! Прибыли в столицу по вопросам тяжелого станкостроения...» Постепенно жильцы дома оставили в покое неразговорчивых «металлистов».

– Товарищи, кто из вас ответит мне, на какие основные категории Абвер делит разведчиков? – задал первый вопрос полковник, почувствовав, как громко, почти набатно, прозвучало в его устах это привычное слово «товарищи». – Замечу, что на эти же категории делят своих агентов разведки всего мира.

Вопрос не застал немцев врасплох. Переглянувшись, они почти одновременно подняли руки.

– Да, Курт, пожалуйста! – Федулов повернулся лицом к улыбчивому светловолосому Краузе. Этот молодой человек нравился ему своей какой-то неиссякаемой жизненной энергией. «Вот такие и будут строить новую, мирную Германию», – не сомневался полковник.

– Думаю, Абвер не оригинален и делит разведчиков на три основные категории, – начал Курт. – В свою очередь их можно разбить на подкатегории. К первой относятся те, кто оступился, совершил проступок против своего государства, за который может понести наказание. Таких людей проще завербовать, но это не самые надежные агенты. Они лишь инструмент в руках настоящих разведчиков и действуют из страха. Из-за него чаще всего и проваливаются. Ко второй категории я бы отнес тех, кто работает за вознаграждение...

– Говоря проще – продает родину? – улыбнулся Федулов.

– Да, так будет точнее. Это хитрые, ловкие, умные разведчики, не лишённые отваги. Они знают, на что идут ради денег и будущей обеспеченной жизни. Но самая важная, на мой взгляд, – это третья категория. В нее входят люди целеустремленные, готовые ради идеи, в которую свято верят, идти на смерть, зная, что никто этого не увидит и не оценит. Такие люди многим жертвуют: благополучием, семьей, будущим.

– Скажите, а к какой категории вы, лично вы, себя бы отнесли?

Полковник не отводил от молодого человека пристального взгляда.

Лицо Курта, до этого светящееся легкой улыбкой, исполнилось мрачной решимости. Опершись руками в колени, он глубоко вздохнул и без молодецкой бравады ответил:

– К последней. Я хочу увидеть наш народ, подаривший миру известных философов, поэтов, музыкантов, ученых, снова свободным от всяческих предрассудков и националистических идей. За это я готов отдать жизнь, если понадобится.

Удовлетворившись ответом, Федулов качнул головой:

– За это мы все готовы отдать свои жизни. За свободу наших народов. Только предлагаю не торопиться умирать.

– Товарищ полковник, вы всерьез полагаете, что у немецкого народа будет шанс измениться, снова стать свободным от националистических идей Гитлера? – спросил Мюллер.

– Главное, что у немцев будет шанс сохраниться как народ, – ответил Федулов, уловив тайный посыл его мысли, его обеспокоенность. Будет ли советский народ мстить их соотечественникам за ту кровавую бойню, которую немцы учинили на этой земле? Сохранится ли Германия на географической карте как самостоятельная единица, или же ей суждено будет прекратить свое существование? – Идеологи фашизма оболванивали немецкий народ лишь последние несколько лет. До этого такого мракобесия в Германии не было. И я уверен, что скоро немцы проснутся от тяжелого, морфийного сна. И после войны вам предстоит многое сделать, чтобы ваш народ окончательно протрезвел. Именно вам, товарищи, потому что ваших учителей уже почти никого не осталось в живых.

Некоторое время все сидели в задумчивости.

– Мы отомстим! – Краузе сжал кулаки. – За всех наших товарищей отомстим фашистам.

– Скорее бы уже на задание! – воскликнул Мюллер.

– Скажите, вы хорошо изучили структуру немецкой армии? – Федулов встал, прошелся по комнате. – Можете рассказать, что входит в дневной рацион солдат и офицеров?

Прошедшие специальную подготовку, молодые люди, казалось, были готовы к любому вопросу, однако этот заставил их задуматься. Поджав губы, первым выдохнул Ульрих:

– Попробую ответить...

– Надо не пробовать, а точно знать. Именно на мелочах попадают опытные разведчики. Что такое, например, искусственный мед и как его удобнее есть, вы знаете? Или какой сорт сигарет выдают солдатам, а какой офицерам?

– Но зачем нам все это знать? – удивился Курт. – Нас же не на передовую отправляют?

– Ошибаетесь. На войне передовая везде. Вам предстоит встретиться с очень серьезным врагом. Этот враг одинаково ненавидит как немцев, так и русских. И в каждом подозревает шпиона. И только потому, что сейчас он зависит от силы немецкой армии, дружит с гитлеровцами.

– Что это за враг такой? – удивился Ульрих.

– Национализм! Неважно, чей он. Вот вам небольшой пример. Когда армии Вермахта вошли на территорию Литовской республики, то сразу объявили мобилизацию. Думали, что местные юноши охотно начнут записываться в ряды добровольных помощников. И многие литовцы, действительно, взяли в руки оружие, чтобы сражаться против Советской власти. Но было немало и тех, кто стал уклоняться от призыва и прятаться в лесах, точно так же, как перед этим уклонялись от вступления в Красную армию.

– Почему? Разве прибалтийские народы не ждали прихода Гитлера? – удивился Мюллер.

– Поначалу многие так рассуждали: пусть немцы воюют с русскими, а мы подождем, посмотрим, чья возьмет, тогда и решим, с кем быть. Когда

руководство Вермахта попыталось силой заставить местное население воевать, литовцы стали объединяться в отряды и вести партизанскую войну и против советских активистов, и против немцев. Основной девиз этих народов: моя земля – моя страна! Сейчас по всей Прибалтике создается большой змеиный клубок из националистов. В дальнейшем это может создать серьезную угрозу нашей стране. Вот поэтому вы направляетесь в самое логово этого террариума, чтобы помочь нам разорвать клубок. Это и будет ваша передовая.

– Если нам предстоит работать в среде прибалтийских партизан, – догадался Краузе, – то зачем нам знать, что подают на завтрак солдатам Вермахта или какие сигареты они курят?

– Повторяю: плохая подготовка и некомпетентность часто приводят к провалу. Многие прибалты служили в дивизиях СС и других подразделениях и неплохо знают структуру Вермахта изнутри. Вы можете проколоться на мелочах. К примеру, знаете, какими гвоздями подбиты сапоги немецкого солдата и чем они отличаются от русских гвоздей?

– Обычными, – пожал плечами Мюллер.

– Ничего обычного в природе нет. Всему есть имя и оценка. Придется дать вам еще пару дней на подготовку...

Первыми квартиру покинули Курт с Ульрихом. Став у окна за занавеской, Поликарп Матвеевич наблюдал, как они пересекают пустынную улицу. Сзади, в нескольких десятках метров от них шли, делая вид, что о чем-то оживленно беседуют, мужчина с женщиной. Это были сотрудники из отдела охраны.

10

Будущее Сверчку казалось таким же темным и непредсказуемым, как дорога через лес, по которой они возвращались из Минска на базу. Освещенный тусклым светом редких фонарей лагерь спал. Охранявшие его по всему периметру овчарки, устроив ленивую переключку, вскоре утихли. Отказавшись от ужина, юноша пожелал капитану Вовку доброй ночи и отправился в казарму. После долгой утомительной дороги хотелось спать.

Прикрыв глаза, Сверчок лежал, вспоминая дни, проведенные в тихом приморском городке с его уютными улочками и широкой пристанью, где, в ожидании выхода в море, бились бортами друг о друга суда.

Он не заметил, как провалился в сон. В мире зазеркалья Коле привиделись родной дом и мать. Рядом с ней, в длинном платье с ромашковым полем, стояла девушка. Как ни старался напрячь зрение, но разглядеть лицо он не мог и тогда замахал руками, пытаясь рассеять окутавший ее туман. Наконец ему это удалось. Это была Лида. За ее спиной, молодцевато подмигивая, попыхивал дымком дед Захар Степаненко. Вдруг старик нахмурился и, размахнувшись, бросил в него трубку, попав в лоб.

Сверчок открыл глаза и машинально коснулся ушибленного места.

– Ну и горазд же ты дрыхнуть, Николай! – услышал он знакомый голос. Над ним, держа карандаш в руке, склонился улыбающийся сержант Улейкин, командир группы саперов. Рядом стояли еще несколько человек. – Вставай, вставай, боец! Зарядку еще никто не отменял, – весело скомандовал старший сержант Грушин.

– Оставьте парнишку в покое! Видите, как его гражданская жизнь расслабила, – засмеялся Лопата, чем вызвал улыбки на лицах бойцов.

Присев на край койки, Сверчок поджал ноги.

– Вы чего? – смутился он, протирая глаза.

– Как это чего? – хмыкнул Кнутов. – Ты же везунчик! Сначала в госпитале сестричек тискал, теперь, вот, на море смотался. Признавайся, девок щупал?

– Как там, на морях, хороша водичка? Искупаться удалось? – посыпались со всех сторон вопросы.

Покачиваясь после сна, Коля влез в армейские брюки, подаренные товарищами, натянул на себя с чужой ноги сапоги. Собственного обмундирования у него не было. Оно полагалось только зачисленным в штат.

– А как же! – утвердительно закивал он, не желая разочаровывать товарищей. – Мы с капитаном и в море купались, и под всякими пальмами-

магнолиями с красивыми морячками общались. Даже в ресторане посидели с ними!

– А дельфинов видел? – подсел ближе Сергей Шепитько. – Правда, что они говорить умеют человеческим языком?

– Разговаривать не разговаривал, но поплавать с ними удалось, – с серьезным выражением лица проговорил юноша и тут же рассмеялся: – Правда, они были очень далеко и вечером, а мы ближе к берегу и утром.

– Шутишь, да?

– Бог с дельфинами, ты про девок давай! – загорелся нетерпением снайпер Кунгуров. – Верно сказывают, что в море они в панталонах купаются?

До войны он проживал на Северном Урале и о черноморском побережье мало что знал.

– В каких панталонах? Это когда было-то, при царе Горохе? Нынче все в трусах с кружевами ходят! – с серьезным видом знатока изрек Черенков-Лопата.

– Нет, мужики, барышни нынче в костюмах плавают, – заявил старшина Андрусенко. – Мода эта к нам еще до революции пришла из Европы. Я на фотокарточке видел. Там Маяковский со своей дамой в таких стояли.

Представив женщин, плавающих в пиджаках, похожих на мужские, Ленька Кунгуров возмутился:

– Гонишь ты, Циркач. В костюмах же неудобно! Маяковский, может, пьяным был?

– Вот деревня! В купальных костюмах!

Ленька хмыкнул, обидевшись за «деревню»:

– Ну, не знаю, не видал. У нас девки исстари в ночных поддевах в воду заходили, ежели на людях. А когда одни оставались, бывало и нагишом. Выйдет какая-нить краля из речки на берег, вся такая мокрая, аж блестит. Закачаешься!

– И загорали в ночнушках? – загоготал Кнутов.

– Не, нагишом! – Ленька зажмурился, представив в эту минуту себя на берегу родной реки. – Я как-то раз соседку нашу, Нюрку, увидел, – пустился он в воспоминания. – Рыбалил в кустах.

– Рыбалил он, как же! Небось, подсматривали с пацанами за девками?

Кунгуров скривился:

– А ты застукал?

– Ладно, не обижайся, – вступил в их перебранку Лопата. – Так чё там Нюрка?

– Ядреная была! Мокрой ляжкой как сверкнула на солнце, так у меня в грудях все и захолонуло. Душевная красота!

Коле Цвирко нравился этот прямодушный парень из далекого уральского села. Цепким глазом снайпера и прирожденным спокойствием он не раз выручал их в бою.

– Небось, центнера полтора весу было в той «красоте»? – не унимался Кнутов...

Подходило время утренней зарядки. Натянув на мощный торс исподнюю рубаху, старшина Андрусенко двинулся к выходу из казармы:

– Все, парни, выходи строиться на пробежку!

От общей зарядки Сверчок себя не освобождал. Вот только раненая нога все еще не давала бегать наравне со всеми по лесной, утоптанной армейскими сапогами, тропе...

С момента возвращения из Сочи прошло больше недели, но судьба Коли все еще не была решена. Каждый день он ожидал, когда Вовк, сразу после этого убывший в Минск, вернется, и объявит ему, бывшему партизану Николаю Цвирко, что пора собираться домой. Но время шло, а офицер все не появлялся в лагере.

Нынешнее утро начиналось, как обычно, с зарядки. Проводив взглядом выбежавших за КПП товарищей, Сверчок повернул на спортплощадку, собираясь размяться. В этот момент внимание его привлек урчащий звук двигателя автомобиля, въезжавшего на территорию лагеря.

Сверкая на скупом сентябрьском солнце темно-зеленой полировкой, к административному зданию подъехал «БМВ» и припарковался рядом с «эмкой» подполковника Циунчика. Из салона вышли четверо: трое военных и мужчина в гражданском. Заметив среди них капитана Вовка, Сверчок хотел немедленно обратиться к нему. Дальше находиться в отряде на птичьих правах он не желал. Но, увидев рядом майора Чепракова, с которым только недавно виделся в Сочи, Коля скользнул в сторону.

Федор Иванович успел заметить паренька и приветливо помахал ему рукой. Коротко козырнув выскочившему из здания дежурному офицеру, он проследовал внутрь. Следом неотступно шагали невысокого роста чернявый старший лейтенант и молодой светловолосый мужчина, с интересом озиравшийся по сторонам.

Доложив начальнику лагеря о прибытии, майор Чепраков представил подполковнику Циунчику сопровождавших его старшего лейтенанта и немецкого товарища. Попросив, как можно удобнее устроить последнего, Федор Иванович спустился во двор. К этому времени вернувшиеся с пробежки разведчики, узнав от Коли о приезде их старого командира, собрались возле здания администрации, ожидая встречи с ним.

Заметив появившегося на ступеньках улыбающегося майора, старшина Андрусенко собрался скомандовать «стройся», но Чепраков остановил его:

– Вольно, вольно!

Громко поздоровавшись и получив в ответ мощное «Здравия желаем, товарищ майор!», Федор Иванович окинул собравшихся взглядом.

– Сколько человек в отряде? – обратился он к старшине Андрусенко.

– Восемьдесят, товарищ командир! – ответил Циркач. Затем, оглянувшись на стоявшего за его спиной Николая Цвирко, добавил: – Или восемьдесят один, точно не знаю.

– С вновь прибывшими товарищами я познакомлюсь чуть позже, – сказал Чепраков, – а пока всем разойтись!

Получив команду, старые бойцы, служившие под его руководством, окружили командира. Чепраков с каждым поздоровался за руку.

– Товарищ майор, вы к нам погостить или как? – голос Андрусенко наполнился ожиданием.

Обступив офицера, замерли в ожидании ответа и остальные.

– Если не прогоните, будем вместе до окончания войны, – пошутил офицер, взглянув на подошедшего Вовка.

– Федору Ивановичу поручено возглавить наш новый отряд! – объявил капитан, чем явно обрадовал присутствующих. – Я не стал заранее ставить вас в известность. Боялся, как бы наверху не переиграли. – И Коле Цвирко наказал молчать.

– А как же вы, товарищ капитан? – донеслось из толпы.

Тронув офицера за локоть, майор Чепраков торжественно объявил:

– Товарищи, представляю вам своего заместителя! Как видите, мы снова вместе будем бить врага, пока не очистим нашу землю от последнего фашиста. – Сзади кто-то кашлянул. Чепраков обернулся. Только сейчас многие заметили стоявшего все это время чуть поодаль молодого офицера. – А вот и наш новый замполит! Прошу любить и жаловать – старший лейтенант Вершинин Юрий Игнатьевич! – представил он его. – Между прочим, опытный разведчик! За его плечами не один десяток вылазок в тыл врага, а на счету семь «языков».

Нового политрука бойцы встретили сдержанно. Им еще помнился комиссар Строжевский, которого в отряде недолюбливали.

Дождавшись, когда первые радостные мгновения встречи прошли, Сверчок приблизился к командиру.

– Федор Иванович, а что со мной решили? – поднял он глаза на майора.

– А что с тобой? – Офицер стянул лоб, приподняв правую бровь в немом вопросе. – Ах, с тобой! Ну, как и говорил капитан Вовк, собирайся, поедешь к родным. – Увидев, как поникло лицо юноши, майор улыбнулся: – Как боец Красной армии поедешь! Иди, возьми в машине сверток. Там твоя форма. Ее еще надо успеть подогнать по росту. Сегодня вечером примешь присягу, а

утром отбудешь вместе с... – оглядев бойцов, Федор Иванович кивком головы указал на Лопату, – с ефрейтором Черенковым. И советую, красноармеец Цвирко, – голос офицера приобрел командирские нотки, – долго там не задерживаться! Одна нога дома, другая – здесь.

Охваченный неожиданной радостью, юноша вытянулся в струну и на одном дыхании выпалил:

– Есть, одна нога там, другая – здесь, товарищ майор! – и тут же бросился к автомобилю.

Оставив повеселевших бойцов, офицеры повернули назад, к зданию администрации.

11

Отряд свой майор Чепраков разделил надвое, оставив за собой общее руководство. Большая группа хорошо вооруженных людей, внезапно и неизвестно откуда появившаяся в приграничном с Литвой районе, могла насторожить бродивших по лесам националистов. Одну группу он возглавил вместе со своим новым замполитом, Юрием Вершининым. К радости командира, старший лейтенант довольно быстро нашел общий язык с бойцами. Другую группу возглавил капитан Виктор Александрович Вовк. Для посторонних это были два независимых друг от друга отряда.

Не одну неделю скитались разведчики по лесам, сталкиваясь с небольшими, разрозненными группками националистов из «Белорусской независимой партии», «Белорусской народной громады» и «Союза белорусской молодежи». Имея численное превосходство и возможность уничтожить неприятеля, бойцы «СМЕРШ» всякий раз уходили от столкновений. Не вступили в бой и с украинцами из УПА – повстанческой армии, боровшейся против Советов у себя на родине, остатки которой поддерживали связь с прибалтами и польскими националистами. Наоборот, вице-фельдфебель Кондрат Матюшин, под чьим именем сейчас действовал майор Чепраков, постарался сблизиться с ними. Он надеялся, что весть о появлении его отряда, «лесная почта» донесет до Андреаса Урбонаса. Этот литовец, руководивший на

юге Литвы второй по численности крупной бандой, был сейчас для майора спецотряда НКГБ куда важнее, чем ликвидация нескольких десятков врагов.

Однако Урбонас, опасаясь охотившихся за ним сотрудников советских спецслужб, неохотно шел на контакт с незнакомыми людьми. Не доверял он и многим своим землякам, среди которых могли быть и те, кто, прикрываясь идеей «великой освободительной войны», действовал на стороне советской власти.

Чепраков тщетно искал пути сближения с отрядом Андреаса Урбонаса. Наконец ему удалось выйти на него через украинских националистов. После некоторого молчания литовец согласился прислать своего связного для переговоров.

Луна, пугливо выглянув из-за туч, выхватила чернеющий глазницами окон бревенчатый домик, сиротливо стоявший в окружении стеной поднимавшегося леса. Встревожено вздыхал на осеннем ветру молодой березняк, рассыпавшийся перед невысокой плетенкой из ракитника. Несколько чепраковцев, одетых в форму вспомогательных подразделений шуцманшафта, приблизились к избе с восточной, подветренной стороны и остановились, прислушиваясь.

Царапая лицо обледенелыми ветвями, Сверчок проскочил невысокую березовую поросль, ловко перемахнул через ограду и, выскочив на небольшую поляну перед домом, притаился за могучим стволом старой осины. Чуть в стороне от нее под пронизывающим осенним ветром раскачивались несколько сосен. Цепляясь друг за друга ветвями, они издавали звуки, похожие на чей-то протяжный стон.

– Николай, вперед без команды не вырывайся! Напорешься на засаду, – услышал Сверчок позади себя тяжелое дыхание командира.

– Слушаюсь, товарищ майор! – виновато произнес юноша.

– И никаких майоров, забыл?

Забыл. Конечно, забыл. Юноша все никак не мог привыкнуть к их новой роли – роли полицейев.

– Виноват, господин вицефельдфебель. – Боковым зрением Коля заметил, как старшина Андрусенко вместе с Куртом Краузе побежали к соснам.

– Хорошо, что собак нет, – прошептал Федор Иванович, рассматривая подходы к домику. – За версту бы учуяли нас.

Скользнув лучом по двору, ночное светило вновь исчезло за тучами. Черное, почти беспросветное покрывало опустилось на лес. Сверчок оторвался от ствола, присел на корточки рядом с командиром, вытерев рукавом полицейской куртки вспотевший лоб.

– Кажется, в доме никого нет, пустой стоит.

Федор Иванович поправил кобуру на поясе:

– Сейчас проверим.

Предупредив, чтобы оставался на месте, командир вместе с подоспевшим старшим сержантом Грушиным побежали за ближайший угол избы. Окон задняя стена дома не имела, так что с этой стороны их никто бы не заметил.

Сверчок всегда восхищался тем, как Олегу Грушину, этому здоровяку, весившему никак не меньше центнера, удавалось так легко, почти бесшумно передвигаться. Казалось, под его тяжелыми сапогами не зашуршит даже осыпавшаяся с деревьев пожухлая листва.

Услышав короткий призывный свист, бойцы со всех сторон потянулись ко входу. Замка на двери не оказалось. Отодвинув деревянный засов, первым внутрь, подсвечивая себе карманным фонариком и соблюдая осторожность, вошел Сергей Шепитько, один из саперов отряда. Обнаружив в центре большого прямоугольного помещения стол, на котором стояла «летучая мышь», он полез в карман за спичками.

– Пока не зажигай! – приказал командир, входя следом.

Скоро вся комната наполнилась людьми. Присев на край стоявшего у стены длинного узкого топчана, ефрейтор Черенков опустил автомат на колени и протяжно зевнул:

– Долго нам тут торчать?

– Встреча на полночь назначена, – ответил Федор Иванович, прикрывая ближайшее к нему окошко куском висевшей здесь же черной рогожки.

То же самое со вторым окном проделал и Шепитько. Теперь можно было и зажечь лампу.

Тусклый свет вырвал из темноты лица собравшихся, а по стенам побежали пьяные тени. Скрипнув петлями, входная дверь снова отворилась, и в помещение, по всей видимости служившее одновременно и кухней, и спальней, вошел, пропуская вперед Краузе, старшина Андрусенко. Сорвав висевшую у входа на гвозде ветошь, он стал усиленно протирать запачканную чем-то ладонь.

– Кто-то совсем недавно был здесь, – негромко произнес Циркач. – За углом дома свежеврытая яма, а в ней еще не слежавшаяся от сырости зола.

– Только зола и больше ничего? – хмыкнул многозначительно Сергей Кнутов. – Обычно золой присыпают...

Сидевший рядом Черенков ткнул дружка локтем в бок.

– Не надо при командире! – прошептал он.

– А что тут такого? – передернул плечами Кнут. – Не хотелось бы, чтобы здесь завоняло вражьим гов...

– Заткнись!

Очередной удар по ребрам оказался намного ощутимее. Ойкнув, Кнутов переломился в спине:

– Да понял я, понял!

Вид скорчившегося от боли товарища вызвал у присутствующих приступ неудержимого хохота. Это помогло ненадолго снять напряжение, в котором бойцы пребывали, ожидая встречи с хитрым и опасным противником. И только Курт Краузе продолжал сидеть с угрюмым лицом, о чем-то напряженно думая.

– Волнуетесь? – Федор Иванович тревожно повернул голову к сидевшему за столом немцу.

– Немного, – честно признался Краузе, поднимая воротник гражданского пальто, надетого поверх формы офицера ГФП – тайной полевой полиции.

– Не стоит. Лучше погрызите вот это, помогает успокоиться. – Командир положил перед ним кусочек колотого сахара. – Легенда у вас отличная, и играть вам особо не придется, поскольку жить будете под собственным именем. Так что особых поводов для волнения я не вижу.

Краузе предстояло внедриться в банду одного из одиозных командиров «Фронта литовских активистов». По легенде он еще летом попал в окружение партизан, но чудом избежал плена, оказавшись единственным немцем, спасенным полицейскими из районной управы. И теперь вместе с ними пробивался в Литву, чтобы оттуда переправиться в Польшу, где находились части Вермахта.

Мрачное, с закопченными стенами помещение набиралось человеческого духа. Табачный дым и запах махорки проникал во все углы. Федор Иванович отвел в сторону рогожку, горячим лбом приник к холодному стеклу. Прислушиваясь к звукам извне, он незаметно для себя погрузился в воспоминания о Москве...

С полковником Федуловым они встретились на следующий день, как и было оговорено. В этот раз дружеских объятий не было. Раздувая широкие ноздри, Поликарп, явно о чем-то сосредоточенно размышляя, сухо предложил ему занять место за столом.

– Чуть позже я познакомлю тебя с одним контрразведчиком, – начал он издалека. – Это наш немецкий товарищ. Обратно полетишь вместе с ним на транспортнике.

Федор вскинул голову:

– Какова его роль в моем отряде?

– Немца необходимо внедрить в банду так называемых литовских партизан под руководством Андреаса Урбонаса...

Через несколько минут Чепраков знал о задании Курта Краузе почти все.

– Учти: провала не должно быть! Места эти ты хорошо узнал за время своей партизанской деятельности, так что разберешься, что к чему. Детали

плана разработаешь самостоятельно. Чем сможем – поможем, но особо не надейся. Действуй по обстановке. – В голосе полковника затеплились доверительные нотки. – Федор, ты должен знать, что на том направлении работают и другие спецгруппы «СМЕРШ», и отряды НКВД. У меня надежда на тебя. Запомни фамилию и другого нашего агента – Ульрих Мюллер.

– Тоже немец? – удивился майор.

– Это товарищ Курта. – Федулов показал фотокарточку человека в форме германского офицера. – Они вместе бежали из Германии. Мюллера мы собираемся внедрить в другую банду. Возможно, вы где-то пересечетесь...

Была еще одна встреча с Федуловым. Уже перед самым отлетом майора, Поликарп Матвеевич взял его с собой, отправляясь с докладом к начальнику Главного управления контрразведки «СМЕРШ».

Федор Иванович впервые виделся с создателем и всесильным руководителем «СМЕРШ», комиссаром второго ранга Абакумовым. О его непростом характере ходило немало слухов.

Виктор Семенович встретил их сдержанно. Почему-то выражение его лица Чепракову напомнило темный лес, притихший перед бурей.

– По данным нашей разведки, – начал Абакумов, внимательно изучая майора, – в Литве действуют несколько крупных формирований националистов. Руководители каждой из них видят себя во главе будущей свободной, как они полагают, республики. Конечно, свободными они никогда не будут, поскольку малые народы всегда нуждаются в поддержке более крупных и сильных государств, но в оптимизме им не откажешь. Одной из таких банд руководит некий Арвидас Станкявичус. Это гражданин Литвы, офицер, служивший в «Литовском территориальном корпусе», а затем в так называемой «Армии обороны отечества»...

Встав из-за стола, Виктор Семенович подошел к карте, висевшей на стене. Не дожидаясь команды, офицеры поднялись и стали рядом.

– Создана она совсем недавно, летом этого года. – Абакумов повернулся к Чепракову. – Противник он весьма умный и коварный. Ради достижения

поставленной цели пойдет на все. По нашим агентурным данным Станкявичус один из тех, на кого делают ставку наши союзники из-за Ла-Манша. На сегодняшний день основные его силы сосредоточены где-то здесь. – Виктор Семенович прочертил указкой треугольник на карте между Польшей, Литвой и Белоруссией, где зеленым ковром раскинулся лес. – Очень удобное место, надо заметить. Всегда можно скрыться в одной из трех республик. – Офицеры вновь вернулись за стол. – В отряде Станкявичуса без малого четыреста человек. К нему мы забрасываем Ульриха Мюллера.

– Я так понимаю, что нашим агентам предстоит убрать командиров бандитских отрядов? – спросил майор Чепраков.

– Пока это не входит в наши планы, – ответил Абакумов. – Толку мало! Уничтожим одних, на их место станут другие. Только зря потеряем своих людей. К тому же бандформирований разного калибра на этих территориях много, за всеми не уследишь. Нам нужно, чтобы они собрались воедино – литовцы, латыши и эстонцы. Этим сейчас и занимается Абвер по заказу своих заокеанских партнеров. Ими подготовлены так называемые координаторы. Сколько таких людей – никто не знает, но среди них есть один, самый главный. Его называют куратором координаторов. Скоро он прибудет в Литву, и наша задача узнать его и попробовать перевербовать. Это бы дало возможность в нужный момент арестовать сразу все ключевые фигуры...

Еще полгода назад от источника из Великобритании в Управление контрразведки НКГБ поступила достоверная информация о том, что в скором времени в Литву должен прибыть специальный агент, которому было поручено скоординировать действия националистических банд всех трех прибалтийских республик, а также прибывающих к ним отрядов из Украины и Белоруссии. Агент этот, подготовленный Абвером, чья верхушка с некоторых пор активно сотрудничала со спецслужбами США и Соединенного Королевства, должен был в определенный час поднять всеобщее восстание против Советской власти во всех трех прибалтийских республиках. Стало также известно, что данная

масштабная акция намечена на случай поражения Германии в войне с Советским Союзом, не позднее, чем через три-шесть месяцев.

Предположив, что куратор может связаться с одним из крупных отрядов, Абакумов решил внедрить в некоторые из них своих людей...

Руководитель Управления «СМЕРШ» повернулся к Чепракову:

– Итак, майор, готовьтесь к операции! У вас будут особые полномочия. При необходимости можете привлекать любые армейские части из тех, что будут рядом. Соответствующую бумагу возьмете у полковника Федулова.

12

Лес спал, погрузившись в непроглядную темень. Время от времени стены избы содрогались от порывистого осеннего ветра. В домике было холодно, но печь разжигать не стали. В лесу запах печного дыма разносится далеко.

Уронив голову на грудь рядом с задремавшим Циркачом, Сверчок вспоминал свою последнюю встречу с матерью и сестрой...

Увидев в сенях живого и здорового сына, одетого в форму красноармейца, с двумя серебристыми медалями на груди, Акулина Цвирко не сдержала эмоций. Вскрикнув, она бросилась ему на шею. Не скоро удалось Коле успокоить мать. Наконец, высушив глаза уголком головного платка, женщина захлопотала у печи.

– Надолго приехали? – с волнением поглядывая на прибывшего с сыном рыжеволосого, веснушчатого ефрейтора Черенкова, поинтересовалась она.

– Дня на три, – ответил Сверчок, обняв притихшую рядом с ним на кровати сестричку Аню. – Служба, сама понимаешь! – виновато потупил он взор.

Видя, что женщина огорчена, Павел Черенков, рассматривавший висевшие на стене в большой раме за стеклом семейные фотографии Цвирко, решил прийти товарищу на помощь:

– Да вы не расстраивайтесь, Акулина Борисовна! Нас тут на днях на Кубань отправляют в длительную командировку. Будем охранять военные

объекты. От передовой это далеко, так что Коле ничего не грозит. Можно сказать, на курорт едем: море, солнце, фрукты!..

Ни в какую Кубань Акулина, конечно, не поверила. Она давно подчинилась судьбе и теперь с замиранием сердца ждала часа, когда сын покинет ее. Сжав в комок свою исстрадавшуюся материнскую душу, женщина почти простонала:

– Море!.. Море – это хорошо!

Нет, плакать она не будет. Ее герой-сын не должен видеть материнских слез. Это потом, когда он оставит родительский дом, Акулина даст волю чувствам, моля в слезах Господа, чтобы даровал жизни ему и его боевым товарищам. За всех матерей помолится.

Сверчок вдвоем с Лопатой, откомандированным ему в помощь, навезли из лесу дров, накололи их на зиму, подправили рассыпавшееся крыльцо и прохудившуюся старую крышу дома, и к обеду четвертого дня засобирались в райцентр.

Коля страстно желал повидать Лиду. Узнав об этом, Павел решил покинуть его на станции, куда они прибыли. Договорившись, что встретятся вечером на этом же месте, Лопата отправился искать угол на двоих для ночлега, справедливо полагая, что в разрушенном войной городке сделать это будет нелегко...

Стук в дверь отвлек девушку от уборки. Отворив ее, Лида от неожиданности замерла, увидев перед собой Колю Цвирко в новенькой форме красноармейца. Прижав руки к груди, она в следующую секунду юркнула в соседнюю комнатку и уже оттуда крикнула: «Ты проходи, я сейчас...»

Несколькими минутами позже, переодевшись в чистое платье, она вновь показалась перед ним, застывшим в прихожей все в том же тревожном ожидании. Николай боялся, что разговор у них с Лидой не склеится...

Пригретые нежарким осенним солнцем, они прогуливались по центральному парку, разбитому перед самой войной. Уцелевшие от войны деревья стыдливо оголялись, роняя на молодых последнюю золотистую листву.

Шли молча, не касаясь друг друга. Временами Сверчок искоса поглядывал на Лиду. За то время, что не виделись, он заметно подрос, но все еще отставал в росте, поэтому старался тянуться на носках, дабы сравняться с ней.

Заметив это, Лида улыбнулась про себя. Обратив внимание на его небольшую хромоту, она произнесла с сочувствием:

– Как нога, болит? Я так переживала за тебя, когда узнала.

– Правда?

Они свернули на соседнюю дорожку, по сторонам которой росли березы. Коля был тронут признанием девушки, но по-прежнему старался не смотреть на нее. Боялся прочесть в ее глазах смертельный приговор своей любви.

Лида замедлила шаг, повернулась к нему лицом:

– Правда! Очень переживала, даже плакала.

Необыкновенное волнение охватило его грудь. Остановившись, Николай взял ее руки в свои и поднес к губам...

Вечером, прощаясь возле дома Лиды, Сверчок, по-прежнему робея, неуклюже притянул ставшее вдруг безвольным тело девушки, и их губы на короткий миг соединились в поцелуе.

– Ты, пожалуйста, береги себя! – смутившись, промолвила Лида, уткнувшись лицом в его грудь. – Не геройствуй! Знаю я тебя...

Все еще как наяву Сверчок вспоминал шепот нежных губ своей возлюбленной, когда в ночной тишине за стеной избы внезапно послышался шум.

Майор Чепраков взял со стола пистолет:

– Ну, кажется, «гости» прибыли!

Сбросив остатки сна, все, кто был в помещении, пришли в движение. Трое – Циркач, Лопата и Кнут – взяв оружие наизготовку, тихо, по-кошачьи, приблизились к двери, но открывать ее не стали.

– Курт, вы остаетесь на месте! – негромко приказал немцу Федор Иванович. – Не забывайте: русский язык вы не знаете. Помните об этом всегда.

Краузе послушно кивнул.

Распахнув дверь, Чепраков-Матюшин первым шагнул наружу. Небо к этому часу успело немного очиститься от туч, и луна высветила часть двора, обрисовав фигуры вынырнувших из-за угла нескольких человек. Сопровождаемые караульными, к нему подошли трое незнакомцев. Не убирая палец с курка немецкого пистолета-пулемета, старшина Андрусенко выхватил острым лучом карманного фонарика их лица из темноты.

– Ночь в помощь! – прикрыв ладонью глаза от ослепляющего света, произнес один из них. – Похолодало! Огоньком не поделитесь? – поинтересовался он.

Это были ожидаемые слова пароля. Циркач отвел луч в сторону.

– Поделимся, как не поделиться с хорошими людьми?! Махоркой не угостите? – ответил в свою очередь Чепраков, опуская руку в карман зимней полицейской куртки.

– С русской махоркой у нас плохо. Могу угостить «Оберстом», – сверкнул в ночи белыми зубами рослый литовец.

Сигареты этой марки поставлялись в войска вермахта. Закончив обмен паролями, Чепраков представился:

– Кондрат Матюшин! Вице-фельдфебель взвода шумы. Бывший! – поправился он.

– Вилкас! – Мужчина пожал протянутую руку. – Сорока передала, что ты хотел встретиться с нами?

– Сороки в этих местах дюже говорливые, – выдавил улыбку «Матюшин», оценивая силу рукопожатия. – Ты где так по-русски говорить научился? – искренне удивился Чепраков, обратив внимание на легкий, почти незаметный акцент прибалта и то, как бегло он разговаривал. – Ваша республика, вроде как, только недавно в СССР вошла!

– Я до войны в Ленинграде учился, – неохотно ответил литовец. – Архитектором хотел стать. Говори, зачем позвал?

Приняв предложение «Матюшина» переговорить в доме, Вилкас оставил своих людей ожидать снаружи, а сам вошел внутрь. Увидев при свете лампы несколько вооруженных людей, одетых в полицейскую форму, он не сдержал ухмылки:

– Это что, все твои люди?

Сделав вид, что не замечает сарказма в его словах, Чепраков ответил:

– За мной почти взвод! Было больше, да красноармейцы недавно чуток потрепали. Хотя им от нас больше досталось.

– Что, много положили? – все с той же иронией спросил связной Урбонаса.

– Могли и больше, если бы объединились с другими отрядами. Собственно, по этому поводу я и хотел переговорить с вашим старшим. Как его, Андрей, кажется?

– Андреас! – поправил его Вилкас, перестав ухмыляться. – Всех не перестреляешь! У Советов много людей. Надо ждать, когда немцы вернутся.

«Матюшин» громко расхохотался:

– Немцы? Нет, эти уже вряд ли вернутся. Теперь ставку надо делать на другие силы. – Командир особого отряда «СМЕРШ» пытался направить разговор в нужное ему русло. Он хорошо знал, за какие душевные струны дергать националистов. – Буду с тобой откровенен. Я считаю, что на наших землях хозяевами должны быть только мы. Согласен? Понимаю, пока это невозможно, поэтому мы с вами и вынуждены опираться на всяких «друзей». Вчера это были немцы, а завтра... Завтра, может, кто-то другой станет. Впрочем, я об этом пока умолчу. Не знаю, что вы за фрукты такие и кого поддерживаете.

Вилкас задумчиво посмотрел на «Матюшина». Еще только войдя в помещение, он заметил сидевшего в стороне от всех человека, под распахнутым пальто которого виднелась форма немецкого офицера.

– Кто это? – качнув головой в его сторону, поинтересовался литовец.

– А, обер-лейтенант Краузе, – отмахнулся «Кондрат». – Он у нас спецсвязью заведовал. Когда на город напали партизаны, Курт со своей бригадой на линии был. Солдат его всех перебили, а сам он едва ноги унес. Прятался в какой-то яме, пока мы случайно не напоролись на него. С тех пор так с нами по лесам и скитается. – «Матюшин» глянул на несчастное лицо немца, и голос его смягчился. – Так-то человек он неплохой. Только совсем уж не приспособлен к войне. Я пообещал переправить его к соотечественникам, только где они? Нет их, сбежали! А ты говоришь – вернутся. Говорю же, ставку надо делать на более сильные государства.

И снова литовец никак не отреагировал на слова Чепракова. Не отводя глаз от взлохмаченного, заросшего многодневной щетиной немца, смотревшего на него испуганными глазами, он уверенно промолвил:

– Германия сильна! Ее армии еще вернутся.

– Да плевать на них! – «Матюшин» скривил рот, словно его вот-вот стошнит. – Ты думаешь, я германцам из-за большой любви к ним служил? Просто надеялся, что они помогут нам скинуть Советскую власть. Потом бы мы и им по первое число надавали.

Чепраков знал: это была любимая тема прибалтов. В действительности, такая наивность умиляла майора.

Вилкас ухмыльнулся, слушая «Матюшина», человека, по всему виду, недалекого.

– Разве вы не слушаете радио? Отступление это временное, тактическое. Гитлер заявил, что скоро его доблестная армия получит новое, невиданное до сих пор по мощности оружие. Вот тогда и будет нанесен сокрушительный удар по коммунистам.

– Ну, будет или нет – то бабка надвое сказала! Твой Гитлер еще в сорок первом обещал Москву взять, а сам у Сталинграда зубы сломал. Ему даже свои перестали верить. – Чепраков повернулся к Курту, незаметно подмигнул. – Вон, можешь его спросить. Жаль, только, что он по-русски не бельмеса.

По лицу несчастного Краузе пробежала какая-то безысходная, и от того казавшаяся глупой, улыбка. Немецкий антифашист правдоподобно играл роль измученного тяжелыми условиями лесной жизни человека.

Однако и Вилкас неплохо справлялся со своей. Делая вид, что их разговор ему, в действительности, не очень-то и интересен, он протяжно зевнул, бросив лениво в воздух:

– И кого ты вместо немцев видишь?

При этом шея его вытянулась, напряглась. Майор Чепраков почувствовал, как набатно, словно колокол, застучало в груди сердце. Похоже, заброшенная им наживка заглатывалась врагом. Теперь важно было не переиграть.

– Ну, об этом как-нибудь потом, если сдружимся, – отмахнулся «Матюшин». – Я тебе другое скажу. Глупо получается, не находишь? Мы, вроде как, вместе против Советов боремся, а всё порознь. Предлагаю объединиться.

– Зачем? – недоумевающе пожал плечами Вилкас. – Вы воюете за Белоруссию, мы – за свою страну. Зачем нам объединяться?

– М-да, не державный ты человек! – разочарованно бросил «Кондрат», недовольно махнув рукой. – Узко мыслишь. Ваш командир так само думает? Мне хохлы сказывали, будто он человек вразумительный, глубже своих хуторских помощников рассуждает.

Сравнение с малограмотными хуторянами оскорбило литовца:

– Не переживай. У Урбонаса прекрасное юридическое образование. Он знает, что делает. А украинцам не верь. Эти на каждом шагу болтают разное. Нам, к примеру, тоже кое-что про тебя рассказали, господин Матюшин, – с неким вызовом в голосе сообщил Вилкас.

Федор Иванович натужно улыбнулся.

– Да? Ну-ка, ну-ка! И что же?

Напряжение командира передалось находившимся в комнате бойцам.

– Говорили, что ты в своем районе сильно наследил. В расстрелах лично участвовал. Дома коммунистов сжигал.

– А, это?! – Чепраков свободно задышал. Он вспомнил, как однажды, встретившись с украинскими националистами, много и охотно привирал о своих, якобы, карательных похождениях, отождествляя себя с настоящим Матюшиным. «Выходит, донесли все же? – обрадовался он. – Сыграли на руку!» – Было такое, чего уж, – не стал он отнекиваться.

– Энкаведешники, наверное, до сих пор тебя разыскивают! – Вилкас разжал в ухмылке тонкие губы. – Не боишься, что сдадим?

– А смысл? В предательстве должна быть выгода. А какая вам с того польза?

– Поживем – увидим. Ты что-то про объединение говорил! Есть повод отличиться, а заодно и свою преданность нашему общему делу доказать. Готовы?

Этого майор Чепраков ожидал и боялся одновременно, понимая, что проверку, скорее всего, придется пройти кровью. Демонстрируя немедленную готовность к сотрудничеству, он подался вперед:

– Говори, что надо делать!

– Хотим один склад взять. Он здесь, в этом районе. Красноармейцы его в лесу оборудовали. Своят туда оружие, боеприпасы.

Чепраков оживился:

– Откуда такая уверенность, что там оружие? Может, провиант собирают для фронта?

– Оружие, – стал настаивать Вилкас. – Сколько, говоришь, у тебя людей, взвод?

– Взвод, – согласно кивнул «Матюшин». – Истинное количество бойцов в двух своих отрядах Федор Иванович намеренно не стал раскрывать. – И оружие кое-какое имеется: винтовки, автоматы. Вот только патронов у нас маловато, и гранат совсем нет.

Задумавшись, Вилкас стал теребить ремень своего автомата, после чего резко встал, закинул его за плечо:

– Хорошо, я передам Урбонасу твою просьбу объединиться.

– Предложение! – поправил его Матюшин-Чепраков. – Во всякой просьбе есть элемент унижения, а я предлагаю.

Вилкас ухмыльнулся:

– Как скажешь! Ждите, скоро свяжемся с вами.

Не сказав больше ни слова, он направился к выходу.

Федор Иванович боковым зрением заметил нетерпеливый жест Курта Краузе, требовавшего остановить литовца.

– Ну что, болезный, ждешь утреннего кофе? – повернувшись, нарочито громко воскликнул он, желая привлечь к немцу внимание Вилкаса.

– О, я-я, каффи! – закивал Краузе, всем своим видом изображая крайне несчастного человека.

– А нету кофе! Все, закончился! Ты еще ванну попроси, белье свежее. И как только фрау муттер тебя воевать отпустила, жалкий ты человечешко?!

«Матюшин» отпустил грязное словцо в адрес офицера.

Уже в дверях Вилкас обернулся:

– Вы что, не можете обеспечить его кофе?

Чепраков развел руками:

– И где его взять в наших лесах? – В следующую секунду лицо его исказилось злобой. – Откровенно говоря, нас этот нытик уже достал. Боюсь, хлопнут его мои мужички когда-нибудь.

– Это мы запросто, – оскалился Лопата, демонстративно перезаряжая оружие.

«Дикари!» – подумал Вилкас. Внешне не выказывая особого интереса к гитлеровскому офицеру, он предложил:

– Если мешает, я могу забрать его с собой!

Лицо «Матюшина» расплылось в ухмылке:

– Что, и кофе найдется?

– У нас всё найдется.

– Сделай одолжение, забирай! – обрадовался «Кондрат». – Если есть возможность – переправьте его к соотечественникам. Болезненный он какой-то! Не ровен час, еще загнется в нашей болотной сырости.

– Есть такая возможность, – заверил литовец Чепракова, не осознавая в этот момент, что выдает важную информацию.

Федор Иванович был доволен. Практически по собственной инициативе Вилкаса ему удавалось перекинуть Курта в отряд Урбонаса. Это должно было поднять доверие литовцев к «Матюшину». Обрадовала майора и неосторожно оброненная литовцем фраза об имеющихся у них контактах с гитлеровцами.

Показав на Вилкаса, «Кондрат» велел Курту:

– Иди с ним, герр Краузе! Гех-гех!

Лицо обер-лейтенанта сделалось испуганным:

– Варум?

– Иди-иди, не бойся, не обидят!

Проводив долгим взглядом скрывшихся в лесу литовцев, Чепраков скомандовал:

– Всё, уходим!

– Федор Иванович, вы уверены, что Курт нас не сдаст? Все-таки немчура!
– беспокоился старшина Андрусенко.

– Не о том думаешь, Саша, – качнул головой майор. – Этот немец фашистов больше нашего ненавидит. Они его родину уничтожили. Сейчас важно, чтобы Краузе не прокололся на допросе, – задумчиво произнес командир.

– А его что, допрашивать будут? – воскликнул Сверчок, державшийся все время в тени.

– Тьфу ты, напугал! – выругался Циркач. – Выучили на свою голову ходить незаметно!

– Допрос не допрос, но расспрашивать обязательно будут. Кто он, откуда и как к нам попал. Им нужно удостовериться, те ли мы, за кого себя выдаем.

– Ну, с этим у нас все в порядке. Бумаги подлинные. – Циркач перекинул автомат со спины в руку, подготовившись уходить. – Я вот все думаю, не проще ли было оформить на нас липовые документы? А что если кто-то знал настоящего Матюшина или его полицаев?

Мысль эта беспокоила майора Чепракова еще в Москве, но полковник Федулов, кому принадлежала идея, думал по-другому. В одной из папок капитана Хойера, найденных Сверчком в лесу, обнаружился полный список сотрудников взвода Матюшина. Немцы часто оформляли документы в нескольких экземплярах, и Поликарп Матвеевич не исключал, что в любой момент у националистов, связанных с гитлеровцами, могла всплыть копия этого списка. В таком случае у Андреаса Урбонаса не возникло бы сомнений в подлинности отряда.

Федор Иванович даже предположить не мог, сколь пророческими окажутся слова старшины Андрусенко. Очень скоро над ним нависнет опасность быть разоблаченным.

Пробежав километра три, бойцы остановились на короткую передышку. Достав из кармана небольшой блокнот и фонарик, Чепраков отошел в сторону и химическим карандашом быстро набросал на листке короткий текст.

– Циркач, возьми с собой двоих-троих бойцов и дуйте к «болотному домику», – приказал он, протягивая записку старшине Андрусенко. – Передашь Григорию, чтобы немедленно отправил это в Центр. Если что – бумажку уничтожить! Ждем вас обратно к обеду. И да, возьми Колю Цwirко, – велел он напоследок. – Пусть развеется с вами. Может, кого из старых знакомых встретит.

В темноте Сверчок не заметил, как майор загадочно подмигнул старшине.

В отряде Чепракова было два радиста. Один находился в группе капитана Вовка. Второго Федор Иванович держал на старой охотничьей заимке, расположенной в труднодоступной болотистой местности, в нескольких километрах от их основной базы.

О небольшом срубе, или «болотном домике», как называл его командир, в отряде знали немногие. Старшина Андрусенко был одним из тех, кому дорога к нему была известна. Выступили не мешкая, и через два часа вместе с Колей Цвирко и двумя закадычными друзьями, ефрейторами Павлом Черенковым и Сергеем Кнутовым, подошли к болоту.

Тайными тропами, подсвечивая путь немецким армейским фонариком, Циркач вел бойцов по заметкам, оставленным ранее. Их он определял даже в темноте. Еще через час, пройдя кабаньим затропком через заросли болотного аира, они вышли к крохотному, площадью не больше гектара, островку взбугрившейся земли, где укрытый от посторонних глаз густым подростом ивняка, стоял, ссутулившись от времени, небольшой обомшелый сруб.

Их заметили раньше, чем разведчики услышали приглушенные голоса людей. Слегка растворив дверь, кто-то бесшумно выскочил и исчез в ближайших кустах. Старшина Андрусенко уже собирался выкрикнуть слова пароля, но незнакомый хриплый голос опередил его:

– Кто там? Ходьте стороной отсюда! Хворые мы, заразные!

В предутренней тишине раздался характерный металлический щелчок винтовочного затвора. Присев на корточки, Циркач дал знак товарищам рассредоточиться.

– Никак холерные? – выкрикнул он громко.

– Тиф у нас! – донеслось в ответ.

– Во-о-на как! – с наигранным сожалением протянул старшина, одновременно показывая знаками ефрейтору Кнутову, чтобы приблизился. – Худо!

Оглядевшись, Сверчок заметил в стороне облысевший куст ракиты и быстро подполз к нему. С этого места правая сторона сруба лучше просматривалась.

– Похоже, кончили нашего радиста Гришку? – взяв на прицел входную дверь, прошептал Черенков в затылок Циркачу.

Почти сразу из приоткрытого окошка донесся знакомый голос Григория Никишаева:

– Рублёный, оставь, это наши! – И уже обращаясь к своим товарищам, радист группы громко прокричал: – Идите-идите! Гости у нас!

Последние слова прозвучали как предупреждение: будьте бдительны, на заимке чужие!

Продолжая держать оружие наготове, разведчики медленно приблизились к срубам. Из-за кустов на тропу выскочил маленького росточка мужичок. Луч старшинского фонарика выхватил на его тощем, заросшем редкой бородкой лице, испуганно бегающие глаза. Едва не наступив на полу длинной, до пят, полицейской шинели, явно заимствованной у кого-то более рослого, человек просипел простуженным голосом:

– Сколько вас?

– А вас? – хмыкнул шедший впереди Кнутов, не отличавшийся спокойным характером. Ефрейтор решительно оттолкнул коротышку в сторону и, намекая на его небольшой рост, процедил сквозь зубы: – Слышь, «Гулливер», ты кто такой, чтобы перед тобой отчитываться?

– Пряма Янка-цыган! – шмыгнув носом идущий следом за ним Черенков, близко рассмотрев человека, одетого в полицейскую форму. Чертами лица и темной бородой тот походил на одного цыгана-конокрада, которого Лопата знал в юности. – Случаем не ромал, нет?

Нервно передернув худыми плечами, полицаи собрались было ответить дерзким на язык незнакомцам, но показавшийся в дверях Никишаев одернул его:

– Сказано же, свои!

Войдя внутрь, разведчики окунулись в полумрак тускло освещенной несколькими лучинами комнатенки. В нос ударил резкий запах чеснока. Тронув Циркача за рукав, Григорий глазами указал на дальний угол, где под образом Николая Угодника сидел, поместив винтовку между ног, еще один человек в форме полицейского.

– Как добрались? – спросил Никишаев, предвосхищая всякие ненужные вопросы. – Надеюсь, красноперых на хвосте не привели?

– Да вроде никого не заметили, – сообщил Циркач, продолжая коситься на полицаю. – А вы чего такие нервные тут? Про тиф раскудахтались! Напугать нас решили, что ли?

Неожиданно для всех незнакомец громко рассмеялся:

– Это всё Зосим! От каждого пня шарахается. Давеча встретили в лесу полицейских из соседнего района. Те подумали, что мы в Литву идем. Хотели с нами. Так он давай орать издалека, мол, тиф у нас.

Брови Кнутова приподнялись:

– И что, поверили?

– Убёгли! Не захотели с тифозниками связываться.

– Дурачьё!

Улыбка слетела с заросшего лица незнакомца. Вытянув шею, он злобно посмотрел на Сергея:

– Кто?

– Все! – Кнут прошел к столику, присел на лавку. – Все, кто в Литву мылится.

– Думают, что краснопёрые их там не достанут, – присоседился рядом Лопата.

Сверчок остался стоять у входа, зорко следя за полицаем. Подойдя к крошечному – не больше ладони – окошку, Циркач выглянул наружу. Рассвет едва забрезжил, но уже хорошо просматривались очертания верхушек растущих вдалеке деревьев.

– А вы, как я понял, в Литву не намерены идти, так?

– Посмотрим, – уклонился от ответа полицай. – До весны пересидим где-нибудь, а там видно будет.

Со двора слышались осторожные шаги. Через мгновение дверь открылась. Сверчок обернулся и... оторопел. В домик входил Захар Петрович

Степаненко. Словно ограждая себя от ненужных вопросов, старый казак сначала насупился, затем лицо его неожиданно расплылось в улыбке:

– Здорово, унучок! Вернулся? Опосля погутарим, – хлопнул он юношу по плечу.

Коля не видел старика несколько месяцев, и сейчас ему стоило немалых усилий не броситься в объятия.

Кивнув остальным, словно только недавно виделись, дед Захар поспешил в дальний угол помещения, где из камней и глины была сложена печь.

Оторвавшись от окошка, старшина Андрусенко подошел к полицая, протянул для приветствия руку:

– Ну, давай знакомиться, что ли? Меня все Циркачом кличут!

– Онисим! – представился полицай. – Загорулько!

– А дружка твоего как величают?

– Брательник мой, двоюродный, на Зосима Рублёного откликается, – ответил Онисим.

– Это что, фамилия у него такая? Или в детстве чего важного лишился? – пошутил Кнутов.

Старшина бросил на него осуждающий взгляд и снова повернулся к Загорулько:

– Вы как здесь?

– Как и вы! – развел руками Онисим. – Ховаемся от НКВД. Народ рассказывает, коммунаки охоту объявили на нашего брата. Пачками вешают прямо на площадях.

– Мы не прячемся, мы боремся, – насупился Циркач.

– Хлопцы, кончай разговоры баить! – решительно прервал их дед Захар. – Зараз я вас угощать буду. Хтось знае, может в последний раз горячего откушаемо. Сыны Дзержинского – тот ишо народец. От них сбежать не каждому дано. Помню, году в двадцать третьем то было...

И пока Захар Петрович, вернувшись к начатому еще вчера при появлении полицаев рассказу о своих жизненных скитаниях, отвлекал полиция, Циркач знаком показал Григорию Никишаеву, чтобы вышел за ним во двор.

Оставив позади покосившийся домишко из замшелых бревен, Андрусенко обошел такой же ветхий нужник и остановился у старого, покрытого толстым слоем мха, струхлевшего от времени и вечной сырости высокого пня. Еще раз, тщательно осмотревшись и не обнаружив поблизости Зосима Рублёного, он быстро вложил в руку радиста сложенный вдвое листок с текстом.

– Гриша, приказано срочно передать в Центр! Где рация?

– Здесь, неподалеку, – прошептал Никишаев. – В зарослях прячу.

– Отправь это немедленно! Я прослежу за полициями. Кто такие? – поинтересовался старшина.

– Точно не могу знать, – пожал плечами Григорий. – Утверждают, что из местных. Свалились на нас вчера под самый вечер. Кажется, подбирают место для зимовки. Рублёный, ну, тот, что первым вас встретил, вроде как охотился раньше в этих местах. Говорит, барсучий жир заготавливал.

– Их только двое?

Никишаев отрицательно покачал головой:

– Если не врут – целое отделение.

Несколько минут спустя в Москву полетело донесение: «Лесоруб доставлен бригаду тчк Заготовитель тчк».

Дождавшись возвращения Андрусенко, Захар Петрович стал приглашать всех к столу:

– Сидайте, хлопцы! Зараз завтракать будем! А куда Григорий подевался?

Заняв место за столом напротив входа – так было удобнее контролировать всех входящих и выходящих, – Циркач громко хмыкнул:

– В отхожем месте думу думает! На живот жалуется. Чем-то ты его накормил, старый, уж не мухоморами ли?

По напряженному лицу старшины дед Захар догадался, каким важным делом сейчас мог быть занят их молодой радист.

– От, бисова душа! Верно, барсучьего жира переив, – подыграл он. – Жир тот, доложу я, первейшее средство от многих хворей! Тильки меру треба знати. Гришка, видно, с жадности своей много скушал, вот и мучается. Ну, нехай прочистится. Худа от того не будет. Слышь, Онисим! – он повернулся к полицаю, все так же обнимавшему винтовку, – кликай своо брательника, хай тоже поист. Я вас супчиком из барсука кормлевать буду.

Звать Рублёного не пришлось. Дверь почти тотчас распахнулась, словно он все это время находился за ней. Повесив в прихожей на гвоздь винтовку, полицаи, ни на кого не глядя, прошел к столику, плюхнулся на табурет и зарылся грязной пятерней в нечесаную бороду. Обведя внимательным взглядом разведчиков, Зосим всем своим щедедушным телом повернулся к старику.

– Слышь-ка, Захар Петрович, про себя с Григорием ты нам вчера все рассказал, кто вы да что. А как насчет твоих друзей? – Взгляд его больших черных глаз упал на Циркача. – Вы откуда будете, господа-товарищи?

Сидевший наискосок от него Сергей Кнутов огрызнулся:

– Выхухоль тебе товарищ!

Зашаркав за дверью сапогами, в комнатку вошел Григорий и сел рядом со Сверчком.

Сузив глаза, Циркач повел могучим плечом в сторону Зосима:

– А ты с какой целью интересуешься? Уж не засланный ли этими самыми энкаведешниками?

Рублёный ощерился:

– Не-а, у нас с ними разные пути-дорожки.

– Мы из взвода вице-фельдфебеля Кондрата Матюшина. Знаешь такого? – «смягчился» Андрусенко.

Зосим отрицательно покачал головой.

– Что про себя расскажете? – продолжая недобро глядеть на полицая, поинтересовался в свою очередь Сергей Кнутов. – Что за птицы такие? Где при немцах гнездовались?

Зосим не торопился с ответом. Неспешно достав из внутреннего кармана шинели стальную ложку, он тщательно обтер ее о рукав, затем облизал со всех сторон и окунул в поставленную перед ним старым казаком миску. Только после этого с усмешкой проронил:

– Ты, случаем, не из сидельцев будешь? Язык у тебя характерный. Видал я таких.

Кнут на мгновение задумался, соображая, хорошо это, что его приняли за бывшего зека, или плохо. В воздухе повисло гнетущее напряжение, разрядить которое решился Онисим Загорулько. Громко кашлянув, полицай отложил винтовку в сторону, достал из кармана вырезанную из липы ложку:

– Та, чего рассказывать?! Взвод наш в этом районе квартировался. Теперь, стало быть, драпаем, – честно признался он. – Осталось нас всего ничего. Кто сбежал, а кого и схоронили. Многих поубивало. – Бывший ефрейтор полиции опустил dolu полные тоски глаза. – Чую, скоро и мы в землю ляжем.

– Не ляжем, если к морю пойдем! К Балтике пробираться надо, – буркнул Зосим, выхватывая из коричневой жижи кусочки мяса. – Слышал я, что тамошние рыбаки схоронить могут.

– А я слышал, что Советы не всех расстреливают, кто немцам служил, – проронил, молчавший до этого Черенков. – Тех, кто кровью не запачкан, вроде даже домой отпускают.

– Брехня, – со смертельной тоской в голосе заявил Загорулько! Да и нет среди нас чистых. Знали фрицы, что делали, когда в полицию загоняли. Много мы народу положили, кто за советскую власть ратовал.

– Только не говори, что немцы тебя силой в полицейские толкали! – Кнутов поправил на поясе штык-нож. С каким бы удовольствием он сейчас воспользовался им по назначению! – Я, к примеру, сам к ним пришел!

– Платили они за службу хорошо, вот ты, Онисим, и подался, – хмыкнул Зосим, обжигая губы горячим варевом. – Опять же, ружье дали, власть какую-никакую! С ружьишком ты фигурой стал. Почти что Бог. Чего хотел, то и брал. Скажешь, не так?

– Так, так, – согласно закивал головой Загорулько. – И ты замазан по уши. Оттого теперь и прячемся вместе по лесам да болотам...

Ефрейтор Черенков до смерти ненавидел предателей. Слушая полицаев, он крепко сжал челюсти, гоня по худым щекам желваки. Будь его воля, обоих бы придушил своими большими сильными руками. И только тяжелый, предупреждающий взгляд старшины Андрусенко останавливал его. Чтобы не сорваться, Лопата усиленно заработал ложкой.

Закончив есть, Рублёный облизал ложку, спрятал ее обратно в карман и направился к выходу. Уже выглянув наружу, обернулся:

– Пора нам, Онисим, рассветает!

– Далёко собрались? – вышел следом за ним во двор дед Захар.

Зосим вскинул винтовку, проверил затвор.

– Скоро вернемся, только своих у болот встретим. Без меня они сами сюда не пройдут. Надеюсь, с харчами будут! – проворчал он. – Мы скорее всего здесь зазимует. Как думаешь, уживемся? – испытующе взглянул полицай на старика.

– Живите, Христа ради! Нам все одно уходить, – отмахнулся Степаненко.

– Куда? – насторожился Рублёный.

Ответа не последовало.

Осветив голубоватым светом верхушки деревьев, покрытых легкой дымчатой изморозью, солнце медленно поднялось над лесом. Взглядом проследив скрывшихся вдали полицаев, Захар Петрович вернулся в дом.

– Холодает! Чую, зима нынче тяжелая будет, – заметил он.

Глубоко вдохнув морозного воздуха, Кнутов, слышавший в открытую дверь их разговор, заскрипел зубами:

— Надо было кончать их! Ишь, зимовать они тут надумали!

– Хай зимуют, не жалко, – проворчал Степаненко. – Мы им «гостинцев» оставим. Вволю наедятся.

– Не стоит, – насупился Циркач. – Твои «подарки» весь островок на дно пустят.

Старый казак был доволен, принимая слова старшины за похвалу.

Поскольку место это оказалось засвеченным, Андрусенко велел всем уходить. Сверчок стал помогать деду Захару складывать в вещмешки нехитрые пожитки.

– Выходит, обманул меня Вовк, когда сказал, что ты домой вернулся! – обратился он к нему.

– Умолчал! – поправил его старик. – Выходит, так надо было.

– И как давно ты здесь?

– А я, Коленька, везде, где ветер гуляет! Что толку дома сидеть? Портки просиживать, чи што? Я Витюше Вовку так и сказал: с вами или без, но покудова последнего фашистского зверя в клетку не загоним, я до хаты вертаться не согласен.

После расформирования отряда Чепракова о дальнейшей судьбе Захара Степаненко знало лишь несколько человек. По заданию капитана Вовка он отслеживал маршруты беглых полицаев, одновременно изучая лесные тропы и подбирая места будущих баз для их нового отряда. Одним из тех, кто время от времени наведывался к нему, был старшина Андрусенко.

Покинув заимку, бойцы прошли болото, вышли на широкий прогал со старой, поросшей мелким кустарником дорогой, и стали углубляться в лес.

Опытный старшина раньше других заметил скрывавшихся за деревьями людей. Первыми показались их новые знакомые, Рублёный и Загорулько. Держа, словно дрын, винтовку под мышкой, Зосим зашевелил усами:

– Быстро вы слиняли с болота! Куда всё же направляетесь, господа-товарищи?

Пока Андрусенко размышлял над тем, заподозрил ли он их, упорно называя «товарищами», как это было принято в советском обществе, или это

его привычное выражение, вперед выдвинулся Сергей Кнутов. Сунув под нос полицаю кулак, он выдохнул, словно злым ветром дунул:

– Тебе с какой руки доложиться, любезный, с правой или левой? Выбирай!

– С дороги отошёл! – стал грудью поддавливать Рублёного и Лопата.

Решительно встав перед последним, Онисим Загорулько выдавил из себя скрипуче: «Ты особо-то не грузись, служивый!» – но тут же отлетел назад, получив ощутимый толчок в грудь.

Картинка вызвала смех у остальных полицаев, дружно высыпавших на полянку.

– Ты чего? – Поднявшись с земли, Загорулько с испуганным лицом бросился подбирать оброненный карабин. – Чего ты?

– Сейчас узнаешь чего! – угрожающе навис над ним Черенков.

Отводя глаза в стороны, оба полицаи поспешили скрыться за спинами товарищей.

– Ну, все, все! Все нормально, мужики, всё нормально! – Предупреждающе подняв руку, из-за дерева показался седовласый человек с длинными, свисающими по углам рта усами. – Пошутковали малость и будет.

Все еще готовый в любую секунду открыть огонь, Сверчок продолжал внимательно следить за незнакомцами. Лицо одного из них, единственного, на ком была гражданская одежда, показалось ему знакомым. Высокий, лет за тридцать, с заросшими впалыми щеками, мужчина так же пристально глядел на него.

Согнувшись в пояснице и слегка припадая на одну ногу, Седой подошел к Александру Андрусенко. По каким-то приметам он безошибочно угадал в Циркаче старшего.

– Зоська Рублёный мает, что вы из взвода Матюшина будете, так, нет?

Старшина утвердительно кивнул.

– Кондрата Матюшина? – переспросил мужчина.

Плечи Александра напряглись, в висках застучало. В голове мелькнула мысль: «Беда, если этот человек был знаком с настоящим вицефельдфебелем! Это может навредить командиру и всему отряду».

– Знаете его?

– Кондрата-то? Не раз встречались.

– А вы кто?

– Я-то? – Громко прокашлявшись, старик представился: – Спиридон я! Лукашевич! Староста тутошний. Скажи, а Васёк Власенко тоже с вами?

– С Матюшиным, как всегда, – не растерялся Андрусенко.

– Так и ходят вдвоем? – Лукашевич засмеялся. – Ну да, ну да. Кондрат без него никуда. Ну, добре, братки! Мы с вами пойдем! – решительно заявил староста. – Хочу повидаться с Кондратием...

14

Циркач не спешил возвращаться в отряд, намеренно петляя. Хорошо знавший этот лес, Захар Петрович Степаненко обратил на это внимание.

– Заплутал, Сашко, или как? – уловив момент, чтобы никто из чужих не подслушал, тихо поинтересовался старик.

– Думаю! – цокнул языком Андрусенко.

Он действительно размышлял, как правильно поступить. Выводить полицаев на базу, означало бы рассекретить место дислокации их отряда. Не мог старшина допустить и встречи Спиридона Лукашевича с командиром, выдававшим себя за Кондрата Матюшина. Необходимо было прежде встретиться с Федором Ивановичем.

Шагая по широкому лесному распадку позади Циркача, Сверчок по-прежнему силился вспомнить, где мог видеть человека в гражданском. Боковым зрением он несколько раз ловил на себе его недобрый взгляд. Скверное предчувствие ухватисто овладевало сознанием.

Приступ радикулита окончательно измучил с трудом передвигавшегося Спиридона Лукашевича. Проковыляв несколько верст, староста остановился и предложил сделать короткий привал.

Стоя у широкой – в два обхвата – осины, старшина Андрусенко вдыхал запах прелой листвы. К этому моменту он уже принял твердое решение избавиться от полицейских. И место для этого было самое подходящее. От небольшого леса, в котором они сейчас находились, все окружающее пространство просматривалось на несколько верст вокруг, так что внезапного нападения врага ожидать не приходилось. Тот факт, что полицейских было вдвое больше, старшину особой группы «СМЕРШ» несколько не смущал.

Подав своим условный сигнал готовиться к нападению, Циркач решительно направился к Лукашевичу, намереваясь взять его живым.

Привалившись спиной к сосне, Спиридон о чем-то тихо беседовал с «гражданским». Время от времени оба бросали короткие взгляды на стоявшего в отдалении Сверчка.

Заметив краем глаза идущего к ним Циркача, староста Лукашевич тревожно повернул голову. При этом рука его машинально легла на висевшую спереди на поясе кобуру. Андрусенко усмехнулся про себя. Чтобы пристрелить обоих двумя меткими выстрелами, ему не пришлось бы даже вынимать пистолет из кармана.

Когда до Лукашевича оставалось несколько шагов, случилось неожиданное. Стоявший с ним человек вдруг резко пошатнулся и упал, забившись в приступе падучей. Оторопев от произошедшего, Спиридон растерянно взирал на распростертое перед ним тело.

Забыв о своем намерении атаковать противника, старшина бросился к несчастному, однако неведомо как оказавшийся рядом дед Захар опередил его. Повернув «гражданского» на бок, старик попытался открыть ему рот. Сделать это удалось лишь с помощью ножа. С большим усилием просунув лезвие между судорожно стиснутыми зубами, он с силой раздвинул челюсти и вынул запавший язык, перекрывавший дыхательное горло. Мужчина задышал и через некоторое время открыл глаза.

Удостоверившись, что с ним все будет в порядке, Циркач взял Лукашевича за локоть и отвел в сторону.

– Спиридон, здесь мы на время расстанемся, – предупредил он старосту. – Дальше я пойду один. Надо предупредить Матюшина. Мои люди пока останутся с вами.

Лукашевич понимающе кивнул.

Тем временем страдавший эпилепсией человек все больше приходил в себя. Сев на землю, он медленно повел глазами по сторонам. И в это мгновение Сверчок вспомнил, где видел его...

Вечерело, когда старшина Андрусенко предстал перед командиром. Кроме майора, в командирской землянке находились замполит отряда Вершинин и только что прибывший для корректировки дальнейших совместных действий капитан Вовк.

Федор Иванович встретил старшину недовольно.

– Почему задержались? Мы вас к полудню ожидали. Где остальные? – забросал он подчиненного вопросами.

Циркач доложил о непредвиденной встрече с полициями.

– Н-да, заставил ты нас поволноваться, – сокрушенно покачал головой Чепраков. – Я уж подумал, что вас всех...

– Еще проживем, товарищ командир. – Виноватая улыбка коснулась губ Циркача. – Как с полициями быть? На всякий случай я их в лесу оставил, чтобы старосту не сводить с вами. Они тут неподалеку.

Лицо майора посуровело. Появление некоего Лукашевича, знавшего настоящего Матюшина, насторожило всех.

– Правильно сделал. Как быть – решим чуть позже, а пока подержим их на расстоянии. Пусть дальше принимают нас за полицейских.

– А что литовцы, дали о себе знать? – поинтересовался Андрусенко.

Слабая улыбка коснулась губ командира:

– С ними связь, вроде как, налажена. Курт постарался. Молодец! Самого Урбонаса подбил прийти на встречу.

– Так быстро? – удивился старшина. – Оперативно. Выходит, литовцы где-то совсем рядом от нас?

– Выходит так, – подал голос Вовк.

– Этот Вилкас весьма наблюдательным малым оказался, – усмехнулся Чепраков. – Едва не раскрыл нас. – Он повернулся к капитану. – Виктор, представляешь, стал расспрашивать Краузе, почему на нас шинели, если мы еще летом сбежали от красных партизан? И про автоматы вместо положенных по уставу карабинов интересовался, откуда, дескать. Хорошо, что Курт успел мне об этом шепнуть сегодня при встрече. Это чтобы в показаниях с ним не разошлись, если что.

– И как он выкрутился?

– Я же говорю – молодец! Сказал, что мы напоролись на отряд красноармейцев, переодетых в полицейских. Само собой, всех постреляли, а оружие и теплую одежду забрали.

– Ради этого обмана пришлось шинели дырявить, – усмехнулся старший лейтенант Вершинин.

– А если литовцы решат узнать, где тела убитых?

– Не решат. Курт им сказал, что произошло это в одном из дальних районов, а там сейчас появляться небезопасно. Да и не ходят литовцы обычно далеко от своих нор.

– А что, история вполне правдоподобная! – воскликнул замполит. – Для бандитов давно не секрет, что НКВД и НКГБ часто используют подставные отряды. И если у Урбонаса и оставалось какое-то недоверие к нам, то после моего вопроса оно исчезло.

– Что за вопрос? – почти одновременно спросили Вовк с Андрусенко.

– Я спросил, почему некоторые из его бойцов, – кстати, они себя тоже называют партизанами, – так вот, почему они до сих пор носят воинские звания? Оказалось, что им неизвестно, что с этого года немцы отменили для полицейских из шумы все документы и звания. Сделали они это с

определенной целью, чтобы при пленении наши спецслужбы не смогли доказать их причастность к карательным операциям.

– Литовцы наверняка захотят проверить нас в деле, – предположил Андрусенко.

– Захотят, это точно. Да и Вилкас намекнул об этом. – Чепраков задумчиво тронул рубец над глазом. – Из разговора с литовцами я понял, что у них совсем плохо с оружием. Об этом речь напрямую не велась, лишь слегка коснулись этого вопроса.

– Думаю, Андреас Урбонас предложит нам напасть на комендатуру в райцентре, – предположил Вершинин.

– А смысл? Людей там мало. Два-три десятка стволов погоду ему не сделают.

– Верно, – согласился с командиром Вовк. – Отряд у него большой. Оружия необходимо много.

– Остается одно – склады. – Чепраков ткнул карандашом в точку на карте, которую офицеры рассматривали перед тем, как в землянку вошел старшина. – Один из них, я точно знаю, находится вот здесь, вблизи станции Гудогай.

– Это мысль! – воскликнул замполит. – На всякий случай необходимо узнать, где еще возле литовской границы располагаются склады. Вряд ли они пойдут далеко за оружием.

– Вот ты этим и займись, Юрий Игнатьевич, – приказал командир.

– Есть! – кивнул Вершинин. – И все же я не пойму, почему гитлеровцы не снабдят отряд Урбонаса оружием? – заметил он. – Зачем заставляют рисковать, терять людей? Они бы вполне успешно могли доставлять его ночами по воздуху.

Ответ на этот вопрос Чепраков знал давно, но, выполняя требование полковника Федулова, пока не спешил оглашать своим помощникам. Еще в Москве Поликарп говорил, что гитлеровцы не до конца доверяют Урбонасу, памятуя, как в самом начале войны этот идейный борец за свободную Литовскую республику выступал не только против Советов, но и нападал на их

комендатуры. Лишь с лета этого года Урбонас стал просить у них поддержки своему сопротивлению русским. Изредка немцы помогали его отряду продовольствием и медикаментами, но оружием снабжать не торопились. Зато охотно вооружали подразделение другого националиста, Арвидаса Станкявичуса, в отряд которого сотрудники «СМЕРШ» недавно успешно внедрились Ульриха Мюллера.

Уже собираясь покинуть командирскую землянку, старшина Андрусенко вдруг вспомнил:

– Товарищ майор, среди людей старосты Лукашевича есть один гражданский! Сверчок уверяет, что видел его как-то в городе. Тот, якобы, с Лидой Комаровой общался, подпольщиком.

Чепраков с Вовком переглянулись.

– Он уверен?

Старшина развел руками:

– Лучше его самого спросить. Коля мне толком ничего не успел рассказать. Знаю только, что человек этот падучей болезнью страдает.

– Падучей?

– Ну да! У него приступ случился прямо на наших глазах.

Майор повернулся к капитану Вовку:

– Виктор, ты помнишь, кто-то из подпольщиков, из тех ребят, кому удалось тогда избежать ареста, рассказывал, что среди погибших у мельницы вместе с Вадимом Скобцевым, один страдал таким же недугом?

– Что-то такое припоминаю, – кивнул капитан. – Только какое теперь это имеет значение, если все ребята погибли?

– Все ли? Мы ведь так и не успели узнать, где погребены их тела.

– Федор Иванович, уж не думаете ли вы, что этот человек и есть тот самый подпольщик... э-э-э, тот, кто мог сдать своих товарищей? Мало ли людей на свете страдают эпилепсией!

– Согласен, немало. – Чепраков шире развернул карту Белоруссии и граничащих с ней республик, отыскивал глазами название городка, в котором

проживала Комарова. – Жаль, Лида сейчас далеко, – промолвил он. – Было бы неплохо привести ее сюда для опознания.

– Надо за ней Колю Цвирко отправить, – предложил Вовк. – Радости пареньку будет!..

Прощаясь, Чепраков вышел следом за старшиной Андрусенко из землянки.

– Лукашевич с его полицаями по-прежнему на тебе, Саша, – приказал он. – Обеспечь их кормёжкой и ночлегом. Придумай что угодно, но чтобы в ближайшие дни у них и мысли не возникло уйти от нас, иначе придется всех убрать.

– Так, может... – Вынув нож, Циркач провел им по горлу. – Чего с ними возиться?

– Без суда? – пожурил старшину командир. – Возможно, они нам еще понадобятся, а пока пришли мне Гришу-радиста и Сверчка.

Отпустив старшину, командир приказал стоявшему у входа в землянку часовому срочно отыскать старшего сержанта Грушина.

Некоторое время спустя в Центр полетела очередная радиограмма: «Ближайшие дни ожидаем вырубку леса тчк Координаты делянки неизвестны тчк Заготовитель тчк».

Доложив ранее в Москву о переходе Лесоруба-Краузе в «бригаду» Урбонаса, Федор Иванович, он же Заготовитель, сейчас сообщал Федулову, что литовцы готовят его отряду проверку, время и место проведения которой неизвестно.

Было раннее утро, когда трое молодых людей, одетых в гражданскую одежду, спрыгнули с попутки на пустынную улицу уставшего от войны городка и напрямик направились к центру. Остановив первый же встреченный ими патруль, высокий крепкий мужчина протянул молоденькому лейтенанту небольшой лист бумаги, заверенный печатью. Приблизив его к глазам, офицер прочитал: НКО Главное Управление контрразведки «СМЕРШ»...

Документ за подписью майора Чепракова содержал требование безукоснительно выполнять все требования подателя этого временного удостоверения. Представившись старшим сержантом Грушиным, молодой человек попросил срочно сопроводить их в комендатуру или к главе местной администрации, если таковая имеется.

Четверть часа спустя всех троих ввели в кабинет подполковника Нечитайло – полного, добродушного на вид человека, с большими, как у Буденного усами, только недавно назначенного военным комендантом города. Внимательно изучив документ, офицер выразил удивление, что ни у одного из доставленных не оказалось настоящей «корочки». Все же он решил их выслушать.

Появление представителей Управления НКГБ «СМЕРШ» в прифронтовой полосе насторожило подполковника. Олег Грушин это понял по тому, как тот внезапно вспотел. И это несмотря на холод, вызванный первыми заморозками, и неотапливаемое помещение.

Вызвав из соседней комнаты пожилого ефрейтора-ординарца, комендант приказал напоить гостей чаем, а сам ненадолго отлучился.

Оставшись наедине с товарищами, Грушин прошептал:

– Сейчас будет устанавливать наши личности!

К этому все были готовы, оставалось лишь ожидать. Опасались только, чтобы проверка не затянулась надолго. Времени майор Чепраков им выделил немного.

– Не поверите, за всем приходится самому следить, всех контролировать! – вернувшись спустя полчаса, начал с порога возмущаться Нечитайло, большим носовым платком протирая лицо и взъерошенный загривок. Шеи у подполковника практически не было, отчего казалось, что большая круглая голова сидит прямо на плечах. Увидев в раскрытую створку одного из своих подчиненных, офицер тут же высунулся в окно и начал кричать, едва сдерживая ругательства: – Мохначенко, ёмаа, ты куда дрова скинул, исчадь ада? Вертай все обратно на бричку, ёмаа, и вези в детдом! Там детки мёрзнут,

ёмаа, а он клячу старую мучает, гоняет туда-сюда. – И тут же, повернувшись к представителям контрразведки, продолжил жаловаться: – Всё самому, всё самому! На днях одного местного кадра тут назначили временно исполнять обязанности главы города. Думал, скину на него часть своих обязанностей, разгрузусь немного, так он, боров очкастый, прошлой ночью сбежал во время налёта.

– Бандиты? – поднял бровь Грушин.

– Ну, а кто?! Тут такое творится, сам чёрт не поймёт. То «лесные братья» набегут, будь они неладны, ёмаа, то заезжие грабители. Этим, вообще, будто мёдом тут намазано. Мы уже две банды постреляли, а они все лезут и лезут.

– Может, главу администрации в плен захватили или убили? – осторожно предположил Сверчок.

– Может, – тут же согласился с ним Нечитайло, высматривая в окно очередную жертву своего накопившегося гнева. – Хотя нет, сбежал. Трусоват был, ёмаа!

– Вижу, товарищ подполковник, забот у вас и без нас хватает, и всё же прошу максимально быстро решить наш вопрос, – напомнил старший тройки, Олег Грушин. – Дело безотлагательное и весьма важное. Весьма. Речь идет о предательстве.

– Да вы что?! – Нечитайло озабоченно покачал головой. – Что творится, что творится!

В этот момент в коридоре раздались чьи-то тяжелые шаги, и в кабинет, без стука, в распахнутом драповом пальто поверх старого твидового костюма, ураганом ворвался огромного роста мужчина лет шестидесяти. Эспаньолкой и круглыми очками он напомнил Сверчку дореволюционного школьного учителя, снимок которого однажды видел в каком-то журнале.

Словно не замечая присутствующих, мужчина с ходу рухнул на свободный стул, едва не свалившись вместе с ним на пол, и сорвал с головы фетровую шляпу.

– Ты чего это, Иван Михайлович, обо мне по всему городу грязные слухи распускаешь, а? – на удивление спокойным, поставленным, как у оперного певца, голосом пробасил он, заглядывая в глаза начальнику комендатуры. – Дескать я... – тут он наконец заметил сквозь толстые линзы сидевших за столом людей, одарил каждого в отдельности выразительным взглядом и снова переключился на подполковника, – дескать, я сбежал, оставив горожан на растерзание бандитам! Как это подло, как низко с твоей стороны, Иван Михайлович! По какому-такому праву, позволю спросить, ты... – он снова перевел взгляд своих бесцветных глаз на присутствующих, в этот раз не забыв кинуть, точно кость собачке: «Здравствуйте, товарищи!» – Я спрашиваю, по какому праву ты смеешь возводить на меня напраслину? Если хочешь знать, я всю прошлую ночь гонялся вместе с милиционерами за этими мерзавцами. За этими, смею сказать, подонками! А ты... а ты...

– И что, поймали хоть одного, уважаемый Петр Петрович? – не без ехидства спросил Нечитайло.

– Кого? – удивленно уставился на коменданта мужчина.

– Ну, тех, за кем всю ночь гонялись?

– Да как же ты их поймаешь, Иван Михайлович? Они же на автолавке приехали, а у меня только телеги на хозяйстве остались да старый грузовик, который не на ходу. Я сколько раз просил выделить мне авто, а? Целый городской голова, понимаешь, а на работу хожу пешком, как последний свинопас.

– Прибыльное дело – свиней пасти! – хохотнул добродушный Нечитайло.

– Машина у тебя, Петр Петрович, была. Забыл? Только водитель твой, ёмаа, злодей и вредитель казенного имущества, разбил ее. Привык, очевидно, на тракторе ездить.

– Ах, этот мерзавец! Этот двоечник! Этот второгодник-негодник! Да он в ту ночь пьяный был, сволочь!.. – начал стонать градоначальник, но подполковник перебил его.

– Вот, пусть теперь отсидит сколько положено, глядишь, и пить бросит, ёмаа. Так, значит, не поймали бандитов? – безжалостно подытожил он.

Обладатель баса, до этого царственно подбоченясь восседавший на стуле, словно на троне, скис, опустил плечи:

– Нет, не удалось. Сбежали. Но мы очень старались, Иван Михайлович, очень, – попытался он оправдаться.

– Кто это – мы? Твои пять несчастных милиционеров? Так они с моими комендантскими вместе оборонялись.

– Да? – с удивлением взглянул на него Петр Петрович. – Хм. Надеюсь, все живы?

– Живы-живы, не волнуйся.

– Славно! Как же славно! – запричитал мужчина. – Иван Михайлович, это же все мои дети, ты же понимаешь! Каждого из этих милиционэров я лично учил в школе храбрости и всяким иным добродетелям. Как я рад! Как я рад, что все они живы!

– Ладно, Петр Петрович, после расскажешь, где ты был всю ночь, если захочешь, – отмахнулся подполковник от его причитаний. – Сейчас лучше выслушай этих товарищей да не перебивай. Есть у тебя такая нехорошая привычка, ёмаа.

– Вот, снова ты напраслину возводишь на меня, Иван Михайлович! – сделав вид, что обиделся, пробасил Петр Петрович, одновременно разворачиваясь всем корпусом к сидящим за столом незнакомцам. – Итак, я к вашим услугам, товарищи!..

Задача, поставленная бойцами спецподразделения бывшему директору школы, а ныне исполняющему обязанности главы города, показалась тому невыполнимой.

– Как вы себе это представляете, товарищи? – стал возмущаться Петр Петрович. – В сегодняшних условиях найти тела людей, погибших от рук этих мерзавцев, этих фашистов, просто невозможно! Да и не ко времени все это, уверяю вас. У меня и людей-то столько не наберется. Знаете, сколько

захоронений было за годы оккупации? Естественно, мы планируем осуществить перезахоронение, но позже, после полной победы. Провести обряд в торжественной, так сказать, обстановке. Установить обелиск над братской могилой. И потом, сейчас нам даже гробов на всех не достать! Людей-то много было загублено извергами.

– Нам нужны только четыре человека. И начать искать следует немедленно, вы поняли, товарищ? – повысил голос Грушин, точно званием был выше присутствующего здесь подполковника. – Немедленно! Или вы хотите услышать приказ от самого руководителя Управления контрразведки товарища Абакумова?

Олег произнес фамилию столь уверенно, словно лично был знаком с всесильным главой «СМЕРШ».

Иван Михайлович Нечитайло все больше покрывался потом. Пообещав главе местной администрации оказать всяческую помощь в столь важном деле, он вызвал своего помощника и распорядился обеспечить группу Грушина койками и столом на время их пребывания в городе. Подполковник лично спустился с ними к трофейному «опелю».

– Сейчас, товарищи, поезжайте в казарму, поешьте и отдохните. Когда понадобится, вас вызовут. – Повернувшись к стоявшему за спиной главе администрации, комендант пригладил свои заметные усы: – Как тебе машина, Петр Петрович?

– Чужими авто не интересуюсь, – поправляя срываемую ветром с головы шляпу, холодно отозвался глава города. – Подожду, когда управа свою получит.

– Так принимай, управа! – засмеялся офицер. – Немчура-то на тебя выписан! Из области прислали.

Узнав адрес казармы, Сверчок отпросился у сержанта, сославшись на неотложные дела.

– Встретимся позже! – крикнул он, скрываясь за ближайшим углом.

Усаживаясь в салон автомобиля, Грушин с Кунгуровым понимающе переглянулись.

– Привет передавай Лиде! – крикнули они хором, высунувшись в окна...

Через двое суток кропотливой работы подполковник Нечитайло вызвал к себе Олега Грушина и его товарищей.

– Кажется, мы нашли ваших, – сообщил он устало. – Едем на опознание тел. Из бывших подпольщиков мало кто остался в городе, – предупредил Иван Михайлович. – Сразу после того, как наши войска освободили район, некоторые записались в Красную армию. Кто-то подался в другие области страны.

Сверчок упросил Олега не брать с собою Лиду. Психика девушки могла не выдержать предстоящего зрелища. Увидев останки своего приятеля Саши Довгунца, он содрогнулся, представив на миг, что и сам мог лежать сейчас рядом.

С момента гибели товарищей в тот роковой вечер у мельницы, наспех захороненных по приказу капитана Хойера на окраине города, прошло несколько месяцев, но пришедшие на опознание подпольщики без особого труда узнали всех.

– Очень важно, чтобы вспомнили, кто из ваших друзей страдал падучей, – обратился к ним Грушин.

Все четверо уверенно указали на останки одного из убиенных, Владимира Тарасевича.

Олег наклонился к Сверчку, прошептал на ухо:

– Выходит, ошибся ты? Человек из отряда старосты Лукашевича не подпольщик Тарасевич! – Записав фамилии убитых, он снова повернулся к четверке. – Больше никто из ваших эпилепсией не страдал?

Ответа не последовало.

Промокшие до нитки и озябшие от холода, утопая в раскисшей земле, разведчики на двух телегах с трудом передвигались по лесу, на который с полуночи стеной обрушился дождь. Наконец перед самым рассветом майор Чепраков и капитан Вовк, сопровождаемые десятком бойцов, подъехали к оборе. У длинного приземистого строения с крохотными окошками-бойницами, сложенного из небольших, глиной скрепленных между собой валунов, их ждали несколько военных.

Откинув с головы капюшон плащ-палатки, старший из офицеров представился:

– Подполковник инженерных войск Игнашевич!

Чепраков пожал протянутую руку, но называть себя не стал. Характер особого задания не предполагал открытость с его стороны.

– ...Велено показать вам обору, – сухо произнес инженер и, не тратя времени, повел переодетых в полицейскую форму разведчиков внутрь пахнущего сыростью и сопревшей соломой длинного здания, в котором до войны содержали скот.

– Почему здесь решили устроить «склад»? – поинтересовался Федор Иванович, погружаясь в темноту.

– Начальство приказало именно в этом квадрате подыскать что-то подходящее. Другого ничего не нашлось, – зябко ежась, ответил продрогший от долгого ожидания Игнашевич. – Спасибо, один бывший скотник показал.

Включив фонарь и тщательно осмотрев старое, но еще довольно крепкое сооружение, Чепраков остался доволен. Место это вблизи литовской границы как нельзя лучше подходило для задуманной им совместной операции по «захвату» ложного армейского склада. Когда точно Андреас Урбонас соберется на ее проведение, он не знал, но предполагал, что далеко от своей республики литовец отрываться не захочет.

– Стены надо укрепить, – заметил Федор Иванович инженеру, направившись к выходу. – И с восточной стороны прорыть наружу два-три скрытных выхода.

Принимая Чепракова за человека невысокого ранга, к тому же малосведущего в инженерных фортификациях, подполковник бросил на него недовольный взгляд.

– Зачем? Зачем укреплять стены, если придется рыть проходы? Это же взаимно исключают вещи! – не сдержал он ухмылки.

– Не спрашивайте лишнего да не познаете многия печали, подполковник! – покосился на него Федор Иванович, одарив столь выразительной улыбкой, что с лица военного инженера тотчас слетела появившаяся было надменность. – Времени у нас мало. За пару-тройку дней успеете все сделать?

Догадываясь, очевидно, какое ведомство может представлять этот человек, Игнашевич тут же заверил:

– Сделаем все, что надо! Дело-то пустяковое! – Затрусив рядом, деловито добавил: – Вы, товарищи, осмотритесь, что да как! В общем, готов выслушать любые предложения и пожелания...

Оставив инженера у выхода, Чепраков с Вовком еще раз обошли огромное помещение, подсвечивая стены карманными фонариками. У дальней от входа стены остановились возле небольшого углубления в виде широкой полки. Достав из внутреннего кармана полевую карту, Федор Иванович разложил ее на каменной столешнице.

– Мы сейчас находимся здесь, – выдохнул он, ткнув указательным пальцем в искомую точку. – Западнее от этого места, километрах в пяти, находится железнодорожная станция Гудогай. Это между городком Ошмяны и населенным пунктом Островец. Столько же от станции до границы с Литвой. Где-то на той стороне скрывается Урбонас со своими. Полагаю, на эту оборону мы и нацелим литовцев.

Достав из кармана чистый лоскуток от старой натальной рубашки, который использовал вместо носового платка, майор протер им вспотевший

лоб. Еще с вечера он чувствовал сильное недомогание, но признаваться в этом не хотел.

– Заболели? – взволновавшись, участливо поинтересовался Вовк.

– Пустяк, – отмахнулся командир, продолжая: – Засаду организуем снаружи и внутри оборы. Ты, Виктор, со своими ребятами будешь имитировать охрану «склада». В твоем распоряжении будут и солдаты Игнашевича. Правда, подполковник об этом еще не догадывается, – усмехнулся Чепраков.

– Помилуйте, Федор Иванович! – возмутился капитан. – Да какие же из них вояки? Они, наверное, и пороха-то за всю войну не нюхали. Только инженерными фортификациями и занимаются. А вы, помнится, говорили, что у Урбонаса порядка четырехсот стволов. Выстоим ли перед таким количеством?

– Я просил, чтобы прислали людей из местной комендатуры. Но, во-первых, там их очень мало осталось. Несколько дней назад националисты напали на Ошмяны. Много сотрудников погибло. А, во-вторых, мы не знаем точного времени, когда Урбонас решится на атаку. Можем не успеть собрать необходимое количество бойцов.

Вовк оторвался от карты.

– А где будете вы, товарищ майор?

– Мы вас атакуем с юго-востока. На нас особо не отвлекайтесь. Стрелять будем в сторону и поверх голов. Наша задача – создать как можно больше шума.

Первые лучи восходящего солнца, проникнув в крошечные оконные проемы, разорвали полумрак помещения. Задумавшись, Вовк молчал, уставившись в одну точку.

– Виктор, не узнаю тебя! – Чепраков ободряюще похлопал офицера по плечу. – Прежде моего боевого товарища не очень смущало численное превосходство неприятеля. Что же сейчас случилось? Ты же всегда умом брал, особой тактикой!

– Война к концу идет, Федор Иванович. Не хочется людьми рисковать, – честно признался капитан.

– Ну, до полной победы еще далеко. А что касается риска... – Майор намеренно выделил последнее слово. – Думаешь, мне хочется их под пули подставлять? У нас с тобой сложная задача. Сначала необходимо втереться в доверие к литовцам, чтобы затем уничтожить их как можно больше. При этом сохранить своих.

Виктор поднял глаза:

– Да я все понимаю, товарищ майор.

– Это если Центр не введет новое задание. Всяко может случиться. В общем, в помощь тебе выделяю всех наших снайперов и минометчиков. Бейте этих гадов как можно больше. Я уверен, что Урбонас не приведет сюда весь свой отряд. Большая часть его банды, скорее всего, останется на территории Литвы.

– В таком случае, наш «склад» вам точно не взять! – засмеялся Вовк.

Звонкий смех товарища порадовал Федора Ивановича:

– Ну, вот, совсем другое дело! Я уж подумал, что ты скис. – Они вышли из оборы. – Советую заранее пристрелять квадраты, по которым будете бить. Только смотри, Виктор, не подстрелите Курта! – предупредил командир. – Урбонас может его взять с собой на операцию. И да, не забудь переодеть своих ребят в форму красноармейцев. Если что – обору покидайте через подземные выходы. Мы уйдем вместе с литовцами. Надеюсь, после «неудачного» нападения на склад, «понесся тяжелые потери», – усмехнулся майор.

– Поверят ли литовцы в этот спектакль?

– Сыграем убедительно – поверят.

Вовк покачал головой:

– Не понимаю, зачем такие сложности! Я бы собрал их всех в одном месте и накрыл артиллерией или авиацией.

– В том-то и дело, что всех сразу не собрать. В нашей игре ставка гораздо больше, чем уничтожение одной-двух банд. Ликвидируем отряд Урбонаса – другие затаятся. Надолго. Может, на годы.

– На войне одна ставка – смерть врагу! Сейчас и здесь! Бешеного зверя забивают, пока он не покусал всех, не так ли?

Помня разговор с полковником Федуловым о «землеройках», Федор Иванович загадочно улыбнулся:

– А если этот зверь невидим? Скажем, глубоко в земле?

17

Прошло несколько дней, но командир литовского отряда на связь не выходил. Казалось, Урбонас потерял всякий интерес к «Матюшину» с его предложением захватить склад с оружием. «Испугался? Боится засады?» – гадал Чепраков, решив, что и ему следует выждать. Настойчивость с его стороны могла показаться подозрительной.

Наконец, в одну из ночей в лагере объявился Вилкас.

– Андреас не придет! – с порога заявил он. – С тобой на разведку пойду я...

Лес все еще дремал, укрывшись холодным осенним покрывалом, когда несколько бойцов «Матюшина» вместе с разведчиками Урбонаса подошли к охраняемому «складу». Еще не набрав зимней силы, ветерок, пробегая по верхушкам, срывал с кушелей и заиндевелых деревьев снежную пыль.

Лежа на голой холодной земле рядом с литовцем, Федор Иванович делал вид, что с интересом рассматривает в бинокль обору. За то время, что они провели здесь, к складу по единственной дороге, ведущей к ней, не подъехал ни один грузовик. Само каменное сооружение с массивными деревянными воротами охранялось двумя красноармейцами. Рядом с оборой, стараниями подполковника Игнашевича, появилась небольшая сторожка. Из просунутой в окошко печной трубы курился легкий дымок.

Отняв бинокль от глаз, Чепраков передал его Вилкасу.

– Интересно, сколько всего людей в охране? – туго запахнув на груди кожушок, поинтересовался помощник Урбонаса. – Может, прямо сейчас нападём?

Федор Иванович перевалился на спину, подставляя лицо сыпавшей с неба редкой снежной крупе. Его терзали сомнения, успел ли подполковник Игнашевич подготовить обору к осаде? Судя по малочисленности охраны «склад» был пуст. Напасть сейчас – значит провалить всю операцию.

– Хм! И сколько того оружия мы сможем утащить? Людей-то с нами не так много. Да и на чем его повезем? Не на себе же тащить?! – Майор старался не выдать своего волнения. – Нет, нужно как следует подготовиться.

Вилкас не унимался:

– Можно грузовик захватить! Дождаться, когда на склад прибудет новая партия оружия и...

– М-да, не быть тебе командиром! – ухмыльнулся «Матюшин». – Узко мыслишь! Что, если нам не повезет, и вместо стрелкового оружия и гранат на складе окажутся снаряды для пушек или минометов? У вас в отряде имеются пушки? У меня, например, их нет!

– У нас есть все, – решительно заявил Вилкас, ругнувшись про себя. Ему не понравились слова полицая об узости мышления.

– И минометы?

Чепракову крайне важно было знать, какой боевой мощью обладал отряд Урбонаса.

– Найдутся. Слушай, Матюшин, я все хотел спросить тебя. Ты же белорус? – решив сменить разговор, неожиданно спросил литовец.

Всегда готовый к очередной проверке, майор Чепраков напрягся:

– И что?

– Белорус, а по-русски говоришь без акцента!

– Я тебя умоляю! – улыбнулся «Кондрат». – Ну, какой у нас, у бульбашей, акцент? Так, акцентишко.

За годы войны и тесного общения с местными жителями, он давно изучил нюансы белорусского языка. Бегло проговорив несколько фраз на языке Франциско Скорины, офицер, хитро прищурившись, перешел на чистейшую

украинскую мову, показав тем самым, что не хуже владеет и языком Тараса Шевченко.

– О, да ты настоящая находка для НКВД!

В голосе помощника Урбонаса по-прежнему чувствовалась подозрительность. «Матюшин» перевернулся на живот. Лицо его сделалось серьезным:

– Да, не повезло чекистам. Кого не попадя вербуют, а меня в оборот не взяли. И куда только смотрели?! А ты сам-то не думал переметнуться к ним? Может, вместе? Представляешь, какой подарок сделаем энкаведешникам, сдав им всех своих людей?

Опустив бинокль, Вилкас повернулся к нему лицом. Сначала он не мог понять, шутит этот человек или и в самом деле предлагает перебежать на сторону врага. Но, увидев, как комично тот поднял одну бровь, не удержался от смеха.

– Сдайся, сдайся. Если меня схватят, буду ждать от тебя помощи.

– Ладно, шутки в сторону. – «Матюшин» посуровел. – Ты мне лучше скажи, что с Куртом? Отослали вы его на родину?

Литовец отрицательно покачал головой:

– Нет. Пока у себя решили оставить.

Чепраков насмешливо скривился:

– А говорил, что у вас с немцами связи налажены. Выходит, соврал? Как же он, бедный, без утреннего кофе живёт?

Вилкасу показалось, что со стороны дороги донесся звук автомобильного двигателя.

– Да есть у него кофе, есть! – стал он вглядываться вдаль. – И белье чистое ему из города привозят.

– Из Вильно? – зевнул майор.

Литовец насторожился:

– Почему из Вильно?

– А здесь до города близко! По карте километров сорок, не больше.

– Карты умеешь читать? – подозрительность не отпускала прибалта.

– За что-то же капитан Хойер сделал меня командиром взвода! – не без гордости ответил «Кондрат».

– Не переживай за своего немца! Андреас хочет отослать его к Арвидасу Станкявичусу. На днях к нему из Польши должны очень важные люди прийти. С ними и переправят Краузе на Запад. Его, и еще одного немецкого офицера.

Чепраков сделал вид, что впервые слышит эту фамилию.

– Кто такой Станкявичус?

– Командир соседнего отряда.

Майор помнил, что в этот отряд Центр планировал внедрить другого агента, Ульриха Мюллера. «Значит, получилось!» – обрадовался он про себя. Однако куда больше его заинтересовала невольно выданная Вилкасом информация о «важных людях».

– Поляков ждет?

– Почему поляков? Немцев! Из Абвера...

Звук двигателя усиливался, и вскоре из-за поворота показался армейский грузовик. Оставив несколько тяжелых ящиков, машина тут же уехала.

Убедившись, что обора плохо охраняется, Вилкас засобирался.

– Ты прав, сейчас нам склад брать не стоит. Ждите! Мы сообщим, когда соберемся, – бросил он перед тем, как исчезнуть в просыпающемся лесу...

18

В тот же день на стол полковника Федулова легла расшифровка радиогаммы от майора Чепракова. Прочитав ее, Поликарп Матвеевич немедленно собрался на доклад к начальнику Главупра контрразведки «СМЕРШ».

Как обычно, Абакумов был весь погружен в текущие дела. Увидев в дверях полковника, приветливо махнул:

– Входи-входи, Поликарп Матвеевич! Что у тебя?

– Донесение от майора Чепракова, товарищ комвтора́нга! Сообщает, что в отряде Станкявичуса на днях ожидают прибытия агентов Абвера. Возможно, это «землеройка», которую мы ожидаем.

Абакумов вскинул голову:

– А от Мюллера есть подтверждение? Это же его мы закинули в отряд Станкявичуса?

– Так точно, Виктор Семенович! – Полковник вытянулся в струнку. – Ульриха Мюллера! Только у него нет рации. На связь с ним наши агенты из Вильно выходят раз в две недели, и то не всегда, так что подтверждение или опровержение этому донесению придет не скоро.

– Ты садись, Поликарп Матвеич, садись! – Абакумов встал из-за стола, в задумчивости прошелся по кабинету и снова вернулся на место. – Что предлагаешь?

– Если информация верна и координатор направляется именно к Станкявичусу, полагаю, что отряд Урбонаса можно ликвидировать. Слишком много банд в приграничном треугольнике Белоруссия – Литва – Польша. Пора начать от них избавляться. Оставим одну крупную, чтобы абверовскому куратору не из кого было выбирать. Чепраков сообщил о готовящейся совместно с Урбонасом операции по захвату одного из оружейных складов, естественно, липовых. Самое время воспользоваться этим и разбить врага. Только надо поддержать наших несколькими взводами автоматчиков и артиллерией. Самим им не справиться.

Абакумов забарабанил пальцами по столу.

– А что, если ожидаемый нами агент направляется не к Станкявичусу? Нашему человеку в разведшколе ведь так и не удалось установить точно, в какой отряд его посылают. Даже имя этой землеройки-бурозубки не установлено, этой купо... кусо...

– Кутора, товарищ комвтора́нга, – подсказал Федулов.

– Ну и кличку придумал ему твой Чепраков! Вот немцы его называют Бернштайн. На их языке – горячий камень, а по-нашему – янтарь.

– О, как! – не удержался от восклицания Поликарп Матвеевич. – Пожалуй, нашим заморским недругам все же больше подойдет название – ядовитая кутора!

– Согласен, – вяло усмехнулся Абакумов.

Федулов хорошо знал начальника и всегда безошибочно угадывал его настроение. Сегодня Виктор Семенович показался ему особенно обеспокоенным.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовался полковник.

Абакумов подозрительно взглянул на подчиненного:

– С чего взял?

– Видно же!

– Смотри, какой ясновидец объявился! – насупился Абакумов. – Случилось. Нарком внутренних дел Берия собирается взять под свой контроль начатую нами операцию.

– Уж не к «Березине» ли хочет подключить? – предположил Федулов.

– Возможно. Или вывести в самостоятельную разработку. В случае удачи у него возрастет шанс подмять под себя все спецструктуры страны. Понимаешь, что это значит? Это сосредоточить в одних руках всю власть.

– Она и так в одних, – заметил Федулов, намекая на руководителя страны и Верховного главнокомандующего, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Абакумов недовольно отвел глаза в сторону, подумав: «Ничего-то ты не смыслишь в политике, полковник!»

– Ладно, потом об этом поговорим, – буркнул Абакумов. – А пока давай о «Березине»...

В августе 1944 года, защищая переправу на реке Березина, возглавляемое подполковником Генрихом Шерхорном крупное немецкое соединение, численностью до полутора тысяч человек, было взято в кольцо советскими войсками. Гитлеровское командование принимало все необходимые меры, чтобы вывести его из-под удара Красной армии, но фронт с каждым днем

откатывался дальше на запад, и сделать этого не удалось. К операции по спасению соединения подключили одного из самых известных диверсантов, любимца Гитлера, Отто Скорцени. С попавшими в окружение быстро наладили воздушное сообщение, по которому регулярно поставлялось оружие и продовольствие. Однако немцы не знали, что к этому времени сотруднику НКВД Павлу Судоплатову удалось завербовать самого руководителя группировки, подполковника Шерхорна. Дал свое согласие на ведение радиоигры со штабом армии и его радист. С этого момента советская контрразведка имела возможность следить за деятельностью группы армий «Север», а операция получила название по имени реки Березина.

Сообщая руководству о стойкости и храбрости своих солдат в борьбе с Красной армией, вынужденной бросать против них новые части, Генрих Шерхорн просил всё больше оружия и боеприпасов. Гитлеровцы были уверены: доблестное подразделение успешно отвлекает на себя значительные силы русских. Восхищенное таким героизмом, командование Вермахта решило отправить в помощь осажденным спецгруппу парашютистов, но все они попадали в руки советских контрразведчиков...

– Как мы можем связать нашу операцию против литовских «землероек-бурозубок» – так с легкой руки майора Чепракова они стали называть «лесных братьев» – с группировкой Шерхорна у Березины? – поинтересовался Абакумов.

– На мой взгляд, никак, – пожал плечами Федулов. – Совершенно разные ситуации.

– Посмотрим. Передай Чепракову: по возможности слиться с отрядом Урбонаса. Возможно, так будет проще отследить путь ожидаемого нами немецкого агента до конечной точки, куда он направляется. Где-то же должны были собраться арестованный в Воронеже Коротков и другие. В общем, продолжаем делать всё то, что изначально задумывали. Пусть люди Берии

работают по «Березине», а мы будем доводить свою операцию до конца. Отдавать этого агента, как его там...

– Кутора, – напомнил Федулов.

– Отдавать его Берии я не намерен.

19

На базу старший сержант Грушин с Леонидом Кунгуровым и Колей Цвирко вернулись за несколько часов до начала операции, назначенной Андреасом Урбонасом. Выслушав доклад о результатах поиска останков Александра Довгунца и троих подпольщиков, майор Чепраков задумчиво произнес:

– Жаль, что ни один из них не выжил. Не скрою, я надеялся.

– Получается, что мы ошибались, принимая человека из отряда Лукашевича за Тарасевича? – заметил Грушин.

– Получается так, – согласно кивнул командир и, обернувшись к замполиту, приказал:

– Юрий Игнатьевич, когда все закончится, надо будет составить бумагу на бойца Александра Довгунца. Перевести его из списка пропавших без вести в список погибших, чтобы родственники могли получать пенсию. И не забыть сообщить им о месте его захоронения.

– Есть! – кивнул Вершинин, делая зарубку в памяти.

Чепраков хотел еще что-то сказать, но, взглянув на переминавшегося с ноги на ногу Цвирко, спросил:

– Николай, ты что-то хочешь сказать?

– Товарищ командир, я все же уверен, что видел человека из отряда Лукашевича с Лидой. В общем, на всякий случай мы привели ее с собой.

– Чего же сразу не сказали? – встрепнулся офицер. – Вот, чудачки! Немедленно ее сюда! Кстати, у меня тоже есть что сказать, но об этом чуть позже...

Впорхнув в протопленную землянку, девушка принесла с собой свежесть морозного воздуха. На какой-то миг Федору Ивановичу показалось, что вместе

с ней влетел и дух мирной, давно забытой жизни. Обменявшись приветствиями, он перешел к делу:

– Лида, скоро сюда войдет мужчина, с которым ты, как утверждает Николай, знакома. Он как-то видел вас вместе в городе. Я хочу знать, кто это...

Потянулись минуты долгого ожидания. Коротая время, собравшиеся в офицерской землянке расспрашивали девушку о городе, в котором больше не рвались снаряды и не звучали автоматные трели. Лида охотно рассказывала, как быстро люди возвращаются к мирной жизни.

– Представляете, у нас заработал кинотеатр, а в городском саду открыли танцплощадку с настоящим духовым оркестром! – воскликнула она в тот самый момент, когда дверь в землянку отворилась.

На пороге появился старшина Андрусенко. За ним, бросая по сторонам настороженные взгляды, вошел мужчина в пальто. Увидев его, Лида воскликнула:

– Это же Юрий Иванович! Он из наших...

Не дав договорить, майор продолжил за нее:

– Кузяков Юрий Иванович! Железнодорожный рабочий. Один из тех, кто состоял в подполье. Он же немецкий агент Шпала, сдавший товарищей капитану Хойеру, о чем последний успел написать рапорт своему руководству. Правда, не успел отослать. Документ был обнаружен среди бумаг, лежавших в одной из папок, найденных в лесу Колей Цвирко.

Чепраков сожалел, что не ознакомился раньше со списками Хойера. О том, что такие существуют, ему еще в Москве рассказал Федулов, получивший их от капитана Вовка. Но тогда, занятый подготовкой к предстоящей операции, Федор Иванович не обратил на это особого внимания, полагая, что в них указаны фамилии полицаев. Вспомнил лишь после заявления Сверчка, предположившего, что среди полицаев Лукашевича один человек мог быть знаком с подпольщицей Лидой. И только вчера, после очередного радиообмена, полковник Федулов, заново подняв бумаги капитана Хойера, сообщил ему настоящее имя агента Шпалы.

Отпустив всех, кроме замполита и старшины Андрусенко, майор подошел к предателю. Не выдержав его долгого пристального взгляда, Кузяков отвернулся.

– Юрий Иванович, как же так получилось, что вы стали предателем? – пытаясь сохранять спокойствие, обратился к нему Чепраков. – Только не рассказывайте, что ненавидите советскую власть и все такое.

– К власти у меня вопросов не больше, чем у других. Тут другое.

– Да? Что же?

Шпала ответил не сразу.

– Испугался я, когда к немцам попал! – честно признался он. – За родных испугался, не за себя.

– На жалость решили надавить? Будете про детишек своих несчастных рассказывать?

Кузяков шмыгнул носом:

– Говорю, как есть. И про детей скажу. В прошлом году фашисты моего брата застрелили. Он в партизанах был. Я его семью к себе забрал. С ними вместе нас шестеро стало. Детки малые, кормить нечем. Я на железную дорогу устроился. Немцы за работу неплохо платили. – Кузяков говорил быстро, словно боялся, что прервут, что по законам военного времени сразу к расстреляют. Не дадут высказать все, что на душе лежало с момента своего предательства. – Я ведь к Скобцеву сам пришел. Предложил Вадиму локомотивы из строя выводить, с партизанами рельсы взрывать. Так и было...

– Было! – Чепраков не сдержался, повысил голос. – И взрывы были, и поезда под откос пускали! Но никто никого не предавал! А ты сдал! Всех! Там, у мельницы, погиб один из наших товарищей. Ему бы жить еще да жить! Другой в плен попал. Коля Цвирко! Ты же узнал его? Что рассказал о нем старосте Лукашевичу?

Кузяков поднял голову:

– Паренька узнал, скрывать не буду. Видел их с Лидой пару раз. Потом мне его немцы показали. После того, как арестовали у мельницы. Тут я и

признался, что он из партизан. Когда здесь встретил в полицейской форме, сначала удивился. После стал догадываться, что тут что-то не так...

– Какой догадливый, сволочь! – Старшина Андрусенко сжал кулаки. – Лучше бы ты погиб и остался в памяти людей героем. Семья бы гордилась.

– Семья? – Кузяков повернулся к Циркачу. – А кто бы ее кормил, ты? Языком болтать – не землю пахать! Я, действительно, рассказал Спиридону о вашем пареньке. Сказал, что видел его в отряде Матюшина.

– Зачем? – удивился майор.

– Не знаю, – пожал плечами мужчина. – Наверное, хотел, чтобы староста поверил, что вы и в самом деле полицаи. В какой-то момент у Лукашевича сомнение стало закрадываться. Хитер он, пес!

Федор Иванович присел на табурет.

– Ты сказал, что сам пришел к Вадиму Скобцеву. Как узнал про подпольщиков?

– Так от брата и узнал.

– А он у кого в отряде был?

– У Тимофея Кручени.

– Ясно. Эпилепсией давно страдаешь?

– Падучей, что ли? Раньше приступы редко случались, а тут участились.

– Хворь твоя нас в заблуждение и ввела, – открылся Чепраков. – Мы тебя за Тарасевича приняли. Подумали, что это он, то есть ты своих предал, раз жив остался. Он ведь тоже этим недугом страдал?

– Об этом у нас многие знали. Из-за этого Вадим редко брал его на операции. Боялся, что подведет в самый важный момент. Володька обижался. О том, что и со мной такое редко, но бывает, он один знал. Я просил никому не рассказывать.

Кузяков смолк. В наступившей тишине слышно было, как за дверью воет борец, принесший в Белоруссию холод с севера.

– Меня расстреляют? – Голос бывшего подпольщика прозвучал неожиданно громко.

Чепраков отвернулся, выдохнул обреченно:

– Вас будут судить. Если повезет – отсидите, сколько отмерят, и вернетесь к семье. Кстати, где сейчас ваши близкие?

В потухших глазах Кузякова мелькнул страх:

– Я давно живу с мыслью, что рано или поздно меня найдут и накажут, но причем тут семья? Разве она виновата в том, что я сделал?

– Значит, вы признаете, что предали друзей? – подал голос старший лейтенант Вершинин.

Кузяков опустил голову:

– Себе не соврешь...

Дождавшись, когда конвойный увел его, Федор Иванович проронил:

– Жаль человека. Подвел себя под расстрел. А мог и вправду добрую славу о себе оставить.

Замполит задвигал желваками:

– А мне не жаль. Удивительно, сколько среди нас, советских людей, оказывается, жило потенциальных предателей! Сколько из-за них хороших людей пострадало, погибло?

Вспомнив историю своего ареста, майор Чепраков не стал развивать дальше эту тему. Повернувшись к старшине Андрусенко, приказал:

– Саша, приведи сюда Лукашевича. Посмотрим, что за фрукт такой. Надеюсь, он не видел, как выводили Кузякова?

– Я этого старикана к кашеварам отправил, товарищ командир, – ухмыльнулся Циркач. – На вид худющий, а ест за двоих.

– Напрасно. На сытый желудок совесть у человека плохо пробуждается.

Через несколько минут в землянку, прихрамывая, вошел бывший староста Спиридон Лукашевич. Поводив глазами по сторонам, он остановил взгляд на сидевших за столом двоих незнакомцах.

– Мне сказали, что здесь Кондрат Матюшин, – медленно произнес он, точно проскрипел.

Вошедший следом за ним Циркач ухмыльнулся, прикрывая дверь.

– Я и есть Матюшин! – улыбнулся Федор Иванович, жестом приглашая подойти ближе. – Что, не похож?

Поняв, что попал в западню, Лукашевич в нерешительности остановился. Тем временем Андрусенко ловко обезоружил его, забрав винтовку и висевший на поясе «Парабеллум».

– Да ты садись! – предложил Чепраков. – Чего стоять-то?! Садись, поговорим.

Присев на предложенный табурет, сколоченный из грубого горбыля, Спиридон задрал высоко голову, словно хотел всем своим видом показать, что не боится их.

– Нет, не похож на Кондрата. Росточком не вышел, – хмыкнул он, внимательно рассматривая сидевшего напротив человека.

– Дерзишь? – засмеялся майор. – Уважаю! Хочешь красиво умереть? Похвально, похвально.

– Чего же сразу умирать? – Голос Лукашевича становился все увереннее. – Может, еще сгложусь советской власти?

– Торгуешься? – Лицо Федора Ивановича нахмурилось.

– Можно и так сказать. Обмен хочу предложить. – Староста решил не тянуть время, а сразу перейти к делу. Вел он себя так, будто не в землянке красного командира находился, а со знакомым барыгой на рынке разговаривал. – Я вам своих людей отдам, а вы меня и еще пару человек отпускаете. Больше не попрошу. Идет?

– Торговля тут не уместна! – воскликнул Вершинин. Столь циничное предложение врага обескуражило его. – Ваших людей, считай, мы и так уже взяли.

– Э, нет, я не про тех, что недалеко в балке схоронились. Из этих мне только двое сгодятся. Остальных можете хоть под корень пустить. Людишки так себе, расходный материал. Оторви да выброси – не жалко. Я про других говорю. Про тех, кто меня в Литве дожидается. В Вильно.

Чепраков насторожился:

– Что за люди?

– Тут я пока промолчу. – Лукашевич расправил плечи, хитро прищурился.

– Скажу одно: без меня они словно котята слепые, а со мной могут уйти по морю, как по суше. Есть у меня такая договоренность с рыбаками. За приличные деньги, конечно.

Циркач вспомнил слова Зосима Рублёного, сказанные им в «болотном домике». Склонившись к уху командира, он прошептал:

– Федор Иванович, я про море уже слышал от его людей. Похоже, это он про латышских рыбаков намекает. Закрывать бы этот канал переброски!

– Стало быть, те, кто в Вильно, готовы заплатить за то, чтобы ты их доставил в... А куда, не скажешь?

Лукашевич засмеялся:

– Хитер! Куда – не скажу, иначе и мне вы дорогу перекроите. Но людишек отдам. Правда, после того, как деньги получу. Там, у моря и сдам их тебе с рук на руки. Ну что, по рукам?

– У моря – это в Латвии, что ли?

Даже при тусклом свете было заметно, как побледнел староста.

– С чего так решил? Может, я через Польшу или Эстонию собираюсь уйти?

– Ну-у... многозначительно произнес Чепраков. – Ладно, сдашь тех, кто в Вильно, а там посмотрим, что с тобой делать. Может, и отпущу. В общем, мне подумать надо.

– Ты думай, думай. Я за свое слово ответ держу, а ты думай.

Федору Ивановичу на мгновение показалось – староста уверен, что легко обведет его вокруг пальца и избежит всякого наказания.

Велев Андрусенко увести арестованного и держать его отдельно от Кузякова, майор вызвал радиста. Проверить версию с рыбаками сам он не мог. Существует ли такой канал для переброски военных преступников за рубеж или нет – пусть этим занимается Центр, решил он.

Чепракову лишь под утро удалось ненадолго прилечь, но уснуть так и не получилось. Едва он закрыл глаза, как был поднят старшиной Андрусенко, сообщившим, что бывший подпольщик Кузяков обнаружен повешенным.

20

Вокруг стояла кромешная темнота, и до рассвета еще оставалось много времени, но лагерь уже просыпался. Скоро всему отряду предстояло выступить. Перед переходом необходимо было подкрепиться. Чтобы не привлекать внимание неприятеля дымом от костров, еду в лагере готовили два раза в день – рано утром и поздно вечером.

Федор Иванович вызвал радиста.

– Готовься! – приказал он. – Сразу после завтрака уйдешь вместе с дедом Захаром на запасную базу. Лида пойдет с вами. Сюда мы больше не вернемся.

Григорий попытался возмутиться:

– Товарищ командир, я что, снова не участвую? Уже перед ребятами стыдно, честное слово! Бережете меня, будто я девица какая.

– Гриша, ты мне нужен живым и невредимым. Вдруг тебе кисть отстреляют, как будешь морзянку отбивать?

– А вторая рука на что? Я ими обеими владею.

– Вторая – чтобы ложку держать, – пошутил Федор Иванович, пытаясь поднять настроение не столько бойцу, сколько себе.

Полчаса спустя из Центра поступили данные, которые оказались неожиданными для командира спецподразделения «СМЕРШ». Новые вводные полностью меняли утвержденный ранее план, которому Чепраков следовал до этого.

Из сообщения полковника Федулова стало известно, что Станкявичусу поступил приказ выдвинуться к переправе у реки Березина. Литовцы должны были прорубить коридор для выхода по нему группировки подполковника Шерхорна, еще летом оказавшейся в ловушке. Москва полагала, что аналогичный приказ мог поступить и Урбонасу.

Майору Чепракову предписывалось любым способом приостановить продвижение литовских бандформирований к Березине до прибытия особых частей НКВД.

«...Подтверждаем прибытие Станкявичусу агентов Абвера тчк
Установить точно есть ли среди них агент Бернштайн-Янтарь не удалось тчк»,
– последнее, что прочитал Федор Иванович.

Некоторое время он сидел в полной растерянности. Срывалась назначенная на утро совместная с Урбонасом операция по захвату склада. В ней уже не было никакого смысла. Выступить открыто против литовцев, даже если собрать всех своих людей воедино, было самоубийственно. Восемьдесят человек и получаса не продержатся против нескольких сот.

Прочитав расшифровку радиогаммы, старший лейтенант Вершинин предложил:

– Надо предупредить Вовка, пусть уходит на запасную базу, там и встретимся.

Отряд капитана Вовка, готовый по приказу Чепракова выступить в любой момент, находился в нескольких километрах от оборы.

– А что, если Урбонас решится идти на склад? – Майор не оставлял такой возможности. – Там в охране только солдаты Игнашевича. Без минометов и пулеметов Вовка литовцы легко уничтожат всех. Я обещал подполковнику, что его люди не пострадают. В общем, к складу надо идти, а там как жребий вытянется, – подытожил командир. – Надеюсь, Виктор подготовился к отражению.

– Знать бы точно, сколько людей приведет с собой Урбонас, – вздохнул Вершинин.

Отправив к капитану Вовку посыльного с приказом немедленно выдвигаться, отряд Чепракова снялся с места.

К оборе подошли незадолго до назначенного времени. Уверенности в том, что Урбонас появится, у майора не было. Уж очень осторожен был литовец. На всякий случай навстречу отправили двоих бойцов. К немалому

удивлению Федора Ивановича, прибалты появились вовремя. Вернувшиеся разведчики доложили, что их не меньше семидесяти-восемидесяти человек.

– Как вооружены?

– Автоматы, карабины. Ничего существенного.

Чепраков огляделся. Вокруг только деревья, тихие и печальные в предутренней тишине, да каменная обора с подслеповатыми глазами-оконцами. Сейчас она вздрогнет, откроет веки, и, быть может, в последний раз в своей жизни взглянет на окружающий мир перед тем, как навсегда сложится в одну каменную кучу.

А на земле, вросшись в нее, ждали приказа своего командира его боевые товарищи. Майор взвел пистолет и выстрелом в воздух подал сигнал к началу штурма. Через мгновение десятки автоматных и винтовочных выстрелов огласили округу.

Первая атака бросившихся с криками на склад «полицаев Матюшина» захлебнулась почти сразу же, как только со стороны каменного строения застрочили пулеметы. Упав на землю, смершевцы продолжали стрелять, старательно посылая пули поверх крыши. Не отставали от них и на западной стороне. Литовцам позарез нужно было оружие. Несколько брошенных ими гранат едва не сорвали с петель тяжелые железные ворота, но они устояли. Лишь один из углов каменного строения осыпался.

Выждав несколько минут, Чепраков, пригнувшись, побежал назад, в лес. По ногам больно стегали обледеневшие ветки кустарников. Пробежав метров двести, он остановился. Здесь, в небольшой балке, под незаметным пригладом Черенкова, дожидался староста Лукашевич. Тут же недалеко, в «резерве», сидели вместе с Николаем Цвирко и Сергеем Кнутовым ничего не подозревавшие остальные полицаи.

– Все, Спиридон, твой выход, – приземлившись рядом, прошептал майор.

– Делаем так, как договаривались. – Ты хотел двоих забрать? Забирай сейчас. Винтовки пусть оставят при себе, чтобы другие ничего не заподозрили. Остальным прикажешь идти со мной, понял?

– Неужель и вправду отпустишь? – прошамкал беззубым ртом бывший староста.

– Не в этот раз! – Чепраков сменил у автомата пустой рожок на полный. – Ты мне еще своих людей не сдал, тех, что в Вильно дожидаются, забыл?

– Как же, забудешь с тобой, – проворчал старик. Кликнув Зосима Рублёного и Онисима Загорулько, он коротко объяснил майору свой выбор: – Племяши мои, куда без них.

Оставив с ними Черенкова и Кнутова, Федор Иванович вернулся на передний край. Приказав Вершинину держать юго-восточный фланг, он, взяв с собою старшину Андрусенко и двух стрелков, вместе с полицейскими Лукашевича спешно направился к литовцам. Чтобы не попасть под шальные пули своих же товарищей, засевших в оборе, пришлось сделать приличный крюк.

Несколькими минутами позже ефрейторы Черенков и Кнутов присоединились к Вершинину. А в одной из лесных промоин навечно остались лежать тела троих полицейских.

Чепраков с самого начала не верил в историю старосты Лукашевича о неких людях в Вильно. Но ему еще предстояло сыграть свою последнюю роль на земле. Изворотливый предатель нужен был ровно до того момента, пока не приказал своим людям идти за «Матюшиным».

Ветер с севера разогнал часть туч. Сквозь ветви деревьев стали пробиваться первые лучики солнца.

Увидев «Кондрата», навстречу из-за дерева выскочил взопревший от боя Вилкас.

– Здорово быют! Не думал, что у них пулеметы имеются, – заметил он.

– Где Андреас? – взглянул на него Чепраков. – Никак струсил?

– Ему не до склада. Он наши отряды собирает.

– Какие еще отряды? Зачем? Мы и сами с тобой здесь управимся, – строя из себя простачка, проронил майор.

Догадка, мелькнувшая в его голове, требовала подтверждения.

– Потом узнаешь. Встретишься с ним, когда оружие возьмем. Андреас хочет кое-что тебе предложить.

Подозрение майора усилилось. «Очевидно, Урбонас также получил приказ следовать к Березине и хочет предложить мне идти с ним», – решил он, чувствуя острую необходимость встретиться с Куртом Краузе. Находившийся в отряде Урбонаса их немецкий товарищ наверняка мог знать об этом.

– Вместе пойдем к нему, – без промедления согласился Чепраков. – Только сначала возьмем этот чертов склад.

Оставив в помощь литовцам людей старосты Лукашевича, майор со своими бойцами повернул обратно.

Еще одна атака также оказалась безуспешной. После третьей, потеряв не менее трех десятков убитыми, Вилкас приказал своим отступать.

В Литву уходили вместе.

– Что-то мы с тобой проглядели, – устало проговорил «Матюшин».

На ходу перетягивая бинтом раненую руку, помощник Урбонаса покосился на него:

– Ты о чем?

Майору показалось, что литовец не сильно расстроен неудавшейся атакой и гибелью своих товарищей. И все же следовало отвести от себя любые подозрения.

– Откуда здесь вдруг пулеметы оказались?

Вилкас одарил его взглядом, не лишенным некоторого презрения:

– Видно, что ты полицейский. Ничего не смыслишь в охране.

– Ты что, ранен? – проявил «Матюшин» сочувствие.

– Пустяки, зарастет. Главное, кость не задета.

– Это хорошо. Плохо другое.

– Что? – насторожился Вилкас.

– Я Андреасу оружие обещал раздобыть да вот не вышло. Зря только людей погубили. Моих много полегло.

Федор Иванович уже знал, что все полицейские Лукашевича, которых он выдавал за своих, погибли. Но офицера угрызения совести не мучили. В конце концов, они не в затылок были застрелены, как предатели, а встретили свою смерть в открытом бою.

– Что поделаешь, на войне не все получается так, как мы хотим.

– Ты словечко-то замолви за нас Урбонасу, – попросил «Кондрат». – Пусть к себе возьмет. Без вас мы сгинем.

Приумножившись значения, литовец пообещал:

– Скажу, скажу. Андреас мне доверяет, как себе. Мы далеко собираемся идти. Не боишься?

– С вами – нет.

Теперь Чепраков был почти уверен: литовцы готовятся идти к Березине.

К небольшому – в семь домов – хуторку они подошли к полудню. Как оказалось, это и был лагерь литовских повстанцев. Прежних жителей здесь не осталось. Еще летом, с наступлением Красной армии, все сбежали на север страны. Войдя в первый же на пути домик, Вилкас вскоре вышел обратно.

– Урбонаса нет сейчас в лагере, – объявил он. – Ушел на встречу со Станкявичусом. Вернется только к вечеру.

Чепраков догадался: объединение обоих отрядов неизбежно.

Место его людям отвели в лесу, чуть поодаль от домиков, где среди деревьев спрятались с полсотни невысоких навесов, крытых валежником и камышом.

– С весны стоят, – прошептал Федор Иванович Циркачу с Вершининым, расположившимся под одним с ним навесом.

– Угу, – кивнул Андрусенко. – И валежник, и камыш успели порыжеть. Это какое-то летнее убежище. Зимой тут околоть можно.

– Обычно на зиму они по домам расходятся. – Майор снял сапоги, размотал портянки, давая усталым ногам отдохнуть. – Большинство сидят у печи, но некоторые по ночам постреливают из-за угла.

– Надо бы пройтись, осмотреться, – предложил Вершинин.

– Вот я и пойду, а ты останешься, – приказал командир. – Хочу разыскать Курта.

Незаметно посматривая по сторонам, не наблюдает ли кто за ними, Циркач поднялся.

– Дозвольте с вами, господин Матюшин! Очень пить хочется, знаете ли!

– Дозволяю, – сбив с форменки налипшую грязь, кивнул Федор Иванович и, предупредив остальных соблюдать осторожность, пошел по дорожке, щетинившейся по обочинам сухой травой. В воздухе разливался легкий запах прелых листьев. Большие мрачные тучи снова нависли над головами, грозя разразиться очередным дождем.

Едва Чепраков с Андрусенко сравнялись с крайним домиком, как из него неожиданно выскочил Краузе. Обрадовавшись, словно увидел старых приятелей, немец подбежал к майору и протянул руку для приветствия:

– О, майн Готт! Матюшин! Матюшин!

– А, наш знакомый! – демонстрируя радость от встречи, Федор Иванович также расплылся в слащавой улыбке. – Ты еще здесь? Я уж думал, давно в неметчине своей гуляешь.

– Матюшин! Матюшин! – Продолжал тормошить его Краузе, схватив за плечо.

– Надо же, встретились как хорошие знакомые! – раздался за их спиной голос Вилкаса. – А кто-то еще недавно собирался убить этого несчастного, – ссызвил он.

– Да брось ты! Чего от злости не скажешь, верно, геноссе Курт?

– О, я, я, геноссе! Друг! Матюшин ест мой друг!

Курт принялся рассказывать литовцу, знавшему немного немецкий язык, как однажды Матюшин спас его от красных комиссаров, за что он до конца дней своих будет благодарен ему.

– Ком, ком, Матюшин! – замахал немец руками, призывая войти в дом.

Заметив, что Вилкас насторожился, Циркач окликнул его:

– Где тут водицы можно испить?

– Что? – не расслышал литовец.

– Где, говорю, можно попить, умыться?

Остановив проходившего мимо паренька в немецкой солдатской шапке, Вилкас что-то сказал ему на родном языке. Выслушав, тот молча кивнул.

– Иди за ним, он покажет. Чуть позже печь протопится, баня будет, – исчезая за углом соседнего дома, выкрикнул Вилкас.

Войдя в дом, Чепраков оказался в небольшом помещении.

– А теперь быстро рассказывай, какие новости! – прошептал он на ухо Курту. – Что слышно об агентах Абвера, прибывших в отряд Станкявичуса? Есть ли среди них тот, кого мы ждем? Что известно о группировке Шерхорна, попавшей в окружение у реки Березина? Собирается ли Урбонас идти туда? Что слышно от вашего товарища Мюллера? И последнее: что известно о польском отряде? По нашим данным он прячется где-то в этом районе.

– Много вопросов, не успею ответить. Я лучше напишу все на листок и позже постараюсь передать вам, – зашептал в ответ Краузе, спешно доставая из шкафчика небольшую буханку ржаного хлеба и кусок сала. – Про поляков отвечу сразу: они ушли на свою территорию. Вы надолго здесь?

– Пока не знаю. Все будет зависеть от разговора с Урбонасом. Как вы думаете, он поверил нам?

– Думаю, да. Что там случилось у складов? Много раненых вернулось.

– Убитых не меньше, – с довольным лицом победителя ответил майор.

Курт недовольно нахмурил лоб:

– Речь все же о людях идет!

– Что такое, Краузе? Сидели бы они дома, остались бы людьми! Хотя я вас понимаю. На войне любая победа с оттенком грусти.

– Оружие раздобыли?

– Мы и не собирались вооружать своих врагов. Просто нужно было заручиться их доверием.

Чтобы не вызвать подозрений, Федор Иванович покинул домик.

– Матюшин, эссен, эссен! – Выскочив следом, Краузе вложил в его руки хлеб с салом. – Кушать!

Ближе к вечеру Курт сумел передать записку. В ней говорилось, что в отряд Станкявичуса, действительно, прибыли «бурозубки». Двое из троих – офицеры Абвера. Старший – майор Альфред Шульц, кавалер Рыцарского креста, в совершенстве владеющий английским языком. По всей видимости, он и есть Кутора, или Бернштайн-Янтарь. Второй – гауптман. Третий член команды – женщина-радист...

Уничтожив записку, Чепраков задумался. О попавшей в засаду группировке Шерхорна ни Краузе, ни Мюллер до последнего времени ничего не знали. Очевидно, литовцы или сами не владели информацией, или по каким-то соображениям не сочли нужным сообщить им. Курту стало известно, что майор Шульц привез приказ всем здешним отрядам собраться в одном месте и ждать дальнейших указаний.

Федор Иванович знал, что большие отряды, вроде тех, которыми руководили Станкявичус и Урбонас, не имели единой базы на определенной географической точке, а были раздроблены на малые группы и разбросаны по хуторам и лесным массивам. Бороться с ними не представлялось возможным. Понадобилась бы целая армия секретных сотрудников. Он понял: приказ собрать все отряды в одном месте, привезенный местным повстанцам неким майором Шульцем, – это шанс, какого больше может не быть.

Андреас появился поздним вечером, в слегка подпитом состоянии и весьма приподнятом настроении. Встретившись с Чепраковым-Матюшиным, литовец не преминул похвастаться новеньким немецким орденом «За храбрость», который получил из рук, с его слов, «очень важного майора Абвера».

Поздравив с получением столь высокой награды, «Кондрат» пожелал командиру литовского отряда доблестных побед и, воспользовавшись моментом, попросил взять его отряд под свое начало.

– Ладно, так и быть, беру тебя с твоим вшивым отрядом к себе. Вилкас сказал, что вы сегодня храбро сражались.

– Мы старались. Жаль только, что оружие не смогли добыть, – потупил взор «Матюшин». – Охрана там оказалась усиленная.

– Ерунда! – Урбонас победно похлопал его по плечу. – На днях у меня будет столько немецкого оружия, сколько захочу. Скоро мне нужны будут верные и надежные помощники. Не такие, как эти чертовы поляки, которых мы выгнали с нашей земли. Они хотели доминировать над нами, но у них ничего не вышло. Скоро немцы наградят меня настоящим железным крестом. Ты знаешь, что это значит? Это откроет мне дверь в другой мир, – продолжал бахвалиться Андреас, одновременно выпроваживая его во двор. – А теперь иди. Мне нужно отдохнуть.

Оказавшись на улице, «Матюшин» еще раз поблагодарил своего «благодетеля» за доверие.

– Хочу завтра к себе на базу вернуться. Надо забрать остальных людей и кое-какие вещи, – предупредил он.

Урбонас одобряюще махнул рукой:

– Скорее возвращайся. Скоро нас ждут большие дела.

«А мужичка-то не на шутку окрылила награда», – думал Чепраков, возвращаясь под навес.

Оставив позади домики, майор ступил в темный лес. Почти сразу перед ним выросла тень.

– Не бойтесь, это я! – узнал он тихий голос Краузе. – Как все прошло?

– Нормально, – прошептал Чепраков, отводя от его живота пистолет.

Еще один, упершийся немцу в спину, убрал Циркач, неожиданно выросший за его спиной.

– Не стоит долго стоять на одном месте! – выдохнул старшина в лицо оробевшего Курта. – Глаза разведчика быстро привыкают к темноте!

– Хорошо работаете! – восхитился Краузе. – Я не заметил, как вы подошли.

Приблизив лицо, Чепраков прошептал на ухо немцу:

– Вам необходимо узнать точные координаты места встречи всех отрядов.

– Передадите их Циркачу. Он остается здесь, а мне нужно будет ненадолго вернуться в лес.

21

В новом лагере Федору Ивановичу не спалось. Этим вечером он встречался с капитаном Вовком, от которого стало известно, что у оборы погибли двое солдат подполковника Игнашевича. Еще семеро были ранены. К счастью, из отряда Виктора серьезно никто не пострадал. Несколько человек получили незначительные ранения. Помогло старое сооружение. Устояло, прикрывая защитников.

Похвалив за работу пулеметчиков, майор передал капитану координаты хуторка, где разместился отряд Урбонаса.

– Держитесь неподалеку от нас, чтобы в нужный момент могли прийти нам на помощь, – предупредил он, провожая.

Виктор ушел готовиться к переходу в Литву.

Устав от мыслей, Федор Иванович встал с топчана, накинул на плечи шинель и вышел пройтись по территории новой базы, куда перешла небольшая часть его отряда. Утром им снова собираться. Теперь в Литву, в лагерь Урбонаса.

Холодало. С неба сыпал мелкий снежок. Налетевший ветер срывал с еловых лап белые дымки, бросая их в лицо. Осени оставалось жить совсем недолго. Болотно-озерно-лесное царство вокруг готовилось к зиме.

Плотнее закутавшись в шинель, Федор Иванович стал поворачивать обратно. Неожиданно перед ним из густого кустарника вырос старшина Андрусенко.

– Товарищ командир, разрешите доложить? – обратился Циркач, приставив руку к козырьку.

– Тьфу ты, чертяка! Никак не привыкну к твоим внезапным появлениям, – пряча пистолет обратно в карман, ругнулся майор.

– Сами хороши, Федор Иванович! Вон, как ловко с оружием управляетесь.

– Не ожидал тебя так скоро. Что случилось? Я же тебя у литовцев оставил. – Взяв старшину за локоть, Чепраков повел его быстрым шагом к землянке. – Давай, выкладывай.

– Меня Курт прислал, – начал Циркач. – Приказ пришел, собрать в течение ближайших трех дней все группы, чтобы было как можно больше людей. Место сбора – лагерь Урбонаса.

Федор Иванович скинул с себя шинель, прошел к буржуйке.

– Хоть с этим повезло, далеко идти не надо будет, – хмыкнул он. – Откуда стало известно?

– От Мюллера. Он сегодня приходил вместе со Станкявичусом. Осматривали лагерь. С ними еще трое немцев. Только мне кажется, что они не по этому вопросу.

Услышав их разговор, проснулся старший лейтенант Вершинин.

– Говоришь, не по этому вопросу? А по какому?

– Курт говорит, что немцев больше интересуют северные территории Литвы и Латвии. Район реки Березина их не очень заботит.

«Вероятно, именно с Севера Прибалтики следует ожидать поступления помощи местным повстанцам», – решил Чепраков. Отпустив старшину, он с Вершининым склонились над картой. Скоро в Центр полетело очередное донесение с указанием точных координат хутора, где располагался лагерь Урбонаса.

Ответ пришел утром. Прочитав расшифровку, Чепраков повернулся к ожидавшим в нетерпении старшему лейтенанту Вершинину и вызванному ночью нарочным капитану Вовку.

– Операция начнется послезавтра, за час до наступления темноты, – коротко сообщил командир.

Хутор напоминал большую стройку. Повсюду были слышны звуки стучащих молотков и топоров. Из леса доносился визг пил и треск падающего сухостоя. Прибывавшие отовсюду малыми и большими группами «лесные братья» строили себе временные укрытия.

Лежа под навесом, Федор Иванович продумывал план действий. Он знал, что скоро лагерь опустеет. Получив приказ выдвинуться на помощь немецкому соединению у реки Березина, огромная масса вооруженных людей, сметая все на своем пути, пойдет быстрым маршем по Белоруссии. Это произойдет завтра. А сегодня вечером ожидается грандиозная попойка. Командиры Урбонас и Станкявичус обещали выставить спиртное. Из ближайших хуторов пригнали несколько коров. Будут жарить мясо.

От раздумий майора отвлек Вершинин, обратив его внимание на мужчин в форме немецких офицеров, прогуливавшихся по крохотной хуторской улочке взад-вперед.

– Кажется, это те, кого мы ждали! – проронил он.

Приподнявшись на локоть, Федор Иванович глянул в сторону немцев.

– Похоже на то.

Офицеры явно пребывали в приподнятом настроении. Находившийся поблизости от командира Андрусенко повернулся к друзьям-неразлучникам, Лопате и Кнуту. Припав спинами к толстому стволу старой сосны, разведчики ловили последние теплые лучики осеннего солнца.

– Хороший ожидается сегодня вечерок! – прищурил глаз Циркач.

– Угу, – лениво буркнул Черенков.

– Це ты точно казав, – подал голос и Осип – один из украинцев, присоседившихся к ним под широким навесом. Рядом на огромном, крепко сколоченном топчане возлежали еще человек восемь его соотечественников. Это были их знакомые из УПА, с которыми чепраковцы несколько раз пересекались раньше. С их подачи отряд майора и сошелся с литовцами Урбонаса.

– Сейчас бы самогонки стакан заглотнуть да выпаться чуток, – мечтательно произнес Кнутов.

– Ще б жинку якусь непогану! – добавил Осип.

– Ишь ты, чего захотел? Женщину ему подавай! – хохотнул Циркач.

– Лучше поспать! – зевнул Сверчок, кутаясь с головой в полицейскую шинель. Так он пытался спастись от их громких голосов.

– Ишь ты, поспать! А кто службу нести будет? – Дотянувшись до его руки, Андрусенко резко потянул ее на себя. – Запомни, соня: в лесу даже у малого зверя есть длинные уши и зоркий глаз! – Он незаметно подмигнул юноше, показав подбородком в сторону прогуливавшихся немцев. – В лесу все далеко видят и хорошо слышат. И спать тут нужно с открытыми глазами, понял? Иди, вон, лучше водички принеси.

Кивнув в знак того, что намек понял, Сверчок нехотя поднялся.

– Ну, вот, не дали поспать. Все бы вам, дядьки, младших забижать.

– Иди-иди! Спать ему вздумалось.

Выйдя немцам за спину, Сверчок, не торопясь, последовал за ними. Минутой позже к двум офицерам присоединились еще трое немцев – двое мужчин и невысокая женщина, одетая, как и первые, в маскировочный костюм, скрывавший ее тонкую фигуру. В одном из офицеров Сверчок узнал Курта. Все пятеро о чем-то непринужденно заговорили.

В лагере Урбонаса женщин было немного, человек пять, и все они являлись женами или подругами местных командиров, поэтому появление с офицерами красивой, лет тридцати пяти немки, никого не оставило равнодушным.

Прошагав за ними пару десятков метров, Сверчок свернул в сторону колодца. Набрав воды, он хотел отпить ее прямо из ведра, но чья-то мягкая рука удержала его за локоть.

– Найн! – услышал он женский голос и обернулся. Перед ним стояла та самая немка. Рядом – улыбающийся Курт. – Найн, – повторила она, показывая

своим фарфоровым пальчиком на висевшую на стальной цепочке железную кружку.

Сверчок покраснел, почувствовав себя дикарем. Наполнив кружку, он протянул ее женщине, но та не стала пить. Сняв с головы кожаную шапку-шлем, похожую на те, что носили летчики, немка набрала в ладошку немного воды и протерла ею лоб. Без головного убора она показалась Сверчку еще привлекательнее. С большой неохотой он отвел взгляд от ее зеленых глаз и густых курчавых волос цвета зрелой пшеницы.

Вернув кружку, женщина одарила его улыбкой и повернула обратно. Стоявший рядом Краузе задержался.

– Гуд, югенд, гуд! Ошен карашо! – похвалил он юношу за сообразительность.

– Да ладно, чего там, – засмутился Сверчок, успев шепнуть время начала операции, назначенной на сегодня.

– Ошен, ошен карашо! – снова повторил Краузе и пустился догонять свою спутницу.

Вернувшись под навес, Коля присел на лежак и стянул с себя сапоги. Перехватив его многоговорящий взгляд, Циркач улыбнулся.

– Ну, что, вьюнош, как выглядит вблизи немецкое счастье? – спросил старшина, тем самым невольно признавшись, что все это время наблюдал за ним. – Как тебе бабушка?

– Никакая она не бабушка, – заступился за женщину Сверчок. – Очень даже миловидная.

– А где же вода? – напустился на него старшина, ломая бровь.

Упав на спину, юноша глубоко вздохнул:

– На цепи! Кружка на цепи, – уточнил он. – Никак не принести.

– Значит, миловидная, говоришь? – уже более спокойным тоном поинтересовался Андрусенко.

– Лида милее будет, – проворчал Николай. – Я ей такие же духи подарю.

До начала операции еще оставалось время, можно было вздремнуть...

Налет авиации на хутор оказался для собравшихся в лагере неожиданным. Падая, бомбы раскатисто охали, переворачивая землю, оставляя от домов одни щепки. Люди в замешательстве разбегались, спасаясь от взрывов. В суматохе никто не догадался потушить костры, на которых жарилось мясо. Они, словно путеводная звезда, указывали место советским летчикам, куда следовало укладывать бомбы. Завершив первый сброс, бомбардировщики вышли на второй круг, после чего исчезли за горизонтом так же внезапно, как и появились.

Взорванными оказались все дома на хуторе. Горели хозяйственные постройки. Отовсюду доносились крики раненых. Спустя некоторое время уцелевшие стали собираться на изрытом взрывами поле, но тут кто-то пустил слух, что авианалет может повториться, и снова все бросились врассыпную, опасаясь за свои жизни. Разбегались целыми группами.

Недалеко от хуторка выжидал своего часа отряд под руководством капитана Вовка. Минут через десять после того, как самолеты улетели, офицер поднял руку, обращая на себя внимание товарищей. Полсотни бойцов Красной армии были готовы по его команде ринуться в едином порыве в атаку.

– Минометчики, огонь! – скомандовал капитан.

По-змеиному зашипев, из труб стали вылетать снаряды. Теперь «лесных братьев» накрыл минометный дождь. Расстреляв весь запас, контрразведчики побросали ненужные установки и схватились за автоматы.

Первым в атаку поднялся капитан:

– Вперед! В атаку! Снайперам бить наверняка! – закричал он...

Полчаса спустя все было кончено. Никто не считал, сколько уцелело «лесных братьев» и примкнувших к ним коллаборационистов из соседних республик. Майор Чепраков был уверен: оставшиеся в живых теперь не скоро опомнятся.

Одна из главных задач была выполнена. Окруженной группировке фашистов у реки Березина не стоило больше ожидать помощи из Прибалтики. Но оставалась еще одна, самая важная часть задания. Требовалось установить, был ли кто-то из прибывших офицеров Абвера Бернштайном-Куторой. Чепраков понимал, что вычислить связанного с Западом координатора будет нелегко. Брать всех в плен, значит, разрушить задуманный Москвой план игры с перевербовкой важного агента. Упусти хоть одну деталь, и на Западе поймут, что агент провален.

Впавший после страшного налета в меланхолию, кавалер Рыцарского креста майор Шульц, сидя прямо на земле, благодарил Бога, что даровал ему жизнь. Словно заклинание он повторял, как им всем несказанно повезло и что

родились они под счастливой звездой. Остальные немцы охотно поддакивали ему.

Сотрудники Абвера не знали, что их спасителями были контрразведчики НКГБ СССР Курт Краузе и Ульрих Мюллер. За несколько минут до налета авиации немецкие антифашисты, по заданию майора Чепракова, предложили майору Шульцу и гауптману, а так же фрау Эльзе, прогуляться к расположенному неподалеку небольшому озерку, пока повара будут готовить для них изысканный ужин. К ним присоединился и Андреас Урбонас, на груди которого красовался новенький орден мужества. В лагере из крупных руководителей оставался один Станкявичус, сославшийся на то, что кому-то необходимо проследить за вечерними приготовлениями. Взрывом бомбы он был убит одним из первых. Вскоре под минометный обстрел, последовавший после авиаудара, попал и Андреас Урбонас, пытавшийся укрыться в лесу с небольшой горсткой своих людей.

Избежать гибели удалось немногим. Снятые точными выстрелами снайперов, в лесу остались лежать и все украинские националисты. Тщательно разыгранная майором Чепраковым партия подходила к концу. Офицеры Абвера практически оказывались у него в руках. И только где-то затерявшийся Вилкас все еще оставался угрозой.

Наступало то время поздней осени, когда дожди со снегом и сильными ветрами, с непроглядной теменью ночей, являлись прекрасным прикрытием для засад и налетов. Представив, какую силу может собрать вокруг себя Вилкас, сколько еще жизней будет оборвано его людьми, униженными и обозленными сегодняшним провалом, Федор Иванович крепко сжал рукоять автомата и вошел в лес.

С Вилкасом они столкнулись в двух верстах от уничтоженного хутора. Охватив широким взглядом окружавших Матюшина полицаев, литовец проговорил:

– Я смотрю, ты всех своих сохранил?

– Почти.

– И как тебе это удалось? И от бомбежки ушли, и от минометного обстрела!

Майор Чепраков не горел желанием рассказать врагу, что его люди своевременно укрылись в лесной ложбинке, незаметно, один за другим покинув хутор. Не мог он раскрыть и немецких товарищей, уведших от бомбежки абверовцев.

– Ты никак подозреваешь меня в чем-то? – Голос майора возвысился.

– Все же любопытно! – Опускаясь на землю ночная темень не смогла скрыть зловещую ухмылку на лице Вилкаса, успевшего собрать вокруг себя человек сорок. – Все совпадает, Матюшин, или как там тебя! Сперва налет на склад, неудачный для нас, теперь налет авиации, удачный для тебя. Что скажешь?

Желая уберечь своих бойцов от гибели, Чепраков попытался избежать прямого столкновения.

– Там, у склада, погибли и мои люди, – напомнил он, имея в виду людей Лукашевича.

Однако на Вилкаса его слова уже никак не повлияли. Выкрикнув что-то на родном языке, он направил ствол автомата на Чепракова.

Лишь на долю секунды опоздал литовец. Прошитое пулями, его тело медленно завалилось на землю лицом вниз. В следующее мгновение глаз майора уже выхватывал очередную цель.

Скоротечный победный бой принес и горечь потерь. Уничтожив всех людей Вилкаса, контрразведчики не досчитались в своих рядах восьмерых товарищей. Собрав тела убитых, бойцы уложили их в глубокой промоине и завалили ветками и упавшими деревьями. Времени на то, чтобы похоронить достойно не оставалось. Необходимо было срочно разыскать офицеров Абвера, с которыми – Чепраков на это очень надеялся – оставались Краузе и Мюллер.

Вернувшись на хутор, они нашли гитлеровцев у раскуроченных домов. Жалкими и растерянными показались офицеры майору Чепракову. Однако он

был уверен: это состояние обманчиво. Абвер умел готовить своих агентов к опасностям и всевозможным неожиданностям.

Федор Иванович решил не раскрываться до поры до времени, оставаясь для них полицейскими. Он помнил разговор с полковником Федуловым. «Этот Кутора – тот еще зверь! – предупреждал его начальник 2-го отдела контрразведки НКГБ. – Просто так его не возьмешь. И никогда не распознаешь среди сотни других, пока он сам себя не выдаст чем-нибудь».

Шепнув Вершинину, чтобы отвлек немцев, Федор Иванович успел перекинуться с Куртом Краузе.

– Удалось установить, кто из них Бернштайн? – спросил он, когда они отошли немного в сторону.

Курт развел руками:

– Это сложно. Сначала мы с Ульрихом подозревали майора Шульца, но теперь склоняемся к мысли, что это может быть гауптман Фишер.

– Почему?

– Все время молчит. Если отвечает, то сухо, отрывисто. Сам ни с кем не заговаривает первым.

– Продолжайте наблюдать, – приказал Чепраков. – Помните: один из них может иметь приказ в случае опасности уничтожить Бернштайна. Постарайтесь склонить их идти с нами на Север. По дороге попробуем разыграть нападение на нас. Нападавшими будут бойцы Вовка.

– Зачем? – удивился немец.

– Часто экстремальная ситуация помогает раскрыть картину.

– А если офицеры не захотят идти с вами?

– Убедите их, что с нами будет надежнее.

Уговаривать немцев не пришлось. В наступившей темноте, обдуваемые холодным напористым ветром, по-настоящему напуганные неожиданно разыгравшейся трагедией, офицеры Абвера не стали долго размышлять, пошли – куда деваться? – следом.

– С грузом-то им тяжело будет, – заметил Лопата замполиту, едва все тронулись в путь.

Его слова заставили Вершинина обратить внимание на появившиеся за плечами у немцев увесистые ранцы.

– Все это время они их прятали в одном месте за хутором, – объяснил Мюллер, не упуская гитлеровцев ни на миг из поля зрения.

К крошечному хуторку в два домика они вышли под утро. За ночь землю накрыло легким снежным покрывалом. Проскочив по общему двору, еще не потревоженному человеческой ногой, отправленные на разведку Лопата с Кнутом спешно обследовали каждый домик, проверили оба хлева и глухие сараи-дровники. Убедившись, что на хуторе давно никого не было, криком ночной птицы разведчики подали своим сигнал «все чисто».

Обнаружив в большом хозяйском доме три комнаты, одну отдали офицерам Абвера, выразившим желание поселиться вместе. Другую, поменьше, предоставили женщине. Чепраков с Вершининым остановились в центральной, самой большой, служившей, очевидно, хозяевам гостиной и кухней одновременно. Места здесь хватило и Краузе с Мюллером. Бойцы разместились кто в соседнем доме, а кто и в хлеву.

Выложив из котомок нехитрую снедь, Сверчок, помогавший накрывать стол, встал у двери, ожидая дальнейших распоряжений. Чепраков повернулся к Вершинину:

– Ну, зови всех!

Первыми к ним вышли майор Шульц с Фишером. Огромного роста, широкий в плечах, гауптман настороженным взглядом окинул помещение и, оставшись доволен, ответил дежурной улыбкой на приветствие Ульриха Мюллера.

Последней на приглашение откликнулась радистка. Отворив дверь, женщина неожиданно предстала перед всеми в черной шерстяной юбке и белой батистовой кофте, поверх которой был надет такого же цвета, как и низ, джемпер. Слегка припудренное лицо с подкрашенными губами в тусклом свете

горницы казалось прекрасным. Улыбнувшись, она представилась с большим опозданием:

– Ихь – Эльза!..

Вершинин стал переводить ее слова:

– Эльза благодарит нас за то, что не оставили одних.

Представившись Кондратом Матюшиным, Чепраков сдержанно улыбнулся:

– Ладно, чего там! Предлагаю выпить по такому случаю, – предложил он.

– За знакомство, за наше спасение...

Пока Вершинин переводил немцам его речь, Федор Иванович отправил Сверчка к бойцам за спиртом.

«Офицеры» Краузе и Мюллер бурно отреагировали на предложение выпить.

– О, зер гуд, зер гуд! – стал восторгаться и майор Шульц.

Коля обернулся быстро. Следом за ним в комнату вошли неразлучные друзья, Черенков с Кнутовым. В руках первый нес две фляги. Кнут держал сверток. Развернув его, он протянул немке чистую нательную рубаху.

– Не женская, конечно, зато новая! – воскликнул он. – Чтобы было, во что переодеться потом, после баньки. Сейчас ребята ее протопят.

Услышав перевод, немцы стали дружно восхвалять полиция за сообразительность.

Взяв рубаху, Эльза хотела приложить ее к своим плечам, со смехом демонстрируя большой размер. Вдруг лицо ее побледнело. Что-то тихо проговорив, она взглянула на Фишера. Насторожившись, гауптман шагнул к ней.

Испуг в его глазах Чепраков заметил прежде, чем немец выхватил из кармана пистолет и начал стрелять. Успев крикнуть своим, чтобы брали всех живыми, майор бросился на него. Мгновение спустя комната наполнилась дымом.

Еще не понимая, что произошло, Сверчок толкнул немку в полураскрытую дверь ее комнатухи. В следующее мгновение что-то тяжелое навалилось на них сзади, сбив с ног. Это было обмякшее тело гауптмана Фишера.

– Брать живыми! – вновь раздался голос командира.

Пытаясь выбраться из-под грузного немца, Коля увидел, как, просунувшись в приоткрытую дверь, чья-то рука наводит на него пистолет. Успев схватить «Парабеллум» убитого гауптмана, выроненный им при падении, он выстрелил первым. Вскрикнув, нападавший выронил оружие из простреленной руки.

Когда рассеялся пороховой дым, кто-то сильный снял с Николая и Эльзы тело гауптмана.

– Ты как, цел? – донесся до оглохшего от выстрелов Сверчка голос командира.

– Нормально, – с трудом выдавил он, дотрагиваясь до ушибленной ноги.
– Что случилось? Почему стали стрелять?

Увидев в большой комнате на полу бездыханные тела Лопаты и Кнута, Коля прикрыл рукой глаза и выскочил во двор. Туман застил глаза. «Как же так? Этого не должно было случиться!»

Друзей похоронили недалеко, на небольшой лысой возвышенности. Чуть позже подошел Виктор Вовк со своими. Наконец отряд Чепракова снова стал единым целым.

Собравшись вместе, офицеры решали вопрос, каким путем доставить гитлеровских агентов в Москву. Центр, поставленный в известность

об их аресте, торопил, предлагая выслать самолет, но мешала низкая облачность и сильный порывистый ветер. Нелетная погода обещала надолго задержаться в этих беспокойных краях.

Чепраков не сразу понял, каким образом немцы догадались, что перед ними советские бойцы. Подказала нательная рубашка, которую Эльзе преподнес Кнутов. Сравнив ее с рубахой убитого гауптмана, майор заметил разницу в... пуговицах. У немцев они были выполнены из тончайшего алюминия, обмотанного ниткой. Советские же – из кости.

– Федор Иванович, как думаете, кто из абверовцев Бернштайн? – вывел Чепракова из раздумий Вершинин. – Я полагаю, что это был гауптман. Шульц поэтому его и застрелил. Ценный агент не должен был попасть в наши руки.

Версия замполита не устроила Вовка:

– Это может быть и сам Шульц! Майор из них самый старший, самый опытный. К тому же знает английский, а мы как раз ищем агента, связанного с британцами.

– Шульц, действительно, намеревался убить, только не Фишера, а Эльзу! – уверенно сообщил Чепраков. – Гауптман был ее телохранителем. Он всего лишь пытался защитить ее, прикрыть собой. Когда стало ясно, что немцам не отбиться от нас, Шульц выстрелил, но попал в него. Второй раз ему не дал выстрелить Сверчок. Вот и выходит, что Бернштайн – это Эльза.

Вершинин с восхищением посмотрел на командира:

– А я думал, что она простая радистка. Что будем делать? Отправим в Москву?

– Сначала пообщаемся с ней, – улыбнулся Чепраков.

Несколько часов спустя в Москву полетела радиограмма: «Кутора опознана тчк Готова к сотрудничеству...».

Содержание

Часть первая	3 стр.
Часть вторая	124 стр.

